

ISSN 2074-1529 (Print)
DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4
www.islamjournal.idmedina.ru

ИСЛАМ

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Рецензируемый научный журнал

Издаётся с 2005 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, сформированный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации, по отраслям науки в соответствии с Номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени:

07.00.00 Исторические науки и археология,

23.00.00 Политология,

26.00.01 Теология (отрасль науки: философия, филология, история, искусствоведение, культурология, педагогика).

Том 16

№ 4

декабрь

2020

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель международного редакционного совета

Гайнутдин (Гайнутдинов) Равиль Исмагилович (муфтий шейх), канд. филос. наук, пред. Централизованной религиозной организации Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМРФ), пред. Централизованной мусульманской религиозной организации Совет муфтиев России (СМР), сопред. Межрелигиозного совета России, член Высшего Совета Всемирной ассамблеи по сближению мазхабов, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Москва, Россия).

Сопредседатели редакционного совета

Арафи Али Реза, Dr. Sci. (Pedag.), ректор Международного университета «Аль-Мустафа», член Высшего совета Исламской культурной революции, руководитель международного исламского центра города Кум (Кум, Иран).

Васильев Алексей Михайлович, д-р ист. наук, проф., действ. член Российской академии наук, почетный президент Института Африки Российской академии наук, зав. каф. африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, член научного совета при Совете Безопасности РФ (Москва, Россия).

Гафуров Ильшат Рафкатович, д-р экон. наук, проф., член-корр., член президиума Академии наук Республики Татарстан, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета, член Комитета Государственного Совета РТ по культуре, науке, образованию и национальным вопросам (Казань, Россия).

Кропачев Николай Михайлович, д-р юрид. наук, проф., член-корреспондент Российской академии наук, предс. Общественного совета при Министерстве юстиции РФ, предс. Ассоциации ведущих университетов России, председатель Совета ректоров вузов СЗФО, ректор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Наумкин Виталий Вячеславович, д-р ист. наук, проф., действ. член Российской академии наук, научный руководитель Института востоковедения Российской академии наук, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова, член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, член научного совета при министре иностранных дел Российской Федерации, пред. научно-консультативного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма, член комиссии по миграционным вопросам Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям (Москва, Россия).

Пиотровский Михаил Борисович, д-р ист. наук, проф., действ. член Российской академии наук, декан восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, генеральный

директор Государственного Эрмитажа, член Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, член президиума Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия).

Садовничий Виктор Антонович, д-р физ.-мат. наук, проф., действ. член Российской академии наук, член президиума Российской академии наук, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, президент Российского союза ректоров высших учебных заведений, член Совета при Президенте РФ по науке и высоким технологиям, член Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, член Совета по русскому языку при Правительстве РФ, член коллегии Минобрнауки России, президент Евразийской ассоциации университетов (Москва, Россия).

Смирнов Андрей Вадимович, д-р филос. наук, действ. член Российской академии наук, академик-секретарь Отделения общественных наук Российской академии наук, директор Института философии Российской академии наук, Президент Российского философского общества (Москва, Россия).

Члены редакционного совета

Главный редактор

Мухетдинов Дамир Ваисович, канд. полит. наук, первый зам. пред. ДУМ РФ, ректор Московского исламского института, проф. Санкт-Петербургского государственного университета, член Общественной палаты Российской Федерации, член Комиссии по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, член рабочей группы Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации, член Общественного совета при Федеральном агентстве по делам национальностей Российской Федерации, член рабочей группы по организации и контролю за исполнением плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама при Минобрнауки России (Москва, Россия).

Абашин Сергей Николаевич, д-р ист. наук, проф., именной проф. Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия).

Абдрахманов Данияр Мавляирович, канд. филос. наук, доцент, ректор Болгарской исламской академии (Болгар, Россия).

Акаев Вахит Хумидович, д-р филос. наук, проф., действ. член Академии наук Чеченской Республики, гл. науч. сотр. Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова Российской академии наук, член экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по теологии (Грозный, Россия).

Аликберов Аликбер Калабекович, д-р ист. наук, врио директора Института востоковедения Российской академии наук, член рабочей группы по организации и контролю за исполнением плана мероприятий

по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама при Минобрнауки России (Москва, Россия).

Бабаджанов Бахтиер Мираимович, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан).

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, д-р полит. наук, проф., зав. каф. сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, пред. Экспертного Совета РГНФ по политологии, философии, социологии, юриспруденции и науковедению, председатель Федерального учебно-методического объединения в системе высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 41.00.00 Политические науки и регионоведение, президент Российской ассоциации политической науки, член Экспертного совета грантовой программы Президента РФ по поддержке молодых ученых, действ. член Академии политической науки РФ (Москва, Россия).

Горшков Михаил Константинович, д-р филос. наук, действ. член Российской академии наук, директор Института социологии Российской академии наук, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, член экспертного совета по научным проектам Российского научного фонда (Москва, Россия).

Делокаров Кадырбеч Хаджумарович, д-р филос. наук, проф. каф. ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

Дербисали Абсаттар Багисбаевич, д-р филол. наук, проф., действ. член Академии Высшей школы Республики Казахстан, директор Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан).

Дробижева Леокадия Михайловна, д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр., руководитель Центра межнациональных отношений Института социологии Российской академии наук, член комиссии по мониторингу и разрешению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений, член рабочей группы по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Москва, Россия).

Дьяков Николай Николаевич, д-р ист. наук, проф., зав. каф. истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Зорин Владимир Юрьевич, д-р полит. наук, канд. ист. наук, проф., зам. директора Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, зам. пред. экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по политологии, член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, член Президиума, пред. Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты Российской Федерации, пред. Комиссии по мониторингу и разрешению конфликтных ситуаций

в сфере межнациональных отношений Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Москва, Россия).

Ибрагим Тауфик Камель, д-р филос. наук, проф., гл. науч. сотр. Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, зам. пред. экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по теологии, пред. Российского общества исламоведов (Москва, Россия).

Кемпер Михаэль, Ph. D. (Hist.), проф. сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук Амстердамского университета (Амстердам, Нидерланды).

Кириллина Светлана Алексеевна, д-р ист. наук, проф. каф. истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кныш Александр Дмитриевич, д-р ист. наук, проф. восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), проф. исламоведения, проф. каф. ближневосточных исследований Мичиганского университета (Энн-Арбор, США).

Косач Григорий Григорьевич, д-р ист. наук, проф. каф. современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, эксперт Института Ближнего Востока (Москва, Россия).

Ланда Роберт Григорьевич, д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр. Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук, член научного совета Российской академии наук по проблемам стран Африки при отделении глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук (Москва, Россия).

Мейер Михаил Серафимович, д-р ист. наук, проф., президент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Михайлов Вячеслав Александрович, д-р ист. наук, проф., зав. каф. национальных и федеративных отношений Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Президиума, руководитель рабочей группы по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Москва, Россия).

Пляйс Яков Андреевич, д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф. Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Понеделков Александр Васильевич, д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии и этнополитики, зав. лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южнороссийского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

Федерации, член экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по политологии (Ростов-на-Дону, Россия).

Попова Ирина Фёдоровна, д-р ист. наук, профессор, директор Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Рамадан Тарик, Ph. D. (Arabic and Islamic Studies), проф. современного исламоведения, Оксфордский университет, президент Европейской мусульманской сети (Брюссель), член Международного союза мусульманских ученых (Оксфорд, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии).

Следзевский Игорь Васильевич, д-р ист. наук, зав. Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук, зам. председателя Научного совета по проблемам Африки при Отделении глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук (Москва, Россия).

Соловьев Александр Иванович, д-р полит. наук, проф., зав. каф. политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, проф. кафедры политической теории факультета политологии Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по политологии (Москва, Россия).

Солодовник Диляра Медехатовна, канд. ист. наук, доц., зам. директора Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, зав. кафедрой ЮНЕСКО ИСАА МГУ, член рабочей группы по организации и контролю за исполнением плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама при Минобрнауки России (Москва, Россия).

Сюкияйнен Леонид Рудольфович, д-р юрид. наук, проф., ординарный проф., проф. каф. теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Тимофеева Лидия Николаевна, д-р полит. наук, проф., зам. зав. каф. политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, действ. член Академии политической науки, вице-президент, пред. правления Российской ассоциации политической науки (Москва, Россия).

Фролов Дмитрий Владимирович, д-р филол. наук, проф., член-корр. Российской академии наук, зав. каф. арабской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Хайретдинов Дамир Зинюрович, канд. ист. наук, зам. пред. ДУМРФ по делам образования, науки и культуры, член рабочей группы по организации и контролю за исполнением плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама при Минобрнауки России (Москва, Россия).

Шабров Олег Федорович, д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, зам. пред. экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по политологии, президент Академии политической науки (Москва, Россия).

Шарков Феликс Изосимович, д-р социол. наук, проф., зам. декана факультета журналистики, зав. каф. общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, проректор по науке Академии труда и социальных отношений, президент Международной академии коммуникологии, эксперт Российского экспертного совета по оценке журналов, предложенных для включения в состав SCOPUS (RCAB/ ECSAC for SCOPUS) (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хабутдинов Айдар Юрьевич, пред. редколлегии, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор Института международных отношений, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», член экспертного совета ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по теологии (Казань, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарии и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик, Россия).

Алексеев Игорь Леонидович, канд. ист. наук, доц. каф. современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, директор научных программ фонда «Марджани» (Москва, Россия).

Берникова Ольга Александровна, канд. филол. наук, доц., доц. каф. арабской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Ефремова Наталия Валерьевна, канд. филос. наук, ст. науч. сотр. сектора восточных философий Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

Золотухин Всеволод Валерьевич, зам. гл. ред., зам. пред. редколлегии, выпускающий редактор, канд. филос. наук, доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Кудряшова Ирина Владимировна, канд. полит. наук, доц. каф. сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия).

Кямилев Саид Хайбулович, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, действ. член Иорданского Королевского общества (Академии) исламской мысли, член Высшего совета Исламской организации по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО), представитель ИСЕСКО и Федерации университетов исламского мира в России (Москва, Россия).

Мчедлова Мария Мирановна, д-р полит. наук, проф. каф. сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, гл. науч. сотр. Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, член экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по политологии, член рабочей группы по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям (Москва, Россия).

Насыров Ильшат Рашитович, д-р филос. наук, в. н. с. сектора философии исламского мира Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

Павлова Ольга Сергеевна, канд. пед. наук, доц., доц. каф. этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия).

Почта Юрий Михайлович, д-р филос. наук, проф., зав. каф. сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

Псху Рузана Владимировна, д-р филос. наук, доц., доц. каф. истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

Редькин Олег Иванович, д-р филол. наук, проф. каф. арабской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Родионов Михаил Анатольевич, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, зав. отделом Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Сеидова Гюльчохра Надировна, канд. филос. наук, проф. каф. юридических и гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Дербенте, зав. отделением каф. ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу (Дербент, Россия).

Сенюткина Ольга Николаевна, д-р ист. наук, проф. каф. культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, член экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по теологии (Нижний Новгород, Россия).

Сулейманова Шукран Саидовна, д-р полит. наук, проф. каф. общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

Хайрутдинов Рамиль Равилович, канд. ист. наук, доц., директор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, член рабочей группы по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член рабочей группы по организации и контролю за исполнением плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама при Минобрнауки России (Казань, Россия).

Юзеев Айдар Нилович, д-р. филос. наук, проф., зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, член экспертного совета ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (Казань, Россия).

Некоммерческий благотворительный фонд
ФОНД ПОДДЕРЖКИ
ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ,
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Издаётся при финансовом содействии
Фонда поддержки исламской культуры,
науки и образования

© 2020 Редакция журнала «Ислам в современном мире»

© 2020 ООО «Издательский дом “Медина”»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ИСЛАМЕ

Мухетдинов Д. В.

Трансформация парадигмы перевода Корана на латинский язык: между полемикой и наукой 27

Редькин О. И., Берникова О. А.

Коран как объект междисциплинарных исследований 51

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Абдулмажидов Р. С., Абдулаев А. Г.

«Асар» — памятник письменного наследия
Мухаммада ал-Йараги: общая характеристика
и источниковедческий анализ 65

ИСЛАМ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАН И НАРОДОВ

Москалец О. В.

Таха Хусейн и развитие образования в Египте 81

Победоносцева-Кая А. О.

«Мукринские курды» О. Л. Вильчевского:
что и почему было удалено перед публикацией? 99

Нефляшева Н. А.

«Реинтеграция вместо уничтожения». Программа
дерадикализации исламистов в Сомали.
Реабилитационный центр Серенди 117

Хайруллин Т. Р.

Йеменский опыт дерадикализации исламизма 131

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Хабутдинов А. Ю.

Развитие мусульманской общины Татарстана в 2020 г. 145

Гузельбаева Г. Я.

Исламское воспитание и социализация детей в семьях
соблюдающих мусульман Татарстана в контексте
семейного образования 163

Яковлева А. В.

Проектирование и развитие государственно-общественной
системы управления исламской образовательной
организацией в контексте основных тенденций
стратегического развития систем образования 183

РЕЦЕНЗИИ

Али-заде А. А. о.

Отзыв на диссертацию Мухетдинова Д. В.
на соискание ученой степени доктора теологии
«Исламское обновленческое движение конца XX —
начала XXI века: идеи и перспективы» 197

ISSN 2074-1529 (Print)
DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4
www.islamjournal.idmedina.ru

ISLAM

IN THE MODERN WORLD

Peer-reviewed academic journal

Published since 2005

Published quarterly

The journal is in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where major scientific results of dissertations for academic degrees of doctor and candidate of sciences are to be published in the fields on sciences according to the

Nomenclature of Academic Specializations that grant academic degrees:

07.00.00 Historical Sciences and Archaeology,

23.00.00 Political Science,

26.00.00 Theology

2020

vol. 16

no. 4

December

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Chairman of the international editorial board

Gaynutdin (Gaynutdinov), Ravil (mufti sheikh), Cand. Sci. (Philos.), chairman of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation, chairman of the Russian Council of Muftis, co-chairman the Russian Inter-religious Council, member of the Supreme Council of the World Assembly for the Rapprochement of Islamic Schools of Law, member of the Russian Presidential Council on Cooperation with Religious Associations, member of the Federation Council's Consultative Council on Inter-ethnic and Interreligious Relations and Interaction with Religious Associations (Moscow, Russian Federation).

Co-chairmen of the editorial board

Arafi, Ali Reza (Ayatollah), Dr. Sci. (Pedag.), president of Al-Mustafa International University, member of the Supreme Council of the Cultural Revolution, head of the International Islamic Center in Kum (Kum, Iran).

Gafurov, Ilshat, Dr. Sci. (Econ.), prof., member, presidium member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, rector of Kazan (Volga region) Federal University, chairman of the Council of Rectors of the Republic of Tatarstan, deputy, member of the Committee of the Council of State of the Republic of Tatarstan on Culture, Science, Education and National Issues (Kazan, Russian Federation).

Kropachev, Nikolay, Dr. Sci. (Law), prof., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Public Council of the Ministry of Justice of the Russian Federation, head of the Council of Rectors of the Northwest Federal District, rector of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Naumkin, Vitaly, Dr. Sci. (Hist.), prof., member of the Russian Academy of Sciences, scientific director of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences), head of the Department of Regional Issues of International Relations of Lomonosov Moscow State University, member of the scientific board under the Security Council of Russia, member of the scientific board under the foreign minister of Russia, chairman of the Scientific Advisory Board for Studying Religious Materials under the Russian Ministry of Justice, member of the Migration Commission under the Russian Presidential Council for Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation).

Piotrovsky, Mikhail, Dr. Sci. (Hist.), prof., member of the Russian Academy of Sciences, dean of the Faculty of Oriental Studies (St. Petersburg State University), director of the State Hermitage Museum, member of the Presidential Council for Science and Education, presidium member of the Presidential Council for Culture and Art, member of the Scientific Expert Council under the Chairman of

the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation).

Sadovnichiy, Victor, Dr. Sci. (Phys.-Math.), prof., member of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, rector of Lomonosov Moscow State University, member of the Presidential Council on Science and High Technologies, member of the Presidential Council for the Implementation of the Priority National Projects, president of the Russian Union of Rectors, president of the Eurasian University Association, member of the Scientific Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, member of the Board of the Ministry of Education and Science, member of the Academic Council under the Security Council of Russia, member of the Committee on the Russian Language under the Government of Russia (Moscow, Russian Federation).

Smirnov, Andrey, Dr. Sci. (Philos.), member of the Russian Academy of Sciences, secretary member of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Society for Philosophy (Moscow, Russian Federation).

Vasilyev, Alexey, Dr. Sci. (Hist.), member of the Russian Academy of Sciences, director of the Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences, head of chair of African and Arab Studies, People Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Mukhetdinov, Damir, Cand. Sci. (Polit.), first deputy chairman of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation, rector of Moscow Islamic Institute, prof. of Saint Petersburg State University, member of the Civic Chamber of the Russian Federation, member of the Commission on Improvement of Legislation and Law Enforcement under the Russian Presidential Council on Cooperation with Religious Associations, member of the Public council of the Federal Agency for Ethnic Affairs, member of the working group of the Russian Government Commission on Religious Organizations, member of the working group on the organization and control over the implementation of the program for the training of specialists with in-depth knowledge of history and culture of Islam, Ministry of Education and Science of Russia (Moscow, Russia).

Abashin, Sergey, Dr. Sci. (Hist.), prof. of the European University in Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation).

Abdrahmanov, Daniyar, Cand. Sci. (Philos.), associate professor, rector of the Bolgar Islam Academy (Bolgar, Russian Federation).

Akayev, Vakhit, Dr. Sci. (Philos.), prof., member of the Academy of Sciences of Chechnya, head research ass. at the Kh. I. Ibragimov Interdisciplinary Research Institute of the Russian Academy of Sciences, member of the Higher Attestation Commission's expert council on Theology under the Russian Ministry of Education (Grozny, Russian Federation).

Alikberov, Alikber, Dr. Sci. (Hist.), interim head of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, member of the working group on the organization and control over the implementation of the program for the training of specialists with in-depth knowledge of history and culture of Islam, Ministry of Education and Science of Russia (Moscow, Russian Federation).

Babajanov, Bekhtier, Dr. Sci. (Hist.), leading researcher of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan).

Delokarov, Kadyrbech, Dr. Sci. (Philos.), prof. of the UNESCO Chair, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

Derbisali, Absattar, Dr. Sci. (Philol.), prof., member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, director of Suleymanov Institute of Oriental Studies under the Committee of Science of the Ministry of Education of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan).

Drobizheva, Leokadia, Dr. Sci. (Hist.), prof., chief researcher, head of the Center for Interethnic Relations Research, the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, member of the Commission on Monitoring and settlement of conflicts in the sphere of international relations, member of the working group for the implementation of the Strategy of governmental national policy of the Russian Federation until 2025 adopted by the Presidential Council for Interethnic Relations, member of the Federation Council's Consultative Council on inter-ethnic and inter-religious Relations and Interaction with Religious Associations (Moscow, Russian Federation).

Dyakov, Nicolay, Dr. Sci. (Hist.), prof., head of the Department of Middle East History, Faculty of Oriental Studies, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Frolov, Dmitry, Dr. Sci. (Philol.), prof., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Arabic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Gaman-Golutvina, Oksana, Dr. Sci. (Polit.), head of the Department of Comparative Political Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, chairperson of the Federal Educational and Methodological Association in the Higher Education System on larger types of specialization and training areas 41.00.00 Political and Regional Studies (Moscow, Russian Federation).

Gorshkov, Mikhail, Dr. Sci. (Philos.), member of the Russian Academy of Sciences, director of the Institute of Sociology of the Russian Academy

of Sciences, member of the Scientific Expert Board under the Chairman of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, member of the Expert Board for Scientific Projects under the Russian Science Foundation (Moscow, Russian Federation).

Ibrahim, Tawfiq, Dr. Sci. (Philos.), prof., Deputy chairman of the expert council on theology of the Higher Attestation Committee under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, chairman of the Russian Society of Islamicists (Moscow, Russian Federation).

Kemper, Michael, Ph. D. (Hist.), prof. of the Research group of European Studies, the Department of European Studies, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands).

Kirillina, Svetlana, Dr. Sci. (Hist.), prof. of the Department of History of Near and Middle East, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Khairetdinov, Damir, Cand. Sci. (Hist.), deputy chairman of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation for Education, Science and Culture, member of the working group on the organization and control over the implementation of the program for the training of specialists with in-depth knowledge of history and culture of Islam, Ministry of Education and Science of Russia (Moscow, Russian Federation).

Knysh, Alexander, Dr. Sci. (Hist.), prof. of Islamic Studies, Department of Middle Eastern Studies, Michigan State University (Ann Arbor, USA), head of the Laboratory for analysis and modeling of social processes (political Islam/Islamism: theory and practice from Historic and Comparative Prospective), the Faculty of Oriental Studies, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Kosach, Grigory, Dr. Sci. (Hist.), prof. of the Chair of Modern East, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, expert of the Institute of the Middle Ea (Moscow, Russian Federation).

Landa, Robert, Dr. Sci. (Hist.), prof., chief researcher, Center for the Research of General Problematics in Modern East, Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences), member of the scientific board of the Russian Academy of Sciences for the problems of African countries under the Department of Global Issues and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Meyer, Mikhail, Dr. Sci. (Hist.), prof., president of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Mikhailov, Vyacheslav, Dr. Sci. (Hist.), prof., head of the Department of National and Federative relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the presidium, head of the working group for the implementation of the Strategy of Governmental National Policy of the Russian Federation until 2025 adopted by the Russian Presidential Council for Interethnic Relations, Member of the Federation Council's Consultative Council on inter-ethnic and inter-religious relations and interaction with religious associations (Moscow, Russian Federation).

Pleis, Yakov, Dr. Sci (Hist.; Polit. Sci.), prof., head of the Department of General Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ponedelkov, Alexandr, Dr. Sci. (Polit. Sci.), prof., head of the Department of Political Science and Ethnical Policies of the South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the experts' council of the High Qualification Commission on Political Science under the Russian Ministry of Education and Science (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Popova, Irina, Dr. Sci. (Hist.), prof., director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian academy of sciences (Saint Petersburg, Russian Federation).

Ramadan, Tariq, Ph. D. in Arabic and Islamic Studies, prof. of Contemporary Islamic Studies, Oxford University, President of the European Muslim Network in Brussels, member of the International Union of Muslim Scholars (Oxford, United Kingdom).

Shabrov, Oleg, Dr. Sci. (Polit. Sci.), prof., head of the Department of Political Science and Political Management, Faculty of Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, deputy chairman of expert committee of the High Qualification Commission on Political Science under the Russian Ministry of Education and Science, president of the Academy of Political Science (Moscow, Russian Federation).

Sharkov, Felix, Dr. Sci. (Sociol.), prof., deputy director of the Department of Journalism, head of the Department of PR and Media Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, president of the International Academy of Communicology, expert of the Expert Content Selection and Advisory Committee (RCAB/ECSAC for SCOPUS) (Moscow, Russian Federation).

Sledzevski, Igor, Dr. Sci. (Hist.), head of the Centre of Civilization and Regional Studies, Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, deputy chairman of the Scientific Council on African Issues, Department of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Solodovnik, Dilara, Cand. Sci. (Hist.), ass. prof., deputy director, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, head of UNESCO Chair of Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, member of the working group on the organization and control over the implementation of the program for the training of specialists with in-depth knowledge of history and culture of Islam, Ministry of Education and Science of Russia (Moscow, Russian Federation).

Solovyov, Alexandr, Dr. Sci (Polit. Sci.), prof., head of the Department of Political Analysis, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, prof. of the Department of Political Theory, Faculty of Political Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, member of the expert committee of the High Qualification Commission on Political Science under the Russian Ministry of Education and Science (Moscow, Russian Federation).

Syukiyaynen, Leonid, Dr. Sci. (Law), prof. in ordinary, prof. of the Department of History and Theory of Law of the National Research University 'Higher School of Economics' (Moscow, Russian Federation).

Timofeeva, Lidia, Dr. Sci. (Polit. Sci.), prof., deputy head of the Department of Political Science and Political Management, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, vice-president, chairman of the board of the Russian Association of Political Science (Moscow, Russian Federation).

Zorin, Vladimir, Dr. Sci. (Polit. Sci.), prof., assistant director of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography and Anthropology (Russian Academy of Sciences), deputy chairman of the expert committee of the High Qualification Commission on Political Sciences under the Russian Ministry of Education and Science, member of Scientific Board under the Russian Security Council, member of the presidium, chairman of the Commission on Harmonization of Relations Between Nations and Confessions of the Civic Chamber of the Russian Federation, chairman of the Commission on Monitoring and Settlement of Conflicts in the Sphere of International Relations of the Russian Presidential Council on Interethnic Relations, member of the Federation Council's Consultative Council on Inter-ethnic and Inter-religious Relations and Interaction with Religious Associations (Moscow, Russian Federation).

EDITORIAL COUNCIL

Khabutdinov, Aydar, Dr. Sci. (Hist.), chairman of the editorial council, prof., prof. of the Kazan branch of the Russian State University of Justice, prof. of Institute of International Relations, Kazan (Volga) Federal University, Member of the expert council on theology of the Higher Attestation Committee under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Kazan, Russian Federation).

Members of the editorial council

Akkieva, Svetlana, Dr. Sci. (Hist.), leading researcher of the Institute of Humanitarian Studies under the Government of Kabardino-Balkaria and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik, Russian Federation).

Alexeev, Igor, Cand. Sci. (Hist.), associate professor of the Department of Modern East, the Faculty of History, Political Science and Law (History and Archives Institute, Russian State University For the Humanities), scientific programs director of Marjani Foundation (Moscow, Russian Federation).

Bernikova, Olga, Cand. Sci. (Philol.), ass. prof. of the Department of Arabic Philology, the Faculty of Oriental Studies, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Efremova, Natalia, Cand. Sci. (Philos.), senior researcher, Department of Eastern Philosophies, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Khairutdinov, Ramil, Cand. Sci. (Hist.), ass. prof., director of the Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University, member of the working group for the implementation of the Strategy of governmental national policy of the Russian Federation until 2025 adopted by the Presidential Council for Interethnic Relations, member of the working group on the organization and control over the implementation of the program for the training of specialists with in-depth knowledge of history and culture of Islam, Ministry of Education and Science of Russia (Kazan, Russian Federation).

Kudryashova, Irina, Cand. Sci. (Polit. Sci.), ass. prof. of the Department of Comparative Political Studies of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Kyamilev, Said, Cand. Sci. (Philol.), chief researcher of the Centre for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, member of The Royal Aal al-Bayt Institute for Islamic Thought (Jordan), member of the Supreme Council for Education, Science and Culture for Muslims (ISESCO), Russian representative of the ISESCO and Federation of the Universities of the Islamic World (Moscow, Russian Federation).

Mchedlova, Maria, Dr. Sci. (Polit. Sci.), head of the Department of Comparative Political Studies, Peoples' Friendship University of Russia, chief researcher at the Center 'Religion in Financial support for the publication is provided by the Foundation for the Support of Islamic Culture, Science and Education Contemporary Society', Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Nasyrov, Il'shat, Dr. Sci. (Philos.), leading researcher, Department of Philosophy of Islamic World, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Pavlova, Olga, Cand. Sci. (Pedag.), ass. prof. of the Department of Ethnic Psychology and Psychological Problems of Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russian Federation).

Pochta, Yuri, Dr. Sci. (Philos.), prof., prof. of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Pskhu, Ruzana, Dr. Sci. (Philos.), ass. prof. of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Redkin, Oleg, Dr. Sci. (Philol.), head of the Department of Arabic Philology, Faculty of Oriental Studies, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Rodionov, Michael, Dr. Sci. (Hist.), prof., prof. of the Faculty of Oriental Studies, Saint Petersburg State University, head of the Department of South and South-West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation).

Seidova, Goulchokhra, Cand. Sci. (Philos.), prof., Teacher Emeritus of the Republic of Dagestan, head of the Department of Humanitarian Studies, Dagestan State University, Derbent branch, Head of the Department of the UNESCO Chair in Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specific Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus (Derbent, Russian Federation).

Senyutkina, Olga, Dr. Sci. (Hist.), prof. of the Department of Culturology, History and Ancient History, Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Member of the expert council on theology of the Higher Attestation Committee under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Suleymanova, Shukran, Dr. Sci. (Polit. Sci.), prof. of the department of PR and Media Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

Yuzeev, Aidar, Dr. Sci. (Philos.), head of the Department of Social Sciences and Humanities, Kazan branch of Russian State University of Justice, Member of the expert council on theology of the Higher Attestation Committee under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Kazan, Russian Federation).

Zolotukhin, Vsevolod, Cand. Sci. (Philos.), deputy editor-in-chief, deputy chairman of the editorial council, managing editor, ass. prof., School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University (Moscow, Russian Federation).

UNCOMMERCIAL CHARITABLE FUND
«FUND FOR SUPPORT OF ISLAMIC
CULTURE, SCIENCE AND EDUCATION»

Financial support for the publication is provided by
the Fund for Support of Islamic Culture, Science and
Education

© 2020 The editorial board of “Islam in the Modern World”

© 2020 “Medina” Publishing House LLC

CONTENTS

THEOLOGICAL THOUGHT IN ISLAM

Damir V. Mukhetdinov

The Latin Translation of the Qur'ān Between Controversy
and Research

27

Oleg I. Red'kin, Olga A. Bernikova

Interdisciplinary Approach to Studying the Text of the Qur'ān

51

FROM THE HISTORY OF MUSLIMS OF RUSSIA

Ramazan S. Abdulmazhidov, Abdula G. Abdulaev

“Al-Athar” — a Monument of Muhammad al-Yaragi's
Written Heritage

65

ISLAM IN SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF COUNTRIES AND PEOPLES

Oksana V. Moskalets

Taha Hussein and the Development of Education in Egypt

81

Angelica O. Pobedonotseva-Kaya

“The Mukri Kurds” by O. L. Vilchevsky:
What and Why Has Been Deleted Before Publication?

99

Naima A. Nefliasheva

“Reintegration over Eradication”.
Programme for the Deradicalization of Islamists in Somalia.
Rehabilitation Center Serendi

117

Timur R. Khayrullin

Deradicalization of Islamism: Case of Yemen

131

ISLAM IN PRESENT-DAY RUSSIA

- Aidar Yu. Khabutdinov**
The Muslim Community of Republic of Tatarstan in 2020 145
- Guzel Ya. Guzelbaeva**
Family Education and Child Socialization in Observant Muslim
Community of the Republic of Tatarstan 163
- Albina V. Yakovleva**
State-Public System of Management
in Islamic Educational Organization 183

REVIEWS

- Aydin A. o. Ali-Zadeh**
Damir V. Mukhetdinov, “The Islamic renovationist movement
from the end of the 20th century to the start of the 21st century:
ideas and prospects” (Thesis) 197

Издательский дом «Медина» с гордостью сообщает о том, что журнал «Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты» решением Ученого совета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова от 28.12.2020 г. включен в Дополнительный список рецензируемых научных изданий из Перечня, рекомендованного Минобрнауки России, в котором могут быть опубликованы научные результаты диссертаций по профилю «История». Публикации в Дополнительном списке обязательны для соискателей, рассчитывающих на защиту диссертаций по соответствующим научным специальностям в МГУ.

Таким образом, флагман фундаментального образования в России, старейший вуз страны — МГУ им. М. В. Ломоносова подтверждает высокий уровень журнала «Ислам в современном мире». Издательский дом «Медина» счастлив находиться на переднем краю российской науки и способствовать приращению знания в сфере исторического, политологического и теологического исламоведения.

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ИСЛАМЕ

26.00.01 Теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-27-50

Д. В. Мухетдинов

Московский исламский институт, г. Москва,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ПЕРЕВОДА КОРАНА НА ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК: МЕЖДУ ПОЛЕМИКОЙ И НАУКОЙ

МУХЕТДИНОВ Дамир Ваисович —

доктор теологии, ректор.

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, 12);

директор Центра исламских исследований, профессор

Санкт-Петербургского государственного университета

(199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается история перевода Корана на латинский язык. Основное внимание в ней уделено изучению трансформации подхода к переводу Корана на латынь. На протяжении длительного исторического периода (XII–XVII вв.) его базовые принципы оставались неизменными, однако значительные изменения претерпевали способы их практического приложения. В работе показано, что за основу переводческого подхода, выработанного в рамках перевода Роберта Кеттонского и *Corpus Tholetanum* (ок. 1143 г.) — сборника работ об исламе, созданного в Толедо под руководством Петра Достопочтенного, — взято сочетание полемического и исследовательского компонентов. Эти ведущие компоненты переводческого подхода лежат в основе всех прочих переводов Корана на латинский язык. Однако начиная уже с перевода Марка Толедского (ок. 1210 г.), качественные характеристики этих компонентов претерпевают значительные изменения. Кроме того, изменяется и соотношение между ними: если

в XII в. полемическая составляющая оказывала значительное влияние на те или иные переводческие решения, то к XVII в. она оказывается окончательно вынесенной за рамки собственно перевода. Эта трансформация в значительной степени открыла путь к современному научному подходу к переводу Корана.

Ключевые слова: Коран, латинские переводы Корана, Роберт Кеттонский, Людовико Мараччи, христианско-мусульманские взаимоотношения.

Для цитирования: Мухетдинов Д. В. Трансформация парадигмы перевода Корана на латинский язык: между полемикой и наукой // Ислам в современном мире. 2020; 4: 27–50;

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-27-50;

Статья поступила в редакцию: 20.08.2020

Статья принята к публикации: 17.10.2020

Введение

Целью настоящего исследования является рассмотрение одного из составных элементов истории переводов Корана — истории его переводов на латинский язык. Данный аспект можно с уверенностью назвать одним из важнейших для всей дисциплины. Это объясняется тем, что переводы Корана на латинский язык, выполненные в период XII–XVII вв., в значительной степени сформировали традиции переводов Корана на современные европейские языки, в том числе русский.

Это формирование осуществлялось двумя путями. С одной стороны, в наиболее распространенных латинских переводах Корана, а именно в переводах Роберта Кеттонского (ок. 1110 — ок. 1160) и Людовико Мараччи (1612–1700), был сформирован фундаментальный подход к переводу данного памятника, накоплен значительный массив важнейших переводческих решений и интерпретативных стратегий. С другой стороны, начиная с середины XVIII в. латинские переводы Корана все чаще начинают выступать в качестве «негативного примера» для переводчиков Корана на живые европейские языки, несмотря на то, что новые переводы и комментарии к ним продолжали в значительной степени опираться на латинские издания Корана (в данном случае речь идет о переводе Л. Мараччи 1698 г.), причем как в том, что относится к стратегии перевода, так и в том, что касается научного аппарата и используемых при переводе вспомогательных источников (в первую очередь — классических *тафсиров*).

Отсюда проистекает и косвенное, но тем не менее в некоторых отношениях значительное влияние латинской традиции переводов Корана на традиции его переводов на языки неевропейских народов, в том числе — мусульманских. Это связано с тем, что становление жанра «полноценных»¹ переводов (*тарджама*) Корана на языки народов, традиционно исповедующих ислам, в ряде случаев происходило под непосредственным влиянием европейской традиции, где данный жанр как таковой зародился значительно раньше.

Таким образом, внимательное и скрупулезное изучение переводов Корана на латинский язык имеет первостепенное значение для современного корановедения в целом. Оно позволяет значительно глубже познать историю жизни Корана и его влияние на историю идей. Помимо прочего, исследования такого рода также позволяют с необычной точки зрения взглянуть на оригинальный текст. Это связано с тем, что некоторые смысловые грани текстов, являющихся краевыми для истории человечества (к которым, разумеется, относится Коран), становятся особенно заметными именно в процессе перевода.

Также следует разъяснить смысл словосочетания «парадигма перевода». Оно отсылает к лекции П. Рикёра (1913–2005), получившей название «Парадигма перевода» — одной из важнейших работ, посвященных осмыслению феномена перевода и интерпретации, в частности — Священных Писаний, философских текстов и шедевров мировой литературы². Под парадигмой перевода мы будем понимать совокупность основных установок толкователя/переводчика/интерпретатора, которые определяют ключевые особенности ситуации понимания того или иного явления, в нашем случае — Корана. Составные элементы этой совокупности, которую мы назвали «парадигмой», таковы: 1) общий контекст рецепции Корана (точнее, контексты), совокупность предварительных установок и знаний толкователя; 2) предметную определенность — *чем, в качестве чего* он представлялся толкователю; 3) на что *именно* было направлено внимание толкователя, какой ракурс рассмотрения являлся приоритетным, какие вопросы были поставлены интерпретатором по отношению к произведению. Данные аспекты парадигмы не являются автономными и строго разделенными, напротив, они неразрывно связаны между собой и являются разными гранями единого явления.

¹ Определение «полноценный» указывает на то, что в исламском мире была долгое время распространена традиция «подстрочных» переводов Корана, а также *тафсиров*, которые могли содержать перевод значительной части текста Корана; однако данные переводы не обозначались и не осознавались в качестве самостоятельных произведений и наделялись только вспомогательным статусом.

² Ricœur P. Le paradigme de la traduction // Esprit. No. 253 (6), Juin 1999. Pp. 8–19.

Перевод Корана как составная часть «Christianum armarium»: «Corpus Tholetanum» и перевод Роберта Кеттонского

Переводы Корана на латинский язык считаются самыми древними из дошедших до нас переводов на европейские языки. Однако имеются свидетельства того, что уже в IX в. существовал и использовался перевод Корана на греческий язык. Его текст не сохранился, однако выдержки из него были обнаружены в полемическом труде византийского богослова и ученого Никиты Византийского (fl. 858–886) под названием «Опровержения Корана», который был написан в 855–870 годах. Имеются основания полагать, что данный перевод мог быть полным¹. Кроме того, в средневековой полемической литературе имеются указания на существование перевода Корана на другой важнейший для восточного христианства язык — сирийский. Речь идет о полемической работе митрополита Сирийской православной церкви Якова Бар-Салиби (ум. в 1171 г.), написанной против иудеев, мусульман и несториан².

Таким образом, древнейшим из дошедших до нас переводов Корана на латынь является перевод Роберта Кеттонского, выполненный ок. 1143 г. под руководством одного из самых видных интеллектуалов того периода — клюнийского аббата Петра Достопочтенного (1092–1156). Одним из важнейших плодов его деятельности стала интенсификация усвоения мусульманского духовного и научного наследия христианами, что выразилось в том числе в обращении европейцев к оригинальным арабским источникам (в первую очередь — к Корану) и их переводе на латинский язык³.

Невиданный всплеск интереса к исламу в XII в. был обусловлен расширением контактов западных христиан с исламским миром. Речь идет прежде всего о крестовых походах и значительном продвижении Реконкисты на юг Пиренейского полуострова в XI–XII вв., что сопровождалось переходом в руки христиан таких важнейших культурных, экономических и политических центров, как Толедо и Лиссабон. Реконкиста открыла европейским христианам доступ к богатейшим собраниям арабских источников. Раймунд Толедский (fl. 1126–1151), занимавший кафедру архиепископа Толедо в 1125–1152 гг., всячески способствовал освоению этого наследия и организовал научную школу, которая впоследствии стала известна как «Толедская школа переводчиков». Таким образом, Толедо стал одним из основных интеллектуальных центров

¹ Høgel Ch. An early anonymous Greek translation of the Qur'an. The fragments from Niketas Byzantios' Refutatio and the anonymous Abjuratio // Collectanea Christiana Orientalia 7, 2010. Pp. 65–119.

² Bozbin H. Translations of the Qur'an // Encyclopædia Of The Qur'an. Vol IV. Leiden–Boston: Brill, 2004. P. 344.

³ Kritzeck J. Peter the Venerable and Islam. Princeton: Princeton University Press, 1964. P. 14.

Европы той эпохи и уникальным местом соприкосновения иудейской, христианской и мусульманской духовных традиций¹.

Именно в этот город в 1142 году и прибыл Петр Достопочтенный. Там он собрал группу ученых и переводчиков, результатом деятельности которой стало создание корпуса текстов об исламе, получившего название «*Corpus Tholetanum*» («Толедский корпус»), или же «*Corpus Islamolatinum*» («Исламолатинский корпус»)². Собрание включало в себя переводы арабских источников (в т. ч. полное переложение текста Корана на латынь), оригинальные сочинения Петра Достопочтенного, а также значительный объем комментариев к Корану. Большую часть текстов перевел ученый, богослов и переводчик английского происхождения Роберт Кеттонский (fl. 1141–1157). Кроме того, в составлении сборника принимали участие друг Роберта Кеттонского Герман Далматинский, переводчик с арабского Петр Толедский (1092–1160), секретарь Петра Достопочтенного Петр из Пуатье (1130–1205) и мусульманин по имени Мухаммед, который был привлечен для того, чтобы подтвердить правильность перевода³.

В первую очередь нас интересует представленный в «*Corpus Tholetanum*» перевод Корана. Однако для более полного понимания контекста создания и публикации перевода следует упомянуть и другие сочинения, вошедшие в сборник. Так как состав сочинений и их заглавия могут отличаться от списка к списку, мы приведем названия и страницы работ в соответствии с самым ранним и наилучшим из сохранившихся, который находится в библиотеке Арсенала в Париже (инвентарное обозначение Ms-1162) и датируется XII веком. Некоторые исследователи полагают, что данная рукопись является оригинальной⁴. К этому списку тем или иным образом восходят все позднейшие манускрипты

¹ Carlos B. A. Kingdom of Faith. A New History of Islamic Spain. New York: Basic Books, 2018. Ch. XXII. Golden Ages.

² Подробнее о *Corpus Tholetanum* см.: De la Cruz Palma Ó., Hernández C. F. Lex Mahumet pseudo-prophete que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur, 'The law of the pseudo-prophet Muhammad, called in Arabic the Qur'an, which is a collection of rules' // Thomas D., Mallet A. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200). Leiden, Boston: Brill, 2011. P. 511.

О представлении в нем личности пророка Мухаммада см. работы: Лучицкая С. И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum* // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. No 3(36). С. 264–282.

D'Alverny M.-Th. Pierre le Vénérable et la légende de Mahomet // A Cluny. Fêtes et Cérémonies liturgiques en l'honneur des saints Abbés Odon et Odilon. Congrès scientifique de juillet 1949. Dijon: Société des Amis de Cluny, 1950. Pp. 161–170.

³ D'Alverny M.-Th. Deux traductions latines du Coran au Moyen Age // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. Vol. 16 (1947–1948). P. 71.

⁴ Muñoz F. G. Epistula Saraceni [et] Rescriptum Christiani, 'The letter of a Saracen [and] the reply of a Christian'; Disputatio Saraceni et Christiani, 'Disputation of a Saracen and a Christian'; 'The Apology of al-Kindī' // Thomas D., Mallet A. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200). P. 480.

и печатные книги, содержащие перевод Корана Роберта Кеттонского¹. Существуют по меньшей мере еще 23 рукописи, содержащие полный текст перевода².

Итак, «*Corpus Tholetanum*» включает в себя:

- «*Summa totius heresis ac diabolice secte Sarracenorum*» («Сумма всего, что касается ереси и дьявольской секты сарацинов») (fol. 1r-3v).
- «*Epistola domni Petri abbatis ad domnum Bernardum, Clarevallis abbatem, de translatione sua*» («Письмо дон-а Педро, аббата, дону Бернардо, аббату Клерво, о его переводе») (fol. 3v-4v).
- «*Fabulae Sarracenorum*» («Легенды сарацинов») (fol. 5r-10v).
- «*De generatione Mahumet et nutritura ejus*» («О рождении Мухаммада и его воспитании») (fol. 11r-18r).
- «*Doctrina Mahumet*» («Вероучение Магомета») (fol. 19r-25v).
- «*Lex Mahumet, pseudo-prophete, que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur*» («Закон Магомета, лжепророка, который по-арабски называют Алкораном, то есть собранием заповедей») (fol. 25bisv-138r).
- «*Epistola Sarraceni ad christianum et rescriptum christiani ad Sarracenum*» («Письмо сарацина христианину и ответ христианина сарацину») (fol. 140r-177v).

Первое из указанных сочинений было написано самим Петром Достопочтенным; в нем он излагает основные сведения об исламе, биографию пророка Мухаммада, а также указывает на основные расхождения вероучения ислама с христианством. Основной тезис об исламе, отстаиваемый Петром Достопочтенным, сводится к следующему: ислам является ересью, а Мухаммад — орудием в руках антихриста (fol. 1r-3v). Он называет ислам «отбросами древних ересей» (*antiquarum haeresum faeces*), поскольку «вместе с Савелием он [Мухаммад] отрицает Троицу, вместе с Несторием отвергает божественную природу Христа, вместе с Манихеем не признает смерти Господа, хотя и не отрицает Его вознесения на небеса»³. По словам клюнийского аббата, ислам является ловушкой дьявола, «монструозным культом», где смешалась правда и ложь, прекрасное и уродливое. Исследователи видят в этом образе аллюзию на образ химеры из сочинения Горация «О поэтическом искусстве»⁴. В подобном духе написана и следующая работа «Письмо дон-а Педро, аббата, дону Бернардо, аббату Клерво, о его переводе».

¹ De la Cruz Palma Ó., Hernández C.F. *Lex Mahumet pseudo-prophete que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur*, 'The law of the pseudo-prophet Muḥammad, called in Arabic the Qur'an, which is a collection of rules'. P. 511.

² Ibid.

³ Цит. по: Луцицкая С. И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum*. С. 269.

⁴ Iogna-Prat D., Tolan J. *Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum siue Hismahelitarum*, 'Sum of the entire heresy or demonic sect of the Saracens or Ishmaelites'; *Summa totius haeresis Saracenorum*, 'Sum of the entire heresy of the Saracens' // Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200)*. P. 606.

Сборник был задуман в качестве «*Christianum armarium*» — христианского орудия опровержения доктрин ислама⁵. Данное настроение является определяющим для всего памятника — это касается не только оригинальных сочинений христианских авторов, включенных в сборник, но и переводов с арабского языка. Так, в работе российской исследовательницы С. И. Лучицкой было убедительно показано, что включенный в сборник текст «*De generatione Mahumet et nutritura ejus*», являющийся переводом арабского сочинения, повествующего о рождении Мухаммада и его пророческой миссии, переведен таким образом, что его смысл изменился на противоположный — Мухаммад представлен в качестве предтечи антихриста. При этом в текст не было внесено никаких заметных искажений. Данная метаморфоза объясняется исключительно подбором латинской лексики, относящейся к знакам избранничества Мухаммада — отметины на лбу и печати на спине. Речь идет о словах «*macula*» («пятно») и «*karacter*» («печать»), которые имели стойкие негативные коннотации, причем последнее в латинском переводе Библии употреблялось только в отношении печати антихриста⁶.

Что же касается самого перевода Корана Роберта Кеттонского, то по своим свойствам он приближается к парафразу: оригинальный *садж* был заменен на прозу, по стилистике сходную с таковой Вульгаты; при этом в текст были внесены значительные искажения, коснувшиеся порядка элементов текста, а также значения многих терминов и понятий.

При этом перевод в значительной степени опирается на классические *тафсиры* (или же на помощь тех, кто был хорошо знаком с ними), что дало возможность весьма глубокого понимания текста переводчиком и комментаторами, составившими многочисленные пояснения к нему. Однако эти комментарии, подобно другим работам корпуса, содержат множество полемических выпадов и далеко не всегда поясняют текст в согласии с вероучением ислама.

Эти противоречия определили характер той тенденции, в русле которой на протяжении многих веков, с XII в. по XVIII в., западноевропейская образованная публика имела возможность постигать ислам и Коран. Итак, в XII в. европейские интеллектуалы получили доступ к прочтению Корана, усвоив основной массив интерпретативных стратегий, выработанных классической мусульманской экзегезой. Без усвоения этого наследия сколько-нибудь аутентичное понимание Корана в тот период было бы едва ли возможным. Изучение и применение этих стратегий было очень трудоемким процессом, однако христианские ученые осознавали важность и неотложность изучения Корана, потому затрачивали на это значительное количество сил и ресурсов

⁵ Лучицкая С. И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum*. С. 268

⁶ Там же. С. 276.

(столь масштабный «*Corpus Tholetanum*» был подготовлен в течение всего лишь нескольких лет!).

Это было связано с тем, что открытие достижений исламской философии и науки поставило перед христианами вопрос о более глубоком постижении учения ислама, поскольку им стало очевидно, что ислам способен составить реальную доктринальную, интеллектуальную и, наконец, политическую конкуренцию христианству.

Таким был 1) общий контекст рецепции Корана, инициированной в XII в. и получившей воплощение в Толедском Корпусе. В этом контексте 2) Коран был представлен толкователями в качестве писания, в котором запечатлен божественный закон (*lex*), однако не в собственном смысле, а как его *противоположность*, «порождение лукавого». Таким образом, 3) основной задачей христианского мыслителя по отношению к этому «антиписанию» было его опровержение, разработка *christianum armarium*. По этой причине Коран исследовался на предмет противоречий христианской доктрине. Перевод Корана осуществлялся сообразно названным принципам и стал их наиболее ярким выражением.

Все это составляет «несущие конструкции» той перспективы, в которой на протяжении веков западным христианами был представлен ислам и Коран. В этой перспективе сочетался исследовательский подход, нацеленность на глубокое понимание источника, и при этом его тотальная демонизация, изучение Корана в качестве «подделки» божественного Откровения, создателем которой мог выступить один лишь дьявол («*diaboli machinatio*»). Данный подход доминировал на протяжении всей эпохи Средневековья, а также значительную часть Нового времени и, что важно, получил новую актуальность в XVI в. в связи с важнейшими событиями европейской истории — реформацией и экспансией Османской империи.

Перевод Роберта Кеттонского стал первым напечатанным переводом Корана, причем его издание было осуществлено именно протестантскими богословами. Оно получило название «*Machumetis Saracenorum principis, eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran*» («Жизнь и учение Мухаммеда, правителя сарацин, и его последователей, а также сам Коран») и вышло в свет в 1543 г. в Базеле. Издание было подготовлено швейцарским ученым, теологом и востоковедом Теодором Библиандером (1505–1564)¹. Возможно, что предисловие к данному изданию было написано самим Мартином Лютером, который, по всей видимости, принимал активное участие в его выпуске².

¹ Fück J. Die arabischen Studien in Europe. Leipzig, 1955. S. 6, 67.

² Elmarsafy Z. Translations of the Qur'an: Western Languages // The Oxford Handbook of Qur'anic Studies. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 542.

По словам Т. Библиандера, одной из причин, побудившей его опубликовать данный труд, является стремление продемонстрировать глубинную близость «опаснейших еретических учений» — католицизма и ислама. В предисловии к Корану, которое в разных изданиях приписывается Ф. Меланхтону или М. Лютеру, также говорится о том, что «истинные христиане» окружены недругами и «слугами дьявола»: католиками, иудеями, анабаптистами, противниками тринитарной догматики и, наконец, мусульманами. По мнению Лютера, долг истинного христианина — глубоко вникнуть в сущность «лжеучений» и выдвигать против них твердые аргументы¹.

Как и в сочинениях из «*Corpus Tholetanum*», в «*Machumetis Saracenorum principis*» пророк Мухаммад рассматривался (теперь протестантскими вероучителями) в качестве проповедника ложных доктрин и врага «истинно христианской», т. е. протестантской веры. Интересно заметить, что те полемические приемы, которые в свое время использовались Петром Достопочтенным и его помощниками, в XVI в. были развиты и использованы протестантами уже против самой римской церкви. Более того, ислам рассматривался ими как родственная католичеству «ересь», которые объединяет, например, вера в спасение «добрыми делами». В целом ислам рассматривался протестантскими богословами в качестве одного из еретических ответвлений христианства, а Коран — как искаженное Писание. Глубокое изучение Корана полагалось необходимым именно в целях борьбы с «ересью». Таким образом, здесь наблюдается развитие той логики, которая была заложена в основание интерпретативных стратегий Петра Достопочтенного. Данное издание снискало значительный успех у читающей публики Европы и было переиздано в Базеле и Цюрихе в 1550 году.

В завершение разговора о переводе Роберта Кеттонского отметим, что большинство переводов Корана на вернакулярные европейские языки вплоть до XVIII в. осуществлялось не с оригинального текста, а именно с перевода Роберта Кеттонского².

Латинские переводы Корана в XIII–XVII вв.: незаметные трансформации

Другие переводы Корана на латинский язык, выполненные в Европе в период XIII–XVII вв. (за исключением перевода Л. Мараччи), не снискали даже доли той популярности, какой на протяжении веков

¹ Lutheri M. Alcoranum Præfatio // *Bibliander Th.* (ed.) *Machumetis Saracenorum principis, eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran.* Basileae: Ex officina Ioannis Oporini, 1543. Pp. 13–14.

² Afnan F. Translation and the Qur'an // Leaman O. (ed.) *The Qur'an: an Encyclopaedia.* Great Britain: Routledge. Pp. 657–669.

пользовался перевод Роберта Кеттонского (даже несмотря на то, что позднейшие переводы в куда большей степени соответствовали оригинальному тексту). Все эти переводы были выполнены в рамках той парадигмы, которая была определена переводом, вошедшим в «*Corpus Tholetanum*». Однако с течением времени эта парадигма, в основе которой лежало переплетение *полемиического* и *научного* подходов, переживала неизбежные трансформации.

Эти процессы может ярко проиллюстрировать уже второй перевод Корана на латинский язык, который вышел в свет спустя почти 70 лет после перевода Роберта Кеттонского. Он был также выполнен на территории Испании; его автором является ученый и переводчик Марк Толедский (fl. 1193–1216). Сам перевод может быть датирован примерно 1210 годом¹. Он был выполнен по инициативе архиепископа Толедо Родриго Хименеса де Рада и архидиакона кафедрального собора Толедо Дона Маурисио. Об этом свидетельствует предисловие к переводу.

На первый взгляд данное издание в целом продолжало политику, лежавшую в основании «*Corpus Tholetanum*». Так, в предисловии к переводу Марк Толедский обозначает причины, побудившие архиепископа Толедо к созданию нового перевода: опровержение доктрины ислама и, что важно, стремление обратить некоторых мусульман в христианство (!)². Это первый признак, который намекает на трансформацию *полемического* аспекта парадигмы перевода Корана уже в XIII веке — в ней постепенно начинают усиливаться миссионерские мотивы. При этом претерпевает значительные изменения и *научная* сторона вопроса. Так, в отличие от парафраза Роберта Кеттонского, перевод Марка Толедского выполнен максимально близко к оригинальному тексту, однако с соблюдением грамматических правил языка реципиента³.

Это проявилось в том, что практически для каждого арабского слова подобран латинский эквивалент, а также в стремлении передать синтаксические особенности оригинала. Кроме того, скрупулезное изучение перевода показывает, что латинская лексика подбиралась на основании этимологических аргументов (т. е. латинский эквивалент зачастую имеет сходную этимологию с оригинальной лексикой), и, кроме того, одно и то же арабское слово в большинстве случаев передавалось идентичным латинским эквивалентом. Другой чертой, отмечаемой исследователями, является тенденция к пренебрежению контекстом — Марк Толедский стремился всякий раз отражать наиболее общее, стандартное значение переводимых слов⁴.

¹ Cecini U. Main Features of Mark of Toledo's Latin Qur'añ Translation // Al-Masaq. Vol. 25. No. 3. 2013. P. 331.

² Cecini U. Main Features of Mark of Toledo's Latin Qur'añ Translation. P. 332.

³ Ibid. Pp. 333–344.

⁴ Ibid. P. 333.

Итак, мы видим, что уже к XIII в. произошла заметная эволюция переводческого подхода. Но, несмотря на свои очевидные достоинства, перевод Марка Толедского не снискал такой популярности, как перевод Роберта Кеттонского, и не сумел стать референтным источником для изучения ислама христианами; он использовался лишь ограниченным кругом людей в Италии¹. При этом до наших дней дошло немало содержащих его рукописей. В 2016 г. в свет вышло критическое издание перевода².

Кроме того, именно с перевода Марка Толедского был сделан возможно самый ранний полный перевод Корана на живой европейский язык, дошедший до наших дней. Речь идет об итальянском переводе, выполненном в 1461 году. До нас дошли только его фрагменты, обнаруженные в одном из манускриптов начала XVI века, содержащем разнообразные «путевые очерки». Данный итальянский перевод является старейшим из известных переводов Корана на итальянский язык и вообще старейшим переводом Корана на живой европейский язык, дошедшим до наших дней³.

Отметим, что в XIV–XVI вв. фрагменты из перевода Корана нередко фигурировали именно в разнообразных путевых заметках и другой литературе подобного рода, практически неизменно написанной в полемическом духе. В подавляющем большинстве случаев авторы таких сочинений пользовались имевшимися переводами, однако существует примечательное исключение из этого правила. Так, в полемическом сочинении начала XIV века «*Libellus contra legem Saracinarum*» («Слово против сарацинского закона»), автором которого является известный итальянский миссионер, путешественник и писатель Рикольдо да Монтекроче, приведены оригинальные переводы обширных цитат из Корана на латинский язык⁴. Работа была написана в Багдаде и снискала популярность в качестве инструмента полемики против мусульман, причем не только среди католиков. Эта работа была даже переведена на греческий язык. В «*Libellus contra legem Saracinarum*» и другой литературе подобного рода отразилась еще одна важная метаморфоза в подходе к изучению ислама и Корана: теперь он служит своеобразной иллюстрацией, объяснением тех реалий, которые наблюдаются и описываются путешественником.

¹ Burman Th. E. European Qur'an translations // Thomas D., Chesworth J. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 6. Western Europe (1500–1600). Leiden: Brill, 2015. P. 26.

² Pons N. P. Alchoranus latinus quem transtulit Marcus canonicus Toletanus: estudio y edición crítica. Madrid, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2016.

³ Подробнее об этом переводе см. работу: Formisano L. La più antica (?) traduzione italiana del Corano e il Liber Habentomi di Ibn Tuṣṣart in una compilazione di viaggi del primo Cinquecento // Critica del testo. № 7, 2004. Pp. 651–696. Текст перевода: Pp. 669–696.

⁴ Hamilton A. The Quran in early modern Europe // Schaeps J. et al. (eds.) Oostersche weelde: De Oriënt in westerse kunst en cultuur. Met een keuze uit de verzamelingen van de Leidse Universiteitsbibliotheek. Leiden: Primavera Pers, 2005. P. 132.

Параллельно с этим происходила другая, важнейшая трансформация парадигмы перевода и восприятия Корана, связанная с утверждением гуманизма в Европе. Именно в данном контексте был выполнен третий полный перевод Корана на латинский язык. Его автором стал испанский богослов и гуманист, перешедший в католицизм иудей Иоанн Сеговийский (1393–1458). Перевод был выполнен между 1454 и 1456 годами.

Иоанн Сеговийский является одним из самых заметных интеллектуалов XV века. После падения Константинополя он выступал за прекращение вооруженной конфронтации с исламским миром и отказ от практики крестовых походов. В последние годы жизни его деятельность была направлена на выстраивание конструктивного диалога с исламом и другими конфессиями (например, он принимал активное участие в Базельском соборе). Иоанн Сеговийский утверждал, что путь войны (*via belli*) не принесет никакого позитивного результата, и только путем мира и учения (*via pacis et doctrinae*), т. е. мирного и, что особенно важно, конструктивного убеждения мусульман в истинности учения Христа, христианство сможет одержать верх и объять весь мир. Для этого он считал совершенно необходимым глубоко вникнуть в смыслы Корана и аутентично перевести его на язык, доступный европейцам.

Так родился его проект по переводу Корана, к которому он привлек мусульманского ученого из Испании по имени Иса ибн Джабир (Иса Гиделли) (fl. 1450). Сначала был осуществлен перевод с арабского на староиспанский язык, а затем — со староиспанского на латынь. К сожалению, оба перевода не дошли до наших дней; в настоящее время доступно только латинское предисловие к ним и некоторые цитаты¹. Исследование сохранившихся фрагментов показывает, что перевод был осуществлен на значительно более высоком уровне, нежели перевод Роберта Кеттонского. С этим переводом Иоанн Сеговийский был хорошо знаком и его качеством был совершенно недоволен². В основе переводческого подхода Иоанна Сеговийского лежало стремление к максимально возможной аутентичности передачи, ради чего он был даже готов пожертвовать грамматическими нормами латинского языка, что проявилось не только в подстраивании латинских синтаксических структур под коранические арабские, но и в конструировании новых латинских слов³.

Анализ доступных фрагментов перевода свидетельствует о том, что в целом он соответствует провозглашенному подходу, который,

¹ John of Segovia. *Praefatio in translationem*. Gázquez J. M. (ed.) El prólogo de Juan de Segobia al Corán (Qur'an) trilingüe (1456). *Mittelateinisches Jahrbuch*, № 38, 2003. Pp. 389–410.

² Roth U. Juan of Segovia's Translation of the Qur'an // *Al-Qantara*, XXXV 2, julio-diciembre 2014. P. 564.

³ Ibid. P. 569.

очевидно, в значительной степени опередил свое время. Несмотря на то, что перевод И. Сеговийского сохраняет традиционную полемическую направленность, это не отразилось на его свойствах негативным образом. Напротив, в гуманистической перспективе полемика предполагала максимальную достоверность источников, на которую она должна опираться, и отсутствие какой бы то ни было тенденциозности, которая является одной из форм враждебности. Соответственно, в переводе И. Сеговийского мера аутентичности, *научности* перевода возможно впервые перестала определяться *полемикой*; напротив, содержание и характер *полемике* стал определяться достижениями *научного подхода*. Таким образом, имеются все основания полагать, что в работе И. Сеговийского отражен знаменательный поворот в парадигме перевода Корана, которому, однако, не суждено было стать повсеместным явлением вплоть до середины XVIII века.

Четвертый по очередности полный перевод Корана на латинский язык был выполнен в 1518 г. перешедшим в католицизм бывшим *факихом* Хуаном Габриелем Теруэльским (годы жизни неизвестны) по поручению римского кардинала, гуманиста и каббалиста Эгидио да Витербо (1470–1532). Его оригинальная рукопись утеряна. Сохранилось только две копии, и лишь одна из них является полной. Известно, что рукопись состояла из четырех колонок: в одной находился оригинальный текст, затем помещалась его латинская транслитерация, в третьей находился перевод, а в четвертой — комментарии¹.

Исследователи отмечают, что характеристики перевода свидетельствуют о том, что заказчик был заинтересован в максимально точной передаче смысла оригинала². Кроме того, перевод был выполнен человеком, который обладал фундаментальными знаниями традиционной исламской экзегезы, что предопределило характер многих переводческих решений. Все это позволяет включить данный перевод в ту же гуманистическую канву, в которой был выполнен и перевод И. Сеговийского, которая характеризуется сочетанием высоких научных требований и настроенностью именно на конструктивную полемику. Впрочем, не вполне ясно, предназначался ли данный перевод для широкого распространения, или же он был создан только для частного использования.

В XVI–XVII в. в Европе появляется множество работ об исламе, где цитируются обширные фрагменты Корана; речь идет как о фрагментах из переводов Роберта Кеттонского, так и об оригинальных авторских

¹ Starczewska K. K. Latin translation of the Qur'an commissioned by Egidio da Viterbo // Christian-Muslim Relations A Bibliographical History. Volume 6. Western Europe (1500–1600). Leiden, Brill, 2016. Pp. 417–418.

² Starczewska K. K. Latin Translation of the Qur'an (1518/1621): Commissioned by Egidio da Viterbo. Critical Edition and Case Study. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018. Pp. XIII–XXII.

переводах¹. Мы не будем обсуждать данные работы подробно, однако стоит отметить, что если в XVI в. эти публикации носили преимущественно полемический характер, то уже в XVII в., в эпоху рождения и развития научного востоковедения, переводы, включенные в работы, посвященные истории, арабскому языку и другим темам, постепенно становятся частью именно научной, а не полемической или миссионерской деятельности (хотя до XVIII в. включительно, а где-то и до XIX в. необходимость перевода Корана обосновывалась потребностями миссионерской деятельности). Таким образом, уже в XVII в. намечился переход к преобладанию *научного* подхода, который, однако, окончательно утвердился лишь через один-два века, в эпоху, когда новые переводы на латинский язык уже не создавались.

Перевод Л. Мараччи: закат традиции латинских переводов Корана

Финальная и определяющая лепта в историю переводов Корана на латинский язык была внесена в 1698 году, когда в итальянском городе Падуа вышел в свет перевод, который в значительной степени вытеснил из обращения все предшествующие переводы на европейские языки, живые или мертвые, в том числе и весьма популярный французский перевод А. Дю Рье, опубликованный в 1647 году². Речь идет о переводе Корана, выполненном итальянским ученым-востоковедом и богословом Людовико Мараччи.

Перевод был издан под заглавием «*Alcorani Textus Universus Arabice et Latine*» («Полный арабский и латинский текст Корана»). Как следует из названия, издание содержит арабский текст Корана с параллельным латинским переводом. Помимо текста Корана, оно содержит обширный сопроводительный материал.

Л. Мараччи был видным церковным деятелем своего времени, придерживался ригористских католических воззрений. Так, он был духовником папы римского Иннокентия XI, принимал активное участие в деятельности Конгрегации пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), а также был одним из составителей списков запрещенных книг. Кроме того, Л. Мараччи активно участвовал в преследовании квиетистов и иудеев. Именно по причине того, что правоверность Л. Мараччи не вызывала у римской церкви никаких сомнений, ему было доверено переводить такую «идеологически опасную» книгу, как Коран.

¹ Hamilton A. The Quran in early modern Europe. P. 134.

² Hamilton A. L'Alcoran de Mahomet, 'The Alcoran of Mahomet' // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 457.

Первоначально, в 1691 г., была издана работа Л. Мараччи под названием «*Prodromus ad refutationem Alcorani*» («Введение в опровержение Корана»)¹. Она являлась своеобразным предварением будущего перевода. Работа состоит из предисловия и четырех частей, каждая из которых имеет собственную пагинацию и индекс². Предисловие включает 27 глав, в которых повествуется о жизни пророка Мухаммеда, и 6 глав, где рассказывается о происхождении Корана³. Общий объем предисловия составляет 45 страниц. Первая из книг «Введения» (объемом в 46 страниц) посвящена опровержению домыслов о том, что в Библии был предсказан приход Мухаммада и возникновение ислама. Вторая книга (объемом в 81 страницу) посвящена доказательству того, что не существует чудес, свидетельствующих об истинности исламского вероучения. Третья книга (объемом в 94 страницы) посвящена сравнению христианского и исламского вероучений; согласно Л. Мараччи, только христианство имеет подлинное божественное происхождение. Четвертая книга (объемом в 123 страницы) по большей части посвящена опровержению мусульманского права, и ее целью является доказательство превосходства христианской морали над исламской⁴.

Несмотря на полемический характер сочинения, оно содержит в себе множество ценных сведений, в частности большое количество цитат на арабском языке, переведенных на латынь. Таким образом, работа Л. Мараччи является одной из первых христианских работ, полемизирующих с исламом на основании прямого обращения к арабским первоисточникам, причем пересказ и/или перевод этих источников осуществлен с высокой степенью точности⁵. Более того, издание «*Prodromus ad refutationem Alcorani*» стало самым обширным собранием цитат из исламских источников, переведенных на латынь⁶.

В 1698 г. в Падуе выходит работа Л. Мараччи под названием «*Refutatio Alcorani, in qua ad Mahumetanicae superstitionis radicem securis apponitur*» («Опровержение Корана, в котором коренится магометанское суеверие»). Она содержит оригинальный текст Корана, его латинский перевод, пояснения и «опровержения»; кроме того, в издание входит 26-страничное предисловие, индекс и список исправлений. Общий объем текста составляет 873 страницы. Эта работа была объединена

¹ *Marracci L. Prodromus ad Refutationem Alcorani. In quo per quatuor praecipuas verae Religionis notas Mahumetanae Sectae falsitas ostenditur: Christianae Religionis veritas comprobatur. In quatuor Partes divisus: Authore Ludovico Marraccio e Congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI. Gloriosissimae memoriae olim Confessario, Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1691.*

² *Tottoli R. Ludovico Marracci // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Pp. 793–794.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid. Pp. 794–795.*

⁶ *Hamilton A. The Quran in early modern Europe. P. 141.*

с изданной в 1691 г. «*Prodromus ad refutationem Alcorani*» («Введение в опровержение Корана»), что и составило 1300-страничное издание «*Alcorani Textus Universus Arabice et Latine*» («Полный арабский и латинский текст Корана»)¹.

«*Refutatio Alcorani*» предваряется посвятителем письмом, которое адресовано императору Леопольду I (прав. 1658–1705), который в это время сражался с османской армией под стенами Вены. Публикация издания стала возможной благодаря помощи епископа Падуи Грегорио Барбариги, который создал центр изучения восточных языков в рамках падуанской семинарии, чтобы улучшить востоковедческую подготовку католических миссионеров².

После краткого введения следует текст первой суры Корана на арабском языке, далее располагается латинский перевод, замечания филологического характера и, наконец, «опровержение». Подобным образом устроен весь перевод.

Несмотря на то, что Л. Мараччи был арабистом-самоучкой и никогда не покидал пределы Италии, он основывает свое изложение на многочисленных арабских источниках, и постоянно ссылается на них. Привлечение такого количества оригинальных источников стало возможным благодаря обращению к огромной коллекции Римской библиотеки. Так, известно, что он пользовался рукописями *тафсиров* ал-Байдави, аз-Замахшари, ал-Хамдани, а также испанского комментатора Корана X в. Заманина³. Однако всем другим он предпочитал «*Тафсир ал-Джалалайн*» за авторством Джалал ад-дина ал-Махалли и Джалал ад-дина ас-Суйути — его Л. Мараччи цитирует особенно часто⁴. Найденные в Риме рукописи, принадлежавшие Л. Мараччи, убедительно показывают, что он посвятил своей работе огромное количество сил и времени: среди рукописей наличествует не только ряд оригинальных исламских источников, но и множество черновых вариантов перевода Корана. Большинство из вариантов датируются 1650–1660 гг., что свидетельствует о том, что проект по переводу Корана осуществлялся на протяжении десятилетий⁵.

¹ *Marraccio L.* Alcorani textus universus ex correctioribus Arabum exemplaribus summa fide, atque pulcherrimis characteribus descriptus, eademque fide, ac pari diligentia ex Arabico idiomate in Latinum translatus; appositis unicuique capiti notis, atque refutatione: his omnibus praemissus est prodromus totum priorem tomum implens, in quo contenta indicantur pagina sequenti, auctore Ludovico Marraccio e congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI gloriosissimae memoriae olim confessorio. Patavii, Ex Typographia Seminarii, 1698.

² *Tottoli R.* Ludovico Marracci. Pp. 797–798.

³ *Hamilton A.* The Quran in early modern Europe. P. 140.

⁴ *Ibid.*

⁵ Подробный филологический анализ перевода Л. Мараччи в диахронической перспективе см. в работе:

Glei R. F., Tottoli R. Ludovico Marracci at work. The evolution of his translation of the Qur'an in the light of his newly discovered manuscripts. With an edition and a comparative linguistic analysis of Sura 18. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016.

Несмотря на общий полемический тон работы, некоторые из утверждений Л. Мараччи, (например, признание того, что ислам может выглядеть более рациональным, нежели христианство), а также невероятное обилие использованных им источников оказали неоценимую помощь сторонникам ислама в XVIII веке¹.

Издание Л. Мараччи стало стандартным латинским изданием Корана, одобренным католической церковью². Оно на долгое время (вплоть до XIX века) стало научной основой для множества переводов Корана на живые европейские языки.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что в основании собственно перевода Л. Мараччи лежит действительно критический и научный подход. Однако перевод имел один существенный недостаток: итальянский ученый нисколько не стремился передать стилистику и художественные особенности оригинала. Знаменитый французский востоковед XVIII в. Клод Этьенн Савари в предисловии к своему переводу Корана на французский язык, опубликованному в 1782–1783 гг., метко и емко охарактеризовал достоинства и недостатки перевода Л. Мараччи:

«Мараччи, этот исследователь религий, который потратил сорок лет на перевод и опровержение Корана, пошел по верному пути. Он разделил стихи [*т. е. айаты. — Примеч. Д. М.*] так, как они разделены в оригинальном тексте; но он пренебрег наставлением великого мастера:

*Nec verbum verbo curabis reddere, fidus
Interpres, etc*³.

Он перевел текст слово в слово. Он не выразил мысли Корана, а перевел на варварскую латынь слова, его составляющие. Хотя этот перевод ничего и не оставил от красоты оригинала, он все же предпочтительнее, чем перевод Дю Рье. Мараччи добавил научные примечания и огромное количество цитат из мусульманских ученых на арабском языке; причем он тщательно выбирал те из них, которые предоставляли ему наибольшее количество материала. Его можно упрекнуть за то, что он слишком сильно отдался своему пылкому рвению и, не уважая звание писателя, оскорбил свое перо грубейшими оскорблениями»⁴.

¹ См. подробнее: Hamilton A. Western Attitudes to Islam in the Enlightenment // Middle Eastern Lectures. № 3. 1999. Pp. 69–85.

Об исламофилии в среде немецких лютеранских теологов см. работу: Hamilton A. Lutheran Islamophiles in Eighteenth-century Germany // For the Sake of Learning. Essays in honor of Anthony Grafton. Brill, 2016. Pp. 327–343.

² Hamilton A. The Quran in early modern Europe. P. 141.

³ «Как истинный переводчик, ты позаботишься о том, чтобы переводить не слово в слово» (Гораций).

⁴ Le Coran. Traduit de l'arabe, accompagné de notes, précédé d'un abrégé de La Vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. Traduction par Claude-Étienne Savary. Première partie. G. Dufour, Libraire, 1821. P. IX.

Рассмотрение эволюции парадигмы перевода Корана на латинский язык с XII в. по XVIII в. показывает, что с течением времени полемическая составляющая, не теряя своей актуальности, оказывается выведенной за пределы перевода как такового. В переводе Роберта Кеттонского научная составляющая достаточно весома (в противном случае перевод не мог бы быть выполнен), однако она была в значительной степени подчинена тенденциозной полемике и скрыта за ней.

Начиная с перевода Марка Толедского наблюдается процесс разделения науки и полемики. Его завершение мы видим в переводе Л. Мараччи — полемика оказывается внешней по отношению к научному переводу; она все еще продолжает «обосновывать» его, но уже исключительно внешним образом. Издание Л. Мараччи доводит до своеобразного логического предела как «опровержение», так и исследование, но они оказываются отделенными друг от друга в содержательном плане. Polemica перестала в какой-либо значимой степени определять работу с источником. Этим самым было подготовлено рождение собственно *научного, нейтрального* подхода к переводу Корана, который успешно развивается и в наши дни. Его парадигму можно в самом общем виде определить следующим образом: 1) опора на массив объективных фактов и сведений, а также на различные обоснованные интерпретативные стратегии; 2) Коран предстает в качестве религиозного, исторического, литературного *памятника*, который 3) должен быть объективно и всесторонне изучен и максимально аутентично отображен в языке-реципиенте. Безусловно, научная парадигма перевода Корана весьма неоднородна и с течением времени претерпевала значительные изменения, однако ее основополагающие принципы остаются неизменными.

Литература

Afnan F. Translation and the Qur'an // Leaman O. (ed.) The Qur'an: an Encyclopaedia. Great Britain: Routledge, 2006. Pp. 657–669.

Bozbin H. Translations of the Qur'an. Encyclopædia of the Qur'an. Vol IV. Leiden: Brill, 2004. Pp. 340–354.

Burman Th. E. European Qur'an translations, 1500–1700 // *Thomas D., Chesworth J.* (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 6. Western Europe (1500–1600). Leiden: Brill, 2015. Pp. 25–34.

Catlos B. A. Kingdom of Faith. A New History of Islamic Spain. New York: Basic Books, 2018. Xi, 482 p.

Cecini U. Main Features of Mark of Toledo's Latin Qur'an Translation // *Al-Masāq*, Vol. 25, No. 3, 2013. Pp. 331–344.

D'Alverny M.-Th. Deux traductions latines du Coran au Moyen Age // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. Vol. 16 (1947–1948). Pp. 69–131.

D'Alverny M.-Th. Pierre le Vénérable et la légende de Mahomet // A Cluny. Fêtes et Cérémonies liturgiques en l'honneur des saints Abbés Odon et Odilon. Congrès scientifique de juillet 1949. Dijon: Société des Amis de Cluny, 1950. Pp. 161–170.

De la Cruz Palma Ó., Hernández C. F. Lex Mahumet pseudo-prophete que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur // Thomas D., Mallet A. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200). Leiden, Boston: Brill, 2011. Pp. 510–515.

Elmarsafy Z. Translations of the Qur'an: Western Languages // The Oxford Handbook of Qur'anic Studies. Oxford: Oxford University Press, 2020. Pp. 541–551.

Formisano L. La più antica (?) traduzione italiana del Corano e il *Liber Habentomi* di Ibn Tuṃart in una compilazione di viaggi del primo Cinquecento // Critica del testo. No. 7, 2004. Pp. 651–696.

Fück J. Die arabischen Studien in Europe. Leipzig, 1955. Viii, 335 p.

Glei R. F., Tottoli R. Ludovico Marracci at work. The evolution of his translation of the Qur'an in the light of his newly discovered manuscripts. With an edition and a comparative linguistic analysis of Sura 18. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. 188 p.

Iogna-Prat D., Tolan J. Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum siue Hismahelitarum, Summa totius haeresis Saracenorum // Thomas D., Mallet A. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200). Leiden: Brill, 2011. Pp. 606–607.

John of Segovia. Praefatio in translationem // Gázquez J. M. (ed.) El prólogo de Juan de Segobia al Corán (Qur'an) trilingüe (1456). Mittellateinisches Jahrbuch. No. 38 (2003). Pp. 389–410.

Hamilton A. The Quran in Early Modern Europe // Schaeps J. et al. (eds.) Oostersche weelde: De Oriënt in westerse kunst en cultuur. Met een keuze uit de verzamelingen van de Leidse Universiteitsbibliotheek. Leiden: Primavera Pers, 2005. Pp. 131–143.

Hamilton A. L'Alcoran de Mahomet // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden, Boston: Brill, 2017. Pp. 453–465.

Hamilton A. Lutheran Islamophiles in Eighteenth-century Germany // For the Sake of Learning. Essays in honor of Anthony Grafton. Leiden: Brill, 2016. Pp. 327–343.

Hamilton A. Western Attitudes to Islam in the Enlightenment // Middle Eastern Lectures. No. 3, 1999. Pp. 69–85.

Kritzeck J. Peter the Venerable and Islam. Princeton: Princeton University Press, 1964. Xiv, 301 p.

Marraccio L. Alcorani textus universus ex correctioribus Arabum exemplaribus summa fide, atque pulcherrimis characteribus descriptus, eademque fide, ac pari diligentia ex Arabico idiomate in Latinum translatus; appositis unicuique capiti notis, atque refutatione: his omnibus praemissus est prodromus totum priorem tomum implens, in quo contenta indicantur pagina sequenti, auctore Ludovico Marraccio e congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI gloriosissimae memoriae olim confessario. Patavii, Ex Typographia Seminarii, 1698.

Marracci L. Prodromus ad Refutationem Alcorani. In quo per quatuor praecipuas verae Religionis notas Mahumetanae Sectae falsitas ostenditur: Christianae Religionis veritas comprobatur. In quatuor Partes divisus: Authore Ludovico Marraccio e Congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI. Gloriosissimae memoriae olim Confessario. Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1691.

Muñoz F. G. *Epistula Saraceni [et] Rescriptum Christiani, Disputatio Saraceni et Christiani.* Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History.* Volume 3 (1050–1200). Leiden: Brill, 2011. Pp. 479–482.

Le Coran. Traduit de l'arabe, accompagné de notes, précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. Traduction par Claude-Étienne Savary. Première partie. Paris: G. Dufour, Libraire, 1821. Xvi, 160, 252 p.

Lutheri M. Alcoranum Præfatio // *Bibliander Th.* (ed.) *Machumetis Saracenorum principis, eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran.* Basileae: Ex officina Ioannis Oporini, 1543.

Pons N. P. *Alchoranus latinus quem transtulit Marcus canonicus Toletanus: estudio y edición crítica.* Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2016. CLXX, 464 p.

Ricœur P. Le paradigme de la traduction // *Esprit.* No. 253 (6), Juin 1999. Pp. 8–19.

Roth U. Juan of Segovia's Translation of the Qur'an // *Al-Qantara*, XXXV 2, julio-diciembre 2014. P. 555–578.

Starczewska K. K. Latin translation of the Qur'an commissioned by Egidio da Viterbo // *Christian-Muslim Relations A Bibliographical History.* Vol. 6. Western Europe (1500–1600). Leiden: Brill, 2016. Pp. 417–418.

Starczewska K. K. Latin Translation of the Qur'ān (1518/1621): Commissioned by Egidio da Viterbo. Critical Edition and Case Study. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018. Cxxiv, 828 p.

Tottoli R. Ludovico Marracci // *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History.* Volume 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden: Brill, 2017. Pp. 791–800.

Луцицкая С. И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum* // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 264–282.

References

- Afnan F. (2006). Translation and the Qur'an. Leaman O. (ed.) *The Qur'an: an Encyclopaedia*. Great Britain: Routledge. Pp. 657–669.
- Bozbin H. (2004). Translations of the Qur'an. *Encyclopædia of the Qur'an*. Vol. IV. Leiden–Boston: Brill. Pp. 340–354.
- Burman Th. E. (2015). European Qur'an translations, 1500–1700. Thomas D., Chesworth J. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 6. Western Europe (1500–1600)*. Pp. 25–34.
- Catlos B. A. (2018). *Kingdom of Faith. A New History of Islamic Spain*. New York: Basic Books. Xi, 482 p.
- Cecini U. (2013). Main Features of Mark of Toledo's Latin Qur'ān Translation. *Al-Masāq*. Vol. 25. No. 3. Pp. 331–344.
- D'Alverny M.-Th. (1947–1948). Deux traductions latines du Coran au Moyen Age. *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age*. Vol. 16. Pp. 69–131.
- D'Alverny M.-Th. (1950). Pierre le Vénérable et la légende de Mahomet. *A Cluny. Fêtes et Cérémonies liturgiques en l'honneur des saints Abbés Odon et Odilon. Congrès scientifique de juillet 1949*. Dijon: Société des Amis de Cluny. Pp. 161–170.
- De la Cruz Palma Ó., Hernández C. F. (2011). Lex Mahumet pseudo-prophete que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur. Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 3 (1050–1200). Leiden, Boston: Brill. Pp. 510–515.
- Elmarsafy Z. (2020). Translations of the Qur'an: Western Languages. *The Oxford Handbook of Qur'anic Studies*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 541–551.
- Formisano L. (2004). La più antica (?) traduzione italiana del Corano e il Liber Habentomi di Ibn Tuṃart in una compilazione di viaggi del primo Cinquecento. *Critica del testo*. 2004. No. 7. Pp. 651–696.
- Fück J. (1955). *Die arabischen Studien in Europe*. Leipzig. Viii, 335 p.
- Glei R. F., Tottoli R. (2016). Ludovico Marracci at work. *The evolution of his translation of the Qur'ān in the light of his newly discovered manuscripts. With an edition and a comparative linguistic analysis of Sura 18*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 188 p.
- Iogna-Prat D., Tolan J. (2011). Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum siue Hismahelitarum; Summa totius haeresis Saracenorum. Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 3 (1050–1200). Pp. 606–607.
- John of Segovia (2003). Praefatio in translationem. Gázquez J. M. (ed.) *El prólogo de Juan de Segobia al Corán (Qur'an) trilingüe (1456)*. *Mittelaltliches Jahrbuch*. No. 38. Pp. 389–410.
- Hamilton A. (2005). The Quran in early modern Europe. Schaeps J. et al. (eds.) *Oostersche weelde: De Oriënt in westerse kunst en cultuur. Met een keuze*

uit de verzamelingen van de Leidse Universiteitsbibliotheek. Leiden: Primavera Pers. Pp. 131–143.

Hamilton A. (2017). L'Alcoran de Mahomet. *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. 2017. Vol. 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden, Boston: Brill. Pp. 453–465.

Hamilton A. (2016). Lutheran Islamophiles in Eighteenth-century Germany. *For the Sake of Learning. Essays in honor of Anthony Grafton*. Leiden: Brill. Pp. 327–343.

Hamilton A. (1999). Western Attitudes to Islam in the Enlightenment // *Middle Eastern Lectures*. 1999. No. 3. Pp. 69–85.

Kritzeck J. (1964). *Peter the Venerable and Islam*. Princeton: Princeton University Press. Xiv, 301 p.

Marraccio L. (1698). *Alcorani textus universus ex correctioribus Arabum exemplaribus summa fide, atque pulcherrimis characteribus descriptus, eademque fide, ac pari diligentia ex Arabico idiomate in Latinum translatus; appositis unicuique capiti notis, atque refutatione: his omnibus praemissus est prodromus totum priorem tomum implens, in quo contenta indicantur pagina sequenti, auctore Ludovico Marraccio e congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI gloriosissimae memoriae olim confessorio*. Patavii: Ex Typographia Seminarii.

Marracci L. (1691). *Prodromus ad Refutationem Alcorani. In quo per quatuor praecipuas verae Religionis notas Mahumetanae Sectae falsitas ostenditur: Christianae Religionis veritas comprobatur. In quatuor Partes divisus: Authore Ludovico Marraccio e Congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI. Gloriosissimae memoriae olim Confessorio*. Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide.

Muñoz F. G. (2011). Epistula Saraceni [et] Rescriptum Christiani; Disputatio Saraceni et Christiani. Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 3 (1050–1200). Pp. 479–482.

Le Coran. Traduit de l'arabe, accompagné de notes, précédé d'un abrégé de La Vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés (1821). Traduction par Claude-Étienne Savary. Première partie. Paris: G. Dufour, Libraire. Xvi, 160, 252 p.

Lutheri M. (1543). Alcoranum Præfatio // Bibliander Th. (ed.) *Machumetis Saracenorum principis, eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran*. Basileae: Ex officina Ioannis Oporini.

Pons N. P. (2016). *Alchoranus latinus quem transtulit Marcus canonicus Toletanus: estudio y edición crítica*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas. CLXX, 464 p.

Ricœur P. (1999) Le paradigme de la traduction. *Esprit*, No. 253 (6), Juin 1999. Pp. 8–19.

Roth U. (2014) Juan of Segovia's Translation of the Qur'an. *Al-Qantara*, XXXV 2, julio-diciembre 2014. Pp. 555–578.

Starczewska K. K. (2016) Latin translation of the Qur'an commissioned by Egidio da Viterbo. *Christian-Muslim Relations A Bibliographical History*. Vol. 6. Western Europe (1500–1600). Leiden: Brill. Pp. 417–418.

Starczewska K. K. (2018) *Latin Translation of the Qur'ān (1518/1621): Commissioned by Egidio da Viterbo. Critical Edition and Case Study*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. Cxxiv, 828 p.

Tottoli R. (2017) Ludovico Marracci. *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden: Brill. Pp. 791–800.

Luchickaja S. I. (2018) «Pечат' prorokov»: obraz Muhammada v Corpus Tholetanum [‘The Seal of the Prophets’: The Image of Muhammad in Corpus Tholetanum]. *Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie*. 2018. No. 3 (36). Pp. 264–282.

THE LATIN TRANSLATION OF THE QUR'ĀN BETWEEN CONTROVERSY AND RESEARCH

Abstract. This article examines the history of the translation of the Qur'an into Latin. The main attention was paid to the study of the transformation of the approach to the translation of the Qur'an into Latin. During the long historical period (XII–XVII centuries) its basic principles remained unchanged, but the ways of their practical application were significantly changed. The study shows that the combination of polemical and research components forms the basis of the translation approach developed in the translation of Robert of Ketton and Corpus Tholetanum (c. 1143), a collection of works on Islam, created in Toledo under the guidance of Peter the Venerable. These leading components of the translation approach constitute the basis of all other translations of the Qur'an into Latin. However, since Mark of Toledo's translation (c. 1210) the structural characteristics of these components greatly change. In addition, the correlation between them also changes: while in the twelfth century the polemical component significantly shaped certain translation decisions, by the seventeenth century it was definitively detached from the translation itself. This transformation prepared the ground for the modern scientific approach to the translation of the Qur'an.

Keywords: the Qur'an, Latin Qur'an translations, Robert of Ketton, Ludovico Marracci, Christian-Muslim Relations.

Damir V. MUKHETDINOV,

D. Sci. (Theol.), rector, Moscow Islamic Institute

(12, Kirova Lane, 109382, Moscow, Russian Federation);

professor, head of Centre of Islamic Studies, Saint Petersburg State University

(11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

26.00.01 Теология

УДК 811

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-51-61

О. И. Редькин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;

О. А. Берникова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

КОРАН КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

РЕДЬКИН Олег Иванович —

д-р филол. наук, проф. каф. арабской филологии,

Санкт-Петербургский государственный университет

(190031, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11).

E-mail: o.redkin@spbu.ru

БЕРНИКОВА Ольга Александровна —

канд. филол. наук, доц. каф. арабской филологии,

Санкт-Петербургский государственный университет

(190031, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11).

E-mail: o.bernikova@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается язык Корана в качестве объекта междисциплинарного анализа. На основе изучения этапов формирования текста Корана и имеющихся подходов к его описанию авторы сопоставляют историю и современность, определяя перспективы развития коранических штудий. В качестве примера актуальных направлений научного поиска в статье рассматривается рукописный текст Корана как объект самостоятельного исследования. Авторы приводят как классические методы кодикологического исследования, так и имеющиеся решения цифровой обработки арабографических манускриптов. Внимание в работе уделяется

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00849.

и изучению языка Корана в исторической перспективе через призму развития арабской лингвистической традиции. Другим примером применения междисциплинарного подхода стало изучение возможностей проведения лингвистического анализа текста Корана с применением методов автоматической обработки данных. Отдельно рассматривается и эффективность использования методов сентимент-анализа текста. Применение информационно-коммуникационных технологий в гуманитарных исследованиях в целом и процессинга арабографического текста в частности создали новые методы и направления развития коранических штудий. Анализ корпуса Корана, использование методов искусственного интеллекта при проведении текстологических исследований позволит верифицировать некоторые факты, связанные с историческим развитием арабского языка, реконструировать отдельные особенности языковой ситуации на Аравийском полуострове в доисламский период, а также в первые века ислама. Это позволяет осуществлять рассмотрение коранического текста с использованием как традиционных, так и инновационных исследовательских методологий, в том числе и с учетом последних достижений гуманитарных и естественных наук.

Ключевые слова: Коран, междисциплинарность, арабский язык, коранистика.

Для цитирования: Редькин О. И., Берникова О. А. Коран как объект междисциплинарных исследований // Ислам в современном мире. 2020; 4: 51–61;

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-51–61

Статья поступила в редакцию: 18.09.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020

В истории человечества есть не много книг, влияние которых на формирование религиозной и культурной традиции различных регионов мира можно было бы сравнить с влиянием Корана. Для мусульман Коран — это прежде всего Священная Книга, откровение Бога, непревзойденный по своему совершенству и красоте образец арабского языка. Это текст, не только определяющий основные нравственные и правовые нормы, а также основы экономических отношений и хозяйственного уклада, но и регулирующий модели поведения в повседневной жизни общества. Все это в значительной мере объясняет и то большое внимание, которое в течение столетий уделялось Корану со стороны средневековых теологов, законовovedов и лингвистов.

При этом с самого начала изучение Корана имело междисциплинарный характер. Как отмечает Д. В. Фролов, задачами, которые определяли процесс зарождения и формирования мусульманского корановедения

были обеспечение публичного чтения коранического текста в ритуальных и богослужебных целях, обеспечение его правильного понимания, корректное истолкование закона, данного в Коране, с целью его правильного и неукоснительного исполнения¹.

Подтверждением того, что изучение Корана изначально предполагало применение междисциплинарного подхода служит и то, что сам термин «корановедение» (по-арабски *‘ulūm al-qur’ān* букв. «науки о Коране») подразумевает комплексное изучение истории ниспослания текста, его языковых особенностей и истории его толкования (*тафсир*) и т. д.

Существующие в мировой практике методики изучения текста Корана, можно разделить на «внешние», т. е. светские, которые в большей степени свойственны академической науке, а также те, которые предполагают изучение текста «изнутри», т. е. с позиций исламского вероучения. Как отмечает А. Д. Кныш, так называемый «инсайдерский подход» к изучению ислама характерен для тех мыслителей и учёных, которые в понимании ислама опираются на личные религиозные убеждения². У каждого из этих подходов разные цели и задачи исследования, методы аргументации, а также традиции, свойственные той или иной научной школе.

Что касается европейской и, шире, западной научной традиции, то на начальном этапе изучение Корана шло прежде всего в рамках теологического дискурса, что в значительной мере обусловило методологические подходы и характер интерпретации полученных результатов. При этом, несмотря на то, что изучение Корана имеет достаточно длительную историю, данная задача не утратила своей актуальности и в настоящее время. В дальнейшем, в том числе и в рамках современных исследований, Коран рассматривается также и как уникальный историко-культурный памятник, источник важной этнолингвистической и исторической информации, а не только как текст, имеющий исключительно религиозное содержание.

Сказанное выше делает необходимым рассмотрение коранического текста во всем его многообразии с использованием как традиционных, так и инновационных исследовательских методологий, в том числе и с учетом последних достижений гуманитарных и естественных наук.

Рассмотрим несколько наиболее актуальных в настоящее время направлений исследований в области коранистики.

¹ Фролов Д. В. История мусульманского корановедения // Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М.: Восточная книга. 2012. С. 400.

² Кныш А. Д. Ислам в исторической перспективе. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2015. С. 9.

Рукописный текст Корана как объект самостоятельного исследования

При изучении текста Корана важно учитывать, с каким вариантом — рукописным или печатным — имеет дело исследователь. Так, на протяжении многих столетий Коран существовал в рукописном виде, и лишь к XVI веку относится первый опыт издания сакрального текста типографским способом¹. При этом рукописи, будучи отдельным объектом исследований, дают значительный пласт информации, и каждая рукопись с текстом Корана является самостоятельным артефактом.

При рассмотрении хронологии формирования текста Корана, следует различать этап пророческой деятельности Мухаммада, продолжавшейся на протяжении более чем двух десятилетий, т. е. с момента ниспослания первого откровения, полученного Пророком, до его смерти в 632 г., и этап записи и графического оформления самого текста. При этом письменную фиксацию и объединение отдельных фрагментов в единый текст принято соотносить со временем правления халифа Усмана и появлением первой редакции, сделанной комиссией под руководством Зайда ибн Сабита². В дальнейшем шло постепенное уточнение особенностей реализации графики, осуществлялось введение консонантных диакритик и знаков для гласных, а также иных индикаторов и указателей особенностей коранического чтения. Следует также отметить, что процесс унификации письменной репрезентации коранического текста имел довольно длительный характер и продолжался вплоть до появления в 1923 г. т. н. «каирской редакции» текста Корана.

В ходе исследования рукописных документов в первую очередь рассматривается тип почерка, который служит индикатором времени и места создания письменного текста, его принадлежности к определенной рукописной школе. Значение имеет и плотность текста — количество знаков на странице и число строк, размер знаков, форма букв, ширина строк, все это может свидетельствовать об используемых инструментах для письма, иллюминации (цветовая гамма и ее соответствие первоначальной) также служат косвенным указанием на место и примерную дату создания рукописного текста³. В случае рассмотрения письменной реализации, помимо графики, следует также принимать во внимание и особенности носителя текста — материала, на котором он написан.

¹ Первый опыт публикации текста Корана на арабском языке относится к 1537–1538 гг. и был осуществлен итальянским издателем Паганино Паганини. Что касается иных печатных изданий Корана, например, т. н. «екатерининского Корана», то особого внимания заслуживает социальный, религиозный, культурный и исторический контекст их появления, что представляет собой особую тему для исследования.

² Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 174–175.

³ Полосин В. В. Невербальная информация в арабских рукописях. Очерки средневековой книжной культуры. СПб.: Президентская библиотека, 2016. С. 211.

Так, например, следует учитывать размер листов, особенности переплета и рукописных тетрадей, иметь представление об инструментах, используемых писцами, равно как и учитывать особенности расположения текста на плоскости, наличие или отсутствие иллюминаций и колофонов. Не менее важна и так называемая «фоновая информация» — исторический и культурно-религиозный контекст, сопутствовавший созданию рукописи, наличие повреждений или загрязнений, комментарии и надписи и т. д.

Коран как объект лингвистического анализа

Еще одним направлением исследований является лингвистический анализ текста Корана. При этом традиционные мусульманские ученые опираются на положения, заложенные арабской лингвистической традицией, формирование которой восходит к первым векам ислама, что было связано с необходимостью фиксации сакрального текста и объяснения его лингвистических особенностей. С другой стороны, современный исследователь имеет в своем распоряжении достижения общего языкознания, а также качественно иной инструментарий лингвистического анализа, позволяющий проводить типологические исследования на новом, более высоком уровне.

Следует отметить, что география использования данных подходов не всегда совпадает с условным разделением на «западный» и «восточный». Так, в ряде арабских стран изучение языка Корана ведется с позиций современного языкознания, тогда как во многих исламских образовательных учреждениях России и Европы используется наследие арабской лингвистической традиции.

Текст Корана представляет собой и уникальный материал, позволяющий судить о состоянии языка четырнадцать столетий тому назад, получить информацию о развитии его морфологии, фонетики и синтаксиса, эволюции семантики лексики. Внимательный анализ лексики Корана может стать бесценным источником и при изучении особенностей доисламской поэзии. На примере лексических заимствований в тексте Корана можно судить о культурных и экономических контактах, существовавших в доисламской и раннеисламской Аравии, особенностях экономик отдельных районов полуострова. Особую задачу для исследователей представляет собой и изучение уникальной и встречающейся только в Коране лексики.

Важность для современного исследователя представляет и использование, в том числе и метафорическое, торговой терминологии, без чего невозможно понимание основ и характера исламского банкинга, в настоящее время получающего все большее распространение в мире.

Представленные в сакральном тексте примеры заимствований из арамейского, а также других, нежели арабский, семитских языков, позволяют судить о культурных контактах внутренних районов в частности, Хиджаза с окружающим культурно-религиозным ареалом в раннем Средневековье¹.

Что касается морфологии Корана, то ее изучение позволяет получить дополнительную информацию об особенностях грамматики доисламских диалектов, равно как и дает указания на их фонологию.

Некоторые примеры рассмотрения Корана как объекта лингвистического анализа представлены авторами в статье *The text of the Quran as a Unique Source of Linguistic Information*².

Изучение текста Корана актуально и в случае, когда речь идет о лингвистических средствах, используемых для передачи эмоций. Среди немногих опубликованных работ по данной проблематике, следует назвать статью К. Бауэра «Эмоции в Коране. Обзор», который отмечает, что «несмотря на значительный рост интереса к кораническим штудиям, редко в них речь заходит об эмоциях. Хотя некоторые авторы и комментируют эмоциональную силу текста, а статьи в «Энциклопедии Корана» рассматривают такие эмоции, как “любовь”, “страх”, “радость” и “несчастье” ...никто не проводил исследования эмоций как таковых»³.

Проведенный мониторинг имеющейся научной литературы, в которой рассматриваются особенности языка Корана, подтверждает, что в контексте эмоциональной характеристики текста речь, как правило, идет о семантике конкретных лексем и их корней, вопросах риторики. Вместе с тем грамматическому анализу его тональности уделяется минимальное внимание. Приведем пример, связанный с периодизацией коранических сур, которые традиционно делятся на мекканские и мединские. Каждая из существующих классификаций основывается на критериях, связанных в первую очередь с культурно-историческим контекстом ниспослания текста Корана, его отдельных откровений или же письменной записи всего текста в целом. Вместе с тем анализ грамматических отличий мекканских и мединских сур практически отсутствует или носит фрагментарный характер, а имеющиеся данные включают, как правило, информацию относительно количества аятов, а также стилистических и иных особенностей.

Следует отметить, что результаты первичного анализа эмотивных концептов в тексте Корана позволили сделать вывод о специфике

¹ Jeffery A. The Foreign Vocabulary of the Qur'ān. In: Texts and Studies on the Qur'ān. Vol. 3. Leiden–Boston, 2007. 335 p.

² Redkin O., Bernikova O. The text of the Quran as a Unique Source of Linguistic Information // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, 3.6 ed. Vol. 5. Sofia: STEF92 Technology Ltd. Pp. 657–662. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10/5593/sgemsocial2018/3.6>.

³ Bauer K. Emotion in the Qur'an: An Overview // Journal of Qur'anic Studies. 2017. 19.2. P. 1.

употребления в тексте Корана модальных конструкций, императивных оборотов, равно как и о повышенной частотности употребления конструкций передачи запрета действия и ряда других, а также подтвердили актуальность более глубокого изучения проблематики эмотивности коранического текста. Проведение подобного рода исследований позволит лучше понять и некоторые факты, связанные с историческим развитием арабского языка, реконструировать отдельные особенности языковой ситуаций на Аравийском полуострове в доисламский период, а также в первые века ислама.

Сказанное выше актуально и при переводе текста Корана. С учетом различий в лексическом составе и грамматическом строе различных языков при переводе коранического текста необходимо учитывать соответствие тональности, передаваемой отдельными лексическими единицами, а также другие особенности грамматических конструкций оригинального текста Корана, что в ряде случаев может играть ключевую роль для корректной передачи сути высказывания.

Коран и цифровые технологии

Тенденции развития современных гуманитарных наук демонстрируют их связь с использованием методов цифровой обработки данных, что позволяет верифицировать известные ранее научные факты и дает возможность по-новому посмотреть на, казалось бы, давно известные факты, обеспечивая тем самым развитие как отдельной дисциплины, так и комплекса смежных наук.

Появление возможностей дигитализации арабографических манускриптов дало импульс к созданию цифровых электронных коллекций, целью которых является сохранение исторического наследия. В качестве примера можно привести Центр культуры и наследия «Джума ал-Маджид» в Дубае (*Juma Al Majid Center for Culture and Heritage*)¹, задачи которого включают в себя сбор, реставрацию и оцифровку рукописных коллекций. Хорошо известна и исламская рукописная коллекция Мичиганского университета².

Открывшиеся новые перспективы изучения манускриптов способствовали развитию технологий распознавания арабографических документов на основе принципов проведения кодикологического анализа³.

¹ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.almajidcenter.org/>

² [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lib.umich.edu/collections/collecting-areas/special-collections-and-archives/islamic-manuscripts>

³ Pavlov, V., Shalymov, D., Redkin, O., Bernikova, O. Arabic manuscripts identification based on Feature Relation Graph // Proc. International AINL-ISMW FRUCT Conference 2015: Artificial Intelligence and Natural Language.

Быстрое распространение и совершенствование в XXI в. информационных технологий открыло новые возможности и при изучении языка Корана. На основе применения автоматических методов обработки естественных языков для процессинга арабографического текста выделены наиболее частотные слова и словосочетания в тексте Корана, их распределение по различным фрагментам текста¹. Определение особенностей реализации в нем архаичных форм глагола с применением количественного анализа позволяет, в свою очередь, сделать выводы относительно развития языка в диахронии².

В последнее время появились экспериментальные разработки практического характера, используемые при обучении рецитации Корана. Эти системы используют современные распознаватели речи для обнаружения ошибок в произношении пользователя³. Другие решения направлены на упрощение восприятия и запоминания коранического текста⁴. Очевидно, что ближайшие перспективы развития коранических штудий будут связаны с инновационными методами научного поиска.

Сложность и многогранность коранического текста, его уникальность делают необходимым использование междисциплинарных методик при его изучении. В свою очередь, Коран, будучи объектом исследования, сам способствует развитию новых направлений исследовательской работы.

Литература

Кныш А. Д. Ислам в исторической перспективе. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 192 с.

Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 603 с.

Редькин О. И., Берникова О. А. Язык Корана: особенности морфологии глагола // Вестник РФФИ: гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4(97). С. 59–72.

Полосин В. В. Невербальная информация в арабских рукописях. Очерки средневековой книжной культуры. СПб.: Президентская библиотека, 2016. 296 с.

¹ Alhawarat M., Hegazi M., Hilal A. Processing the Text of the Holy Quran: a Text Mining Study // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2015. Vol. 6. No. 2. Pp. 262–267.

² Редькин О. И., Берникова О. А. Язык Корана: особенности морфологии глагола // Вестник РФФИ: «Гуманитарные и общественные науки». 2019. № 4. С. 66–69.

³ Khan R. U., Qamar A., Hadwan M. Quranic Reciter Recognition: A Machine Learning Approach // Advances in Science, Technology and Engineering Systems Journal. 2019. Vol. 4. No. 6. Pp. 173–176.

⁴ Gerhana Y., Atmadja A., Maylawati A., Rahman A. Computer speech recognition to text for recite Holy Quran // Proc. 3rd Annual Applied Science and Engineering Conference (AASEC2018). 18 April 2018. Pp. 1–10.

Фролов Д. В. История мусульманского корановедения // Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М.: Восточная книга, 2012. С. 373–437.

Alhawarat M., Hegazi M., Hilal A. Processing the Text of the Holy Quran: a Text Mining Study // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. Vol. 6. No. 2. 2015. Pp. 262–267.

Bauer K. Emotion in the Qur'an: An Overview // Journal of Qur'anic Studies. 2017. 19(2). Pp. 1–31.

Gerhana Y., Atmadja A., Maylawati A., Rahman A. Computer speech recognition to text for recite Holy Quran // Proc. 3rd Annual Applied Science and Engineering Conference (AASEC2018). 18 April 2018. Pp. 1–10.

Jeffery A. The Foreign Vocabulary of the Qur'ān. In: Texts and Studies on the Qur'ān. Vol. 3. Leiden–Boston, 2007. 335 p.

Redkin O., Bernikova O. The text of the Quran as a Unique Source of Linguistic Information // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, 3. 6 ed. Vol. 5. Sofia: STEF92 Technology Ltd, 2018. Pp. 657–662.

Khan R. U., Qamar A., Hadwan M. Quranic Reciter Recognition: A Machine Learning Approach // Advances in Science, Technology and Engineering Systems Journal. 2019. Vol. 4. No. 6. Pp. 173–176.

References

Knysh A. D. (2015). *Islam v istoricheskoi perspektive* [Islam in Historical Perspective]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2015. 192 p.

Rezvan E. A. (2003). *Koran i ego mir* [The Quran and Its World]. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. 603 p.

Redkin O. I., Bernikova O. A. (2019). Yazik Korana: Osobennosti morfologii glagola [On Morphology of Verb in Qur'anic Arabic]. *Vestnik RFFI: gumanitarniye i obshestvenniye nauki*. 2019. No. 4. Pp. 59–72.

Polosin V. V. (2016). *Neverbalnaya informatsiya v arabskikh rukopisjah. Ocherki sredevekovoi knizhnoi kulturi* [Non-Verbal Information in Arabic Manuscripts. Sketches on Medieval Literary Culture]. Saint Petersburg: Prezidentskaya biblioteka. 296 p.

Frolov D. V. (2012). Istoriya musulmanskogo koranovedeniya [History of Muslim Qur'anic Studies]. *Sbornik posobij po islamovedeniyu i koranovedeniyu*. Moscow: Vostochnaya kniga. P. 373–437.

Alhawarat M., Hegazi M., Hilal A. (2015) Processing the Text of the Holy Quran: a Text Mining Study. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. Vol. 6. 2015. No. 2. Pp. 262–267.

Bauer K. (2017). Emotion in the Qur'an: An Overview. *Journal of Qur'anic Studies*. 2017. 19(2). Pp. 1–31.

Gerhana Y., Atmadja A., Maylawati A., Rahman A. (2018). Computer speech recognition to text for recite Holy Quran. *Proc. 3rd Annual Applied Science and Engineering Conference (AASEC2018)*. 18 April 2018. Pp. 1–10.

Jeffery A. (2007). *The Foreign Vocabulary of the Qur'ān*. Texts and Studies on the Qur'ān. Vol. 3. Leiden-Boston, 2007. 335 p.

Redkin O., Bernikova O. (2018) The text of the Quran as a Unique Source of Linguistic Information. *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*, 3. 6 ed. Vol. 5. Sofia: STEF92 Technology Ltd. Pp. 657–662.

Khan R. U., Qamar A., Hadwan M. (2019). Quranic Reciter Recognition: A Machine Learning Approach. *Advances in Science, Technology and Engineering Systems Journal*. Vol. 4. No. 6. Pp. 173–176.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO STUDYING THE TEXT OF THE QUR'ĀN

Abstract. The article examines the language of the Qur'ān as an object of interdisciplinary study. Based on the research of the periods of the formation of the text of the Qur'ān and the available approaches to its description, the authors compare history and modernity, determining the prospects for the development of the Qur'ānic studies. As an example of particular areas of scholar research, the paper considers Qur'ān manuscript as an object of separate research. The authors cite both classical methods of codicological research and available solutions for digital processing of Arabographic manuscripts. Attention is also paid to the study of the language of the Qur'ān in a historical perspective through the development of the Arabic linguistic tradition. Another example of the application of an interdisciplinary approach was the study of the possibilities of carrying out linguistic analysis of the text of the Qur'ān using methods of automatic data processing. The effectiveness of methods of sentiment analysis was also considered. The use of Information and Communication Technologies in humanities in general, and the possibilities of processing Arabographic text in particular, have created new methods and perspectives for the development of the Qur'ānic Studies. An analysis of the Qur'ānic corpus, the use of artificial intelligence methods in conducting textual research will make it possible to verify some facts related to the historical development of the Arabic language, to reconstruct certain features of the linguistic situation on the Arabian Peninsula in the pre-Islamic period, as well as in the first centuries of Islam. In this regard, it is necessary to consider the Qur'ānic text in all its diversity using both traditional and innovative research methodologies, including taking into account the latest achievements of the humanities and natural sciences.

Keywords: Qur'ān, interdisciplinarity, Arabic language, Qur'ānic Studies.

Oleg I. REDKIN,

D. Sci. (Philol.), Arabic Philology Department, Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes, Saint-Petersburg State University
(11 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation).
E-mail: o.redkin@spbu.ru

Olga A. BERNIKOVA,

Cand. Sci. (Philol.), associate professor, Arabic Philology Department, Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes, Saint-Petersburg State University (11 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation).
E-mail: o.bernikova@spbu.ru

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

26.00.01 Теология

УДК 94; 297.1

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-65-78

Р. С. Абдулмажидов

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, г. Махачкала;

А. Г. Абдулаев

аспирант Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, г. Махачкала

«АСАР» — ПАМЯТНИК ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ МУХАММАДА АЛ-ЙАРАГИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

АБДУЛМАЖИДОВ Рамазан Султанович —

канд. ист. наук., зав. отделом востоковедения,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
(367030, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Ярагского, д. 75).
E-mail: ramazana@yandex.ru

АБДУЛАЕВ Абдула Гасандибирович —

аспирант Института истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, учитель МБОУ
(367030, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Ярагского, д. 75);
E-mail: pastuh100878@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому анализу сборника сочинений и писем на арабском языке, принадлежащих перу знаменитого дагестанского шейха Мухаммада ал-Йараги и известного под названием «Асар». Несмотря на пристальный интерес к личности шейха, о содержании

этой книги, единственной дошедшей до нас из его письменного наследия, практически ничего не было известно. Между тем исследование данного сборника позволяет значительно расширить наши представления о взглядах и убеждениях ал-Йараги. В связи с этим авторы подробно рассмотрели структуру «Асар», установив жанровую принадлежность включенных в него рукописных материалов, а также раскрыли содержание ряда вопросов, на которых акцентировал свое внимание ал-Йараги. Сборник состоит из двух касыд, текстов нескольких дуа и наставлений, биографии шейха, написанной его сыном, а также из его обширной переписки с различными дагестанскими богословами и общинами. Завершает сборник небольшое сочинение в стихотворной форме Джамалуддина ал-Газигумуки, в котором он приводит свою *силсила*, т. е. последовательную цепь преемственности шейхов накшбандийского тариката.

В нескольких вступлениях к своим касыдам, которые занимают большую часть сборника, ал-Йараги подробно говорит о причинах, побудивших его к написанию этих сочинений. Их язык изобилует метафорами и аллегориями, особым стилистическим своеобразием отличается вымышленный диалог автора с собственным *нафсом*. Исследуемые материалы содержат интересные сведения о политической и духовной жизни дагестанского общества в первой половине XIX в. В то же время они позволяют получить представление о возобновлении прерванной суфийской традиции в регионе, а также раскрыть новые черты многогранной личности шейха ал-Йараги.

Ключевые слова: Дагестан, арабоязычная рукописная книга, суфизм, Мухаммад ал-Йараги, тарикат, шариат, нафс, Джамалуддин ал-Газигумуки.

Для цитирования: Абдулмажидов Р. С., Абдулаев А. Г. «Асар» — памятник письменного наследия Мухаммада ал-Йараги: общая характеристика и источниковедческий анализ // Ислам в современном мире. 2020; 4: 65–78;

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-65–78

Статья поступила в редакцию: 09.10.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020

Мухаммад ал-Йараги (ал-Яраги; Магомед Ярагский) (1771–1838) занимает особое место в ряду дагестанских ученых-богословов первой половины XIX в. Главным образом это связано с его статусом одного из идеологов народно-освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа и наставника двух имамов — Газимухаммада и Шамиля. Еще одним фактором, способствовавшим его популярности, было то обстоятельство, что фактически он возродил суфийскую традицию в Дагестане. История суфизма в Стране гор уходит корнями еще в XI–XII вв., известно о существовании здесь

разветвлённой суфийской сети халватийского тариката в XV–XVI вв.¹ Однако по каким-то невыясненным пока причинам суфийская традиция в Дагестане была прервана к началу XVII в. И именно с подачи Мухаммада ал-Йараги суфизм получил мощный толчок, приведший к значительному усилению роли этого религиозного учения в общественно-политической жизни всего Северо-Восточного Кавказа.

Получив при посредничестве Хас-Мухаммада аш-Ширвани от Исмаила из Кюрдамира *иджазу*, т. е. разрешение на наставничество, ал-Йараги стал повсеместно пропагандировать тарикат и достиг в этом огромных успехов. Даже имам Газимухаммад, поначалу противившийся тарикатскому учению, признав святость шейха, стал его последователем и в дальнейшем породнился с ним, женившись на его дочери Хафсат. Такая популярность ал-Йараги в народе вызвала недовольство со стороны как царских властей, так и местного феодального правителя Аслан-хана, который подверг его репрессиям. Вследствие этого шейх был вынужден скрываться в Табасаране, откуда перебрался затем к объявившему *газават*, т. е. священную войну, Российской империи имаму Газимухаммаду. Последние годы своей жизни он провел в Согратле, крупном просветительском и религиозном центре Дагестана того времени, где и был похоронен в 1838 г.

Устойчивый интерес к жизни и деятельности Мухаммада ал-Йараги наблюдался у всех исследователей так называемого «мюридизма», однако он так и не вылился в серьезные изыскания на этот счет. С одной стороны, еще в дореволюционных работах К. И. Прушановского² и Дубровина³ содержатся подробные сведения о становлении ал-Йараги как суфийского шейха, подкрепленные обильной прямой речью от него, но без указаний на источник, что вызывает определенные сомнения либо в ее достоверности, либо в корректности перевода. С другой стороны, есть авторы, например М. Д. Багиров⁴ и К. М. Ханбабаев, которые высказывают абсолютно неправдоподобные версии относительно ал-Йараги, вовсе не объясняя их происхождение. Последний, к примеру, утверждает следующее: «Продолжительная борьба горцев в 20–50-е годы XIX в. выдвинула на первый план политизированный

¹ *Khapizov Sh., Shekhmagomedov M., Abdulmashidov R. The Khalwatiyya Sheikhs in Dagestan (16th–17th Centuries) // Iran and the Caucasus. 2017. Т. 21. № 4. С. 303–309; Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г., Абдулмашидов Р. С. Суфийский орден Халватийа в Горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI–XVII вв.) // Caucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета. (2017–2018). Вып. II–III. Ереван: Изд. РАУ, 2018. С. 247–257.*

² *Прушановский К. И. Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката) учения о нравственном элементе человека в Дагестане // Кавказский сборник. Т. 23. Тифлис, 1902. С. 12.*

³ *Дубровин Н. Из истории войны и владычества русских на Кавказе (Кази-Мулла как родоначальник мюридизма и газавата) // Военный сборник. 1890. № 10. С. 197–206.*

⁴ *Багиров М. Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. М., 1950. С. 8–9.*

суфизм в виде наибского суфизма, идеологию которого разработал Мухаммад-эфенди Ярагский»¹. Следует отметить и издание специальной монографии, посвященной жизни и деятельности знаменитого суфийского шейха, которая, впрочем, не вполне соответствует научным критериям². На этом фоне выгодно отличается опубликованная относительно недавно краткая, но информативная статья, основанная на переводе биографии ал-Йараги, написанной его сыном и включенной в состав сборника рукописных материалов шейха, известного под названием «Асар» («Наследие»)»³.

Вызывает удивление тот факт, что, несмотря на столь пристальный интерес к личности ал-Йараги, этот единственный дошедший до нас памятник письменного наследия шейха, за исключением нескольких опубликованных писем⁴, в целом оставался вне поля зрения исследователей. Если суфийский трактат его преемника — Джамалуддина из Кази-Кумуха был переведен и опубликован уже в 1869 г., то «Асар» издан литографическим способом на арабском языке только в 1910 г. в типографии известного просветителя и мецената Мухаммадмирзы Мавраева. В дальнейшем в работах исследователей-востоковедов обычно встречается лишь краткое упоминание об издании, без попыток раскрыть хотя бы его основное содержание. Это привело к тому, что, не разобравшись в структуре и содержании сборника, некоторые авторы называли «Асар» «сочинением по тарикату»⁵. Вместе с тем прохладное отношение к труду ал-Йараги со стороны востоковедов объяснялось главным образом выраженной тенденцией к игнорированию религиозных сочинений дагестанских авторов, наблюдавшейся в течение всего советского периода. Дабы восполнить этот пробел, в настоящей статье проведен источниковедческий анализ данного сборника сочинений знаменитого суфийского шейха.

В литографическое издание вошли рукописные материалы, переписанные единым почерком, рукой Исы, сына Мухаммадмирзы ал-Кулави, ал-Андали ад-Дагистани⁶, который в колофоне указал, что делал правки с рукописи автографа самого ал-Йараги. «Асар» включает в себя

¹ Ханбабаев К. М. Эволюция исламского радикализма в Дагестане: история и современность // Исламоведение. 2009. № 2. С. 139.

² Агаев А. Г. Магомед Ярагский. Мусульманский философ. Поборник веры, свободы, нравственности. Махачкала, 1996.

³ Мусаев М. А., Захарьев З. Ш. Биография шейха Мухаммада ал-Йараги, написанная его сыном Исмаилом / пер. с араб. яз., коммент. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 57. С. 44–50.

⁴ Шехмагомедов М. Г. Источниковедение суфизма в Дагестане XIX в. Переписка шейхов Мухаммада ал-Йараги и Джамалуддина ал-Газикумухи с имамом Газимухаммадом ал-Гимрави // Мавраевъ. 2014. № 1. С. 48–50.

⁵ Джалалова С. М. Политико-правовые воззрения Магомеда Ярагского (первая половина XIX в.) // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 41.

⁶ Его нисба указывает на происхождение из с. Кулаб (ныне в Гунибском р-не РД)

несколько вступлений, касыды *Ам-Та'ийа ал-кубра* (большая касыда, [рифмующаяся на букву] *та*), *Ам-Та'ийа ас-сугра* (малая касыда, [рифмующаяся на букву] *та*), тексты нескольких *дуа* и нравоучений, составленных шейхом, биографию ал-Йараги, написанную его сыном, его переписку с различными богословами и общинами¹, а также *Мунаджат* (жанр поэтической молитвы) Джамалуддина ал-Газигумуки, в котором он приводит свою *силсила*, т. е. последовательную цепь преемственности шейхов определенного тариката.

Обе упомянутые касыды написаны в стихотворной форме, в которой рифма заканчивается на букву *та*, и занимают большую часть сборника. В предисловии к первой касыде, после традиционных басмалы и хамдалы, шейх называет причину, по которой решил ее написать. Согласно этим свидетельствам, о сочинении касыды, в которой бы восхвалялся Пророк, его попросил ученый, потомок Пророка, ал-хаджжи Абдуррахман сын Абдурразака из Ифрилиж², а также его отец и дядя. Ал-Йараги сообщает, что он долго отказывался от ее написания, считая себя недостойным столь высокой чести. Тем не менее его отказ привел к еще большей настойчивости тех, кто просил шейха о написании подобного сочинения.

В конце концов, как пишет ал-Йараги, тяжело заболев, он согласился исполнить просьбу. Испытывая недомогание, он занялся своеобразным «отчетом» своего *нафса*³ (*мухасабату ан-нафс*), упрекая его в несоблюдении прав и обязанностей: «Мы отчитали его (*т. е. нафс*), в форме обсуждения путем размышления о нраве каждой силы из числа сил *нафса*: для чего она создана, на что потрачена и с чем вернется в могилу. Мы нашли его пасущимся свободно на просторах сладостных страстей и запретных [деяний], а также резвящимся на заповедных местах уделов *нафса*, подобно тому, как пасутся животные в пустынях». Заканчивается это первое вступление цитированием стихов имама аш-Шафии⁴, которые тот прочитал своему ученику ал-Музни, находясь на смертном одре.

Второе вступление посвящено вопросам заступничества в исламе. Указывая на то, что основным заступником для мусульман является Пророк, со ссылкой на шафиитских правоведов, в частности на ал-Хатиба аш-Ширбини⁵ и его трактат *Ал-Икна* («Удовлетворяющая»),

¹ Его адресатами были Мирза-Али ал-Ахти, Джамалуддин ал-Газигумуки, Юсуф ал-Губдани, некий Камил-афанди, кадий Ницовкра, Мамма-дибир ар-Рочи и т. д. Следует отметить, что некоторые письма имеют неполное содержание, что, по-видимому, связано с допущенными ошибками при издании.

² Не удалось идентифицировать.

³ В исламе под *нафсом* подразумевают личность человека, его «эго». Кроме того, *нафсом* называют все отрицательные черты души, которые присущи людям.

⁴ Мухаммад ибн Идрис Аш-Шафии (150/767–204/820) — имам одной из четырех суннитских правовых школ (мазхабов).

⁵ Мухаммад б. Ахмад аш-Ширбини — известный факих шафиитского мазхаба, толкователь Корана, автор множества сочинений, из которых наиболее известны: тафсир *Ас-Сираджу ал-мунир*

ал-Йараги утверждает: *«Желательно просить заступничества посредством приверженцев праведности, так как их мольба ближе к тому, чтобы быть принятой, особенно [мольба] родственников Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, подобно тому, как Умар просил (о дожде) посредством Аббаса»*. Кроме того, он приводит мнение другого шафиитского ученого и суфия, Абдуллаха ал-Йафиги¹ из его труда *«Наиру ал-махасин»* («Распространение добродетели»):

«Обычаем того, кто испытывает нужду, является то, что он прибегает к посредничеству [более] знатного человека... подобно тому, как простолудин прибегает к посредничеству амира, а амир прибегает к посредничеству везира, и уже везир выступает в качестве заступника перед султаном в исполнении его просьбы.

Так же и мы прибегаем к посредничеству нашего Пророка, да пребудут с ним наилучшие благословение и приветствие... Так же в некоторых случаях прибегают и к посредничеству угодников (авлийа) для исполнения некоторых нужд, а угодники (авлийа) [в свою очередь] прибегают к посредничеству Благородного Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и уже он выступает заступником пред Аллахом».

В третьем вступлении шейх ал-Йараги ведет воображаемый диалог со своим *нафсом*, который отвечает ему «языком состояния» (*лисану ал-хал*) и пытается обмануть шейха, скрыв от него истинное положение вещей. Он пишет о различных ухищрениях, к которым прибегает *нафс*: *«...иногда [он пытается обмануть] следуя оставленным мазхабам и отвергнутым мнениям, причисляя к дозволенному все, что находится под запретом или относится к нежелательному»*. В диалоге со своим *нафсом* шейх приводит аллегорическую притчу о трех путях, по которым может следовать человек: низший путь (*тарик сафил*), средний путь (*тарик муктасид*) и высший путь (*тарик шамих*). Человек, выбравший «низший путь», в течение короткого промежутка времени, вкусит наивысших наслаждений, однако затем его поразит *«...огонь, сжигающий лица и испепеляющий их, а также змеи и скорпионы, которые будут жалить, и кусать все его члены»*. Под «низшим путем», на наш взгляд, шейх подразумевает путь потакания страстям *нафса* и его прихотям, совершение греховного ради получения наслаждения в мирской жизни.

Человек же, выбравший «средний путь», по словам шейха, в течение некоторого времени будет ощущать трудности по причине оставления

(«Яркий светильник»), *Мугни ал-мухтадж* («Достаточный для нуждающегося»), который является комментарием к *Минхадж ат-талибин* («Путь ищущего [знаний]») имама ан-Навави и упомянутый трактат *Икна*, который является комментарием к известной книге шафиитского мазхаба *Матн Аби Шуджа* («Компендиум Абу Шуджа»).

¹ Абу Мухаммад Абдуллах б. Асад ал-Йафиги ал-Шафии (р. 1296) — известный историк и суфий из Йемена. Долгое время был имамом мечети ал-Харам. Автор известного в Дагестане агиографического суфийского сочинения *Равд ар-райахин фи хикайат ас-салихин* («Сады отдыхающих в рассказах праведников»).

страстей и отказа от потакания страстям, и поэтому он «будет лишен некоторых мирских наслаждений, но в мире вечном (ахират) он проживёт наилучшей жизнью и будет наслаждаться наивысшими благами». Здесь, по-видимому, речь идет о тех, кто придерживается обязательных установлений шариата и по мере возможности совершает желательные виды поклонения и избегает всего неодобряемого шариатом.

И наконец, ал-Йараги пишет о том, что человек, избравший «высший путь», будет претерпевать множество лишений и окажется в очень трудном положении, его постигнет множество бед и испытаний, но этот путь приведет его к наивысшему блаженству, с которым не сравнится ни одно из земных наслаждений, из-за которых человек часто грешит и восстает против своего Творца. Под «высшим путем» шейх подразумевает путь *тасаввуфа* (т. е. суфизма), на котором человек будет строго придерживаться шариата, соблюдать все обязательные и желательные его установления, всячески избегать греховного и даже нежелательного, неукоснительно соблюдать Сунну Пророка и придерживаться его благого нрава, т. е. во всем и всегда будет следовать его примеру.

После этого шейх ал-Йараги обращается непосредственно к читателю, указывая на то, что, хотя подавление устремлений *нафса* и низких качеств, а также наделение его благим нравом и освящается в общеизвестных айатах Корана и хадисах Пророка, он все же хочет привести некоторые из них. При этом шейх подчеркивает, что состояния людей (*ахвал*) отличаются друг от друга, и о них известно лишь Всевышнему. При описании этих состояний *нафса*, через которые человек проходит при жизни и после смерти, шейх ал-Йараги показывает глубокие знания Корана и его толкования, а также тонкое и точное знание Сунны. Раскрывая эти состояния, он начинает с земного существования человека, но основное внимание уделяет тем из них, через которые человек пройдет в мире Вечном. В этой части труда ал-Йараги присутствуют обильные цитирования из Корана и хадисов, которые он приводит в качестве доказательства своей классификации состояний человека.

Изложив все особенности состояний человеческого *нафса*, шейх ал-Йараги вновь переходит к «диалогу» со своим собственным. В этой «беседе» он придерживается прежнего оригинального стиля: от первого лица излагает определенную ситуацию, в которой предлагает *нафсу* тот ли иной выбор. Когда же *нафс* делает свой выбор, шейх с использованием аллегорий дает свой ответ, в котором упрекает *нафс* в том, что в обычной жизни он поступает наоборот, т. е. отдает предпочтение не тому, что разумно и выгодно, а тому, к чему его влекут страсти и прихоти, которым он поддается. С помощью ряда аллегорических примеров шейх повествует о тех качествах, которые мусульманину следует выработать в себе или же которых необходимо избегать.

К примеру, один из диалогов выглядит следующим образом. Ал-Йараги указывает на основных врагов человека, которые прилагают все усилия, чтобы сбить его с истинного пути и в конце концов привести в ад. В связи с этим он обращается к *нафсу*: *«Что ты сделаешь, если одновременно с четырех сторон на тебя набросятся лев, лиса, кошка и заяц, и у тебя есть возможность спастись только от одного из них?»* *Нафс* на это якобы отвечает: *«Я уберегусь от льва, так как он опаснее всех и убивает человека, мгновенно растерзав его, в отличие от остальных»*. Тогда шейх говорит следующее: *«Нафс подобен льву, шайтан — лисе, плохой нрав — кошке, бренный мир (дунья) — зайцу»*. По мнению ал-Йараги, *нафс* и шайтан наносят вред в земной жизни и в мире Вечном, а остальные представляют опасность лишь в земной жизни. Поэтому людям следует больше остерегаться двух первых, и особенно опасаться *нафса*, так как он *«является наиболее враждебным из всех»*. В качестве обоснования он приводит слова известного суфия ас-Сафади¹.

В другом «диалоге» ал-Йараги, говоря о ценности человеческой жизни, указывает на невозможность после смерти наверстать то, что было упущено при земной жизни. Шейх, обращаясь к *нафсу*, говорит: *«Что ты скажешь о том, кто продал уникальный жемчуг за один фельс?»*² *Является он из числа достохвалных, получающих награду [за свое деяние] или же он является из числа глупцов, обделенных [разумом]?»* *Нафс* на это отвечает ему: *«Он глупец, более того, он самый наиглупейший»*. Получив этот ответ, шейх, обращаясь к *нафсу*, раскрывает истинные цели своего вопроса: *«Значит, ты и есть самый наиглупейший из глупцов, и самый низжайший из низших, так как ты растратил самое ценное, т.е. свою жизнь, на то, что тебя не касается, и то, чем недоволен Могущественный Аллах»*.

Шейх ал-Йараги также обращает внимание на беспечность человека. Обращаясь к *нафсу*, он спрашивает о его действиях перед встречей «с сильными мира сего»: привел бы он себя в порядок и оделся соответствующим образом или же предстал бы перед ними в неряшливом и неподобающем виде? *Нафс* на это отвечает, что он бы постарался выглядеть, как можно лучше, не желая показаться глупым и невежественным. Получив подобный ответ, шейх указывает на то, что беспечность, охватившая сердца и помыслы людей настолько сильна, что они стараются выглядеть подобающим образом перед «сильными мира сего», но не стараются быть таковыми перед Творцом и не испытывают стыда, нарушая возложенные на них обязательства. По его словам, такая беспечность стала всеобщим бедствием, охватившим всех.

¹ Абдулкадир б. Мухаммад б. Умар ас-Сафади аш-Шафии — известный суфий (ум. 1509). Автор популярного в Дагестане сочинения по суфийской этике *Силк-ул-айн* («Вступление в колодезь [знаний]»).

² Фельс — название арабской средневековой разменной мелкой медной монеты. Появилась как подражание византийским фоллисам в VII в.

Затем ал-Йараги переходит к разъяснению пороков, которые могут постигнуть человека, принявшего во внимание приведенные ранее примеры и начавшего выполнять все предписания шариата. Он обращает внимание на то, что при этом не стоит забывать об упомянутых выше «четырёх врагах», поскольку шайтан в этом случае меняет свой подход к человеку. Он предпринимает попытки лишить его той награды, которая полагается ему за его праведные деяния, незаметно внушив ему грех самолюбования и вселяя в него презрительное отношение к тем, кто не занимается поклонением, подобно ему. По мнению шейха, самолюбование (уджб) является одним из самых опасных пороков, о чем заявляли все выдающиеся наставники *тасаввуфа*.

Одним из самых важных качеств мусульманина ал-Йараги считает упование на Всевышнего Аллаха. С помощью примера он поясняет, насколько важно всегда и во всем уповать на Всевышнего: *«Если тебе скажет человек, заслуживающий доверия: “Уповай во всех твоих делах на меня, и я обеспечу тебя во всех ситуациях, держись меня во всех важных делах и словах, и я наставлю тебя на верный путь и самое обильное приобретение”, — то будешь ли ты уповать на него во всех твоих делах?»*. Он [т.е. нафс] ответил: *“Да”*. Тогда я [т.е. шейх] сказал: *“Аллах более достоин упования и доверия, и Он более подходит для того чтобы держаться Его во всяком положении”*. Ал-Йараги предостерегает от следования своим страстям и потакания своим желаниям и наущениям шайтана. Призывает не предаваться пустому времяпрепровождению, так как ни одно мгновение человеческой жизни не вернется назад, не забывать о скоротечности земной жизни и о том, что *ахират* является вечной обителью. Он напоминает, что все деяния и слова человека записываются ангелами, и потому надо быть осмотрительными и в том, и в другом.

После множества подобных диалогов, ал-Йараги переходит к перечислению и восхвалению последователей шейхов накшбандийского тариката. Затем он пишет о прекрасных качествах Пророка, приводя различные факты из его биографии: относительно его предков, матери, кормилицы, детей и жен.

Малая касыда написана ал-Йараги в форме обращения, в котором он восхваляет своего шейха Исмаила ал-Курдамири и сетует на то, что не смог побывать у него. В начале касыды ал-Йараги обращается к ветру с просьбой посетить места жительства ал-Курдамири и передать ему сведения о своем местоположении и желании побывать у него. Следует отметить, что подобная форма обращения к ветру традиционна для арабской поэзии.

После малой касыды ал-Йараги в стихотворной форме описывает причины, по которым был вынужден покинуть родное селение, одновременно восхваляя его с помощью различных эпитетов. Далее он перечисляет селения, в которых жил после того: Эрпели, Чиркей и Игали.

По всей видимости, письмо было написано до его переселения в Балахани и затем в Согратль, так как эти названия не упоминаются. Он также благодарит тех, кто оказывал ему помощь.

Далее в сборник «Асар» включены различные пожелания, стихи и письма шейха, из которых обращают на себя внимание следующие материалы:

1. С. 140 — Стихи с призывом изучать религию, сплотиться и быть терпеливыми;

2. С. 141 — Упомянутая выше биография ал-Йараги, написанная его сыном;

3. С. 144 — Письмо к ученому Мирза-Али ал-Ахти, в котором ал-Йараги призывает стремиться как к явным, так и к сокровенным знаниям;

4. С. 145 — Письмо к Газимухаммаду, в котором ал-Йараги пишет о том, что Джамалуддин ал-Газигумуки рассказал ему о приверженности будущего имама тарикату. В нем также имеется призыв оживить и обновить шариат и указание на то, что Джамалуддин является его маъзуном;

5. С. 148–153 — Письма к нескольким дагестанцам, в которых выражается радость по поводу их приверженности тарикату и сообщается об объявлении Джамалуддина ал-Газигумуки маъзуном;

6. С. 154–157 — Письма с выражением соболезнования к нескольким дагестанцам, в т. ч. Абдуррахману ас-Сугури, Мирза-Али ал-Ахти, Джамалуддину ал-Газигумуки;

7. С. 159–160 — Письма к вилайатам Туркаман и Гумук с призывом придерживаться шариата и тариката, но при этом не допускать споров и диспутов;

8. С. 162 — Послание ко всем приверженцам накшбандийского тариката, в котором ал-Йараги наказывает практиковать его под руководством тех, кто имеет на это разрешение. Шейх указывает на то, что Джамалуддин ал-Газигумуки имеет такое разрешение;

10. С. 163 — Письма к Хаджи Умару ал-Гумуки и Хаджи Пиру с призывом придерживаться шариата;

11. Стр 164 — Письмо в стихотворной форме к некоему Ибрагиму-афанди с призывом следовать шариату. В конце письма ал-Йараги пишет: «Это разрешение (*иджаза*) бедного этому лицу (*фард*) для наставления творений (*халк*)...» Можно ли оценивать эти слова как разрешение на наставничество в тарикате? В *иджазах*, которые обычно дают шейхи тариката, традиционно указываются свидетели и упоминаются те, от кого сам шейх получил право на наставничество. Однако вполне может быть, что упоминаемый Ибрагим-афанди получил право на наставничество, пройдя все обязательные процедуры, а данное письмо являлось неким дополнительным подтверждением его легитимности в качестве наставника тариката;

12. С. 165, 170–171 — Письма к Ибрагиму-афанди и Мамма-дибиру ар-Рочи с призывом строго следовать тарикату и шариату;

13. С. 174 — Касыда в назидательной форме (*насиха*) следующего содержания: 1 раздел — об обязательности придерживаться шариата и распространять его; 2 раздел — призыв к ученым следовать своим знаниям и распространять их; 3 раздел — призыв к мутаалимам быть старательными; 4 раздел — призыв к последователям тариката придерживаться Сунны и проявлять усердие;

14. С. 178–181 — Письма к джамаатам селений Губден, Кумух и Гимры;

15. С. 186 — Мунаджат (жанр поэтической молитвы) Джамалуддина ал-Газигумуки с перечислением шейхов в том числе и ал-Йараги.

Как следует из вышеизложенного, в памятнике письменного наследия ал-Йараги под названием «Асар» имеется множество интересных и разножанровых материалов, которые позволяют получить ценные сведения о политической и духовной жизни дагестанского общества в начале XIX в. Их содержание свидетельствует о том, что знаменитый суфийский шейх обращался к различным представителям дагестанской религиозной элиты, а также к отдельным джамаатам с призывами вступить на путь тариката и строго придерживаться канонов шариата. В то же время исследуемые рукописные материалы позволяют значительно расширить наши представления о взглядах и убеждениях шейха ал-Йараги, сыгравшего важную роль в политическом и духовном развитии Дагестана в первой половине XIX в.

Литература

Khapizov Sh., Shekhmagomedov M., Abdulmazhidov R. The Khalwatiyya Sheikhs in Dagestan (16th-17th Centuries) // Iran and the Caucasus. 2017. Vol. 21. No. 3. Pp. 303–309.

Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г., Абдулмажидов Р. С. Суфийский орден халватийа в Горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане // Caucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета. Вып. II–III. (2017–2018). Ереван.: Изд. РАУ, 2018. С. 247–257.

Прушановский К. И. Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката) учения о нравственном элементе человека в Дагестане // Кавказский сборник. Т. 23. Тифлис, 1902. 446 с.

Дубровин Н. Ф. Из истории войны и владычества русских на Кавказе (Кази-Мулла как родоначальник мюридизма и газавата) // Военный сборник. 1890. № 10. С. 197–240.

Багиров М. Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиле. М., 1950. 32 с.

Ханбабаев К. М. Эволюция исламского радикализма в Дагестане: история и современность // Исламоведение. 2009. № 2. С. 123–141.

Агаев А. Г. Магомед Ярагский. Мусульманский философ. Поборник веры, свободы, нравственности. Махачкала, 1996. 207 с.

Мусаев М. А., Закарьяев З. Ш. Биография шейха Мухаммада аль-Йараги, написанная его сыном Исмаилом / пер. с араб. яз., коммент. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 57. С. 44–50.

Шехмагомедов М. Г. Источниковедение суфизма в Дагестане XIX в. Переписка шейхов Мухаммада ал-Йараги и Джамалуддина ал-Газикумухи с имамом Газимухаммадом ал-Гимрави // Мавраевъ. 2014. № 1. С. 48–50.

Джалалова С. М. Политико-правовые воззрения Магомеда Ярагского (первая половина XIX в.) // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 40–50.

References

Khapizov Sh., Shekhmagomedov M., Abdulmazhidov R. (2017). The Khalwatiyya Sheikhs in Dagestan (16th–17th Centuries). *Iran and the Caucasus*. 2017. Vol. 21. No. 3. Pp. 303–309.

Khapizov Sh. M., Shekhmagomedov M. G., Abdulmazhidov R. S. (2018). *Sufiiskii orden Khalvatiia v Gornoi Avarii: novye stranitsy sufizma v srednevekovom Dagestane* [Sufi Order Halvatiya in Mountainous Avaria: New Pages of Sufism History in Medieval Dagestan]. *Caucaso-Caspica. Trudy Instituta vostokovedeniia Rossiisko-Armianskogo (Slavianskogo) universiteta*. 2018. Vol. II–III. Pp. 247–257.

Prushanovskii K. I. (1902). *Istoricheskie zapiski o nachale i razvitii dukhovnoi voiny (prevratnogo tarikata) ili ucheniia o npravstvennom elemente v cheloveke* [Historical Notes on the Beginning and Development of Spiritual War (Perverse Tariqa) or the Doctrine of the Moral Element in Man]. *Kavkazskii sbornik*. Vol. 23. Tiflis. 446 p.

Dubrovin N. F. (1890). Iz istorii voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze (Kazi-Mulla kak rodonachal'nik miuridizma i gazavata) [From the History of War and Domination of Russians in the Caucasus (Qazi-Mulla as the Founder of Muridism and Gazavat)]. *Voennyi Sbornik*, 1890. No. 10. Pp. 197–206.

Bagirov M. D. (1950). *K voprosu o kharaktere dvizheniia miuridizma i Shamilia* [On the Nature of the Movement of Muridism and Shamil]. Moscow. 32 p.

Khanbabaev K. M. (2009). Evoliutsiia islamskogo radikalizma v Dagestane: istoriia i sovremennost' [Evolution of Islamic Radicalism in Dagestan: History and Modernity]. *Islamovedenie*. 2009. No. 2. Pp. 123–141.

Агаев А. Г. (1996). *Магомед Ярагский. Мусульманский философ. Поборник веры, свободы, нравственности* [Magomed Yaragsky: Muslim philosopher, Defender of Faith, Freedom, Morality]. Makhachkala. 207 p.

Musaev M. A., Zakar'iaev Z. Sh. (2015). Biografiia sheikha Mukhammada al-Yaragi, napisannaia ego synom Ismailom (perevod s arabskogo iazyka, kommentarii) [Biography of Sheikh Muhammad al-Yaragi by His Son Isma'il (translation from Arabic, commentary)]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2015. No. 57. Pp. 44–50.

Shekhmagomedov M. G. (2014). *Istochnikovedenie sufizma v Dagestane XIX v. Perepiska sheikhov Mukhammada al-Iaragi i Dzhamaluddina al-Gazikumukhi s imamom Gazimukhammadom al-Gimravi* [Source Study of Sufism in Dagestan in the 19th century. Correspondence of Sheikhs Muhammad al-Yaragi and Jamaluddin al-Gazigumuki with Imam Gazimuhammad al-Gimravi]. *Mavraev*. 2014. No. 1. Pp. 48–50.

Dzhalalova S. M. (2011). Politiko-pravovye vozzreniia Magomeda Iarag-skogo (pervaia polovina XIX v.) [Political and Legal Views of Muhammad al-Yaragi (First Half of the 19th Century)]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2011. Vol. 4. Pp. 40–50.

From the History of Muslims of Russia

“AL-ATHAR” — A MONUMENT OF MUHAMMAD AL-YARAGI’S WRITTEN HERITAGE

Abstract. This paper is devoted to the source research analysis of the collection works and letters of a famous Dagestani Sheikh Muhammad al-Yaragi, which are written in Arabic and known as ‘Al-Athar’. Despite a keen interest in the personality of the sheikh, practically nothing was known about the content of this book, the only one extant from his written heritage. Meanwhile, the research of these collected works allows us to provide unique insight into the views and beliefs of this famous sheikh. In this regard, the authors examined in detail the structure of ‘Al-Athar’, having determined the genre variety of the manuscript materials included in it. The collection consists of two qasids, texts of several duas and instructions, a biography of the sheikh written by his son, as well as his extensive correspondence with various Dagestani theologians and communities. The collection ends with a small work in poetic form by Jamaluddin al-Gazigumuki, in which he quotes his silsila, i. e. a consistent chain of succession of the sheikhs of the Naqshbandi tariqa. The materials under research provide interesting information about the political and spiritual life of Dagestan society in the first half of the 19th century. At the same time, they provide an insight into the resumption of the interrupted Sufi tradition in the region.

Keywords: Dagestan, manuscript in Arabic, Sufism, Muhammad al-Yaragi, tariqa, shari‘a, nafs, Jamaluddin al-Gazigumuki.

Ramazan S. ABDULMAZHIDOV,

Cand. Sci. (Hist.), head of Department of Oriental Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences (75, M. Yaragskiy Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russian Federation).
E-mail: ramazana@yandex.ru

Abdula G. ABDULAEV,

postgraduate student. Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences (75, M. Yaragskiy Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russian Federation).
E-mail: pastuh100878@mail.ru

*ИСЛАМ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ СТРАН И НАРОДОВ*

О. В. Москалец

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ТАХА ХУСЕЙН И РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЕГИПТЕ

МОСКАЛЕЦ Оксана Владимировна –

мл. науч. сотр. Центра арабских и исламских исследований;

Институт востоковедения РАН

(107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12).

E-mail: oksana_interpost@mail.ru

Аннотация: Таха Хусейн — один из величайших мыслителей Египта, интеллектуал, ученый-энциклопедист. Формирование его личности совпало с драматическим периодом в истории страны, связанным с английской оккупацией, когда Египет на долгие годы превратился в британскую колонию, став фактически аграрно-сырьевым придатком Британской империи. Политика колониальных властей в сфере образования была направлена на ограничение количества просвещенных египтян и снижение качества образования, которое было доступно лишь в той мере, в какой это отвечало интересам короны. В статье рассматривается роль Т. Хусейна в развитии и реформировании образования в Египте во второй трети XX в. Будучи патриотом своей страны, выступая за национальную независимость Египта, он считал, что только образованная нация может полностью освободиться от колониального господства. Анализируя педагогические концепции Т. Хусейна, автор отмечает их направленность на демократизацию образования и преодоление косности общественного сознания, которое сдерживало творческое развитие личности. Находясь на должности министра образования Египта, Т. Хусейн сумел воплотить в жизнь ряд своих идей относительно развития и реформирования образования, важнейшей из которых стало введение

бесплатного начального образования для всех слоев населения, независимо от социальной принадлежности и материального достатка.

Ключевые слова: Таха Хусейн, Египет, система образования, английская оккупация, реформа образования, университет Ал-Азхар, исламское образование, педагогические концепции.

Для цитирования: Москалец О. В. Таха Хусейн и развитие образования в Египте // Ислам в современном мире, 2020; 4: 81–98;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-81-98

Статья поступила в редакцию: 20.09.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020

Таха Хусейн (1889–1973) — один из наиболее известных египетских интеллектуалов XX в. Его жизнь была неразрывно связана с развитием египетского общества.

Детство Т. Хусейна прошло в небольшой деревушке Верхнего Египта на берегу Нила, где он рос в многодетной семье мелкого служащего, в которой воспитывали детей в уважении к традициям и авторитетам. В возрасте трех лет он потерял зрение, но, несмотря на это, благодаря феноменальной памяти и блестящему уму, за короткое время смог выучить наизусть Коран. Физический недостаток развил в Т. Хусейне способность к сосредоточению мыслей, чувств, острому ощущению реальности. Неуемная жажда к знаниям и самосовершенствованию, проявившаяся еще в деревенском куттабе, позволяла не чувствовать себя ущербным.

В дальнейшем его деятельность была многосторонней: литературовед, критик, историк литературы, он был и общественным деятелем, и деятелем образования. В каждой из этих сфер он проявил себя как новатор, остро чувствующий дух времени и нацеленный на решение первоочередных задач отечественной культуры. Он внес неоценимый вклад в развитие современной египетской и всей арабской культуры. В нашей стране Таха Хусейн более известен как выдающийся египетский мыслитель и писатель, однако в его биографии немалое место занимает деятельность на поприще образования, а его педагогическое наследие не менее ценно и является значимым для развития египетской системы образования.

Становление личности Т. Хусейна пришлось на период английской оккупации Египта, когда страна фактически превратилась в английскую колонию, без возможности самостоятельно вести внутреннюю и внешнюю политику. Британское руководство Египтом продолжалось

в различных проявлениях (военном, политическом и административном) практически 70 лет¹.

Последствия британской оккупации отразились не только на политическом режиме Египта, но и на его социально-экономическом и культурном развитии. Хедив Египта считался исключительно номинальной фигурой, вся власть была сосредоточена в руках британского дипломатического представителя — агента и генерального консула², который, опираясь на британскую оккупационную армию, безраздельно управлял страной.

Любые попытки проводить хоть сколько-нибудь самостоятельную политику со стороны хедива Аббаса II (прав. 1892–1914) резко пресекались лордом Кромером — британским Генеральным консулом и верховным комиссаром Египта в 1883–1907 гг. Хедиву запрещалось принимать решения по любым важным вопросам без предварительного согласия на то колониального администратора. Генеральный консул Российской империи в Египте в 1886–1902 гг. А. И. Кояндер в связи с этим писал следующее: «Ненавидя опекающих его чужеземцев, хедив, насколько было в его силах, старался бороться с ними и им противодействовать. Но во всех столкновениях, как в мелких, так и в крупных, вызванных этой борьбой, последнее слово оставалось почти всегда за лордом Кромером, и молодой Аббас не находил должной поддержки ни у себя дома, в среде своих ближайших советников, ни в Константинополе, ни в Париже». Свои наблюдения российский дипломат высказал и по поводу египетского Кабинета министров того времени: «Отсутствие энергии и способностей у египетских министров, соединенное с прирожденной всем восточникам трусостью, заставляет их беспрекословно подчиняться всем желаниям лорда Кромера, который, по его собственным словам, ставя какие бы то ни было требования, заранее уверен в успехе»³.

Проведение реформ в социальной сфере не было запланировано английской администрацией, бюджет которой не предусматривал практически никаких расходов на социальные нужды⁴. Более того,

¹ Оккупация Египта и протекторат — с 1882 по 1914 г.; протекторат до 1922 г.; с 1922 г. и до 1952 г. — формальная внутренняя независимость: в 1922 г. правительство Великобритании опубликовало одностороннюю декларацию об отмене британского протектората на волне египетского национально-освободительного движения 1919–1921 гг. (Египет становится конституционной монархией, однако это не отменяло его зависимости от Англии, вплоть до 1952 года в стране оставались английские войска).

² Британские Генеральные консулы в Египте: лорд Кромер — с 1883 по 1907 год; Эдмон Горст — с 1907 по 1910 г.; Герберт Китченер — с 1911 года по 1914 г.; Милн Читем — исполняющий обязанности Верховного комиссара Великобритании в Египте — 1914–1915 гг.; Артур Генри Макмагон — британский Верховный комиссар Египта — с 1915 по 1917 г.; Реджинальд Уингейт — с 1917 по 1919 г.; Эдмунд Алленби — Верховный комиссар Египта и Судана — с 1919 по 1925 гг.; Джордж Ллойд — с 1925 по 1929 г.; Перси Лорейн — с 1929 по 1933 г.; Майлс Лэмпсон — с 1934 года — верховный комиссар, в 1936–1946 гг. — посол Великобритании в Египте.

³ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 832. Л. 23 об.

⁴ Москалец О. В. Образование в Египте в период британского управления (1882–1922) // Сб. статей: Арабский мир в потоке событий и времени. М.: ИВ РАН, 2014. С. 179.

бюджетное финансирование образования было сокращено в разы. В итоге «к началу XX в. Египет, даже в сфере начального обучения, не говоря о среднем и высшем образовании, был отброшен назад — к уровню 60-х годов XIX в.»¹ Это была целенаправленная политика колониальных властей, заключавшаяся в сохранении необразованным подавляющего большинства населения и отлучении его от элементарной культуры и просвещения. Управление массами, которые не могли адекватно ориентироваться в политических перипетиях, оставались неорганизованными и неспособными отстаивать свои права, виделось представителям колониальной власти как естественный процесс, отработанный веками английского господства, проверенный на практике и вполне подходящий к условиям Египта².

В 1902 г. Кромер изложил главные пункты своей образовательной программы для Египта. Первое — это обеспечение начальным образованием на родном языке как можно большего количества людей посредством элементарных коранических школ — куттабов. Второй пункт — совершенствование прозападной правительственной школьной системы для «эффективной подготовки гражданских чиновников». Третье — это сокращение количества учеников в государственных школах до уровня, достаточного для удовлетворения потребностей экономики и административной службы. В четвёртом пункте Кромер делал акцент на техническом образовании для тех, кто не прошёл отбор в среднюю и высшую школу и был бы полезен администрации тем, что мог получить нужные навыки. Всё это имело общую цель — обеспечение стабильного функционирования административной системы, закрепление за египетскими специалистами подчиненного положения и ограничение доступа к образованию для большинства египтян³.

Ранее, начиная с Мухаммада Али (1805–1848), государство финансировало обучение в государственных школах. Британский наместник Кромер отменил эту практику. Египетские семьи теперь должны были сами платить за обучение детей, что для многих из них стало непреодолимым препятствием к получению образования. Эта ситуация спровоцировала сокращение спроса на школы средней и высшей ступени. Главной причиной такого изменения политики было финансовое давление на правительство и желание урезать бюджет на образование до минимума.

Кроме того, существовала твёрдая позиция Кромера, которая заключалась в том, что образование не относится к сфере деятельности

¹ Гиниятуллина Д. Р. Формирование просветительских взглядов и педагогической концепции Таха Хусейна: Дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. С. 73.

² Москалец О. В. Образование в Египте в период британского управления (1882–1922). С. 180.

³ Tignor Robert. Modernization and British colonial rule in Egypt, 1882–1914. Princeton, 1966. P. 323.

правительства, что просвещение само по себе — частное, а не государственное дело и что единственный способ поднять ценность образования среди египтян — это заставить их платить за него, в том числе и в государственных школах¹.

Такой подход колониальных властей на десятилетия предопределил малочисленность национальной интеллигенции и в целом просвещенного слоя, который служит целям облагораживания народных масс, в том числе распространения знаний в обществе как важного фактора в обеспечении социального и культурного прогресса².

К началу XX века доля неграмотных в Египте составляла 92% среди мужчин и более 99% среди женщин. Бюджет образования не превышал 3% всего госбюджета, причем минимальная часть этих средств расходовалась на начальное образование³.

Подавляющее большинство преподавателей египетских школ были заменены англичанами в первые десять лет оккупации, большой процент иностранцев был среди представителей таких популярных профессий, как врачи и юристы⁴.

К тому же англичане стремились внедрить преподавание английского языка за счёт ограничения французского и вытеснения арабского языков. Стажировки практиковались преимущественно в Англию, в то время как в XIX в. основной поток направлялся главным образом во Францию и другие страны Европы. Таким образом, британский режим одновременно достигал двух важнейших целей: во-первых, распространение английской культуры получало дополнительный импульс, во-вторых, сужалась зона влияния французской культуры.

Общественность и патриотические силы в Египте указывали на это явление, выступая против засилья английского языка в преподавании, а египетские газеты того времени начали широкую антибританскую кампанию, что заставило англичан объявить, будто эта мера временная, до тех пор, пока не будет обеспечено необходимое число квалифицированных учителей, преподающих на арабском языке. Однако только спустя двадцать лет, арабский язык в обучении стал вытеснять английский и французский языки, а после 1910 г. эти последние стали изучаться исключительно как иностранные.

Система образования в более поздний период британского господства включала несколько этапов. Это было прежде всего первичное образование, которое давалось в начальных школах, а также общее

¹ *Tignor Robert. Modernization and British colonial rule in Egypt, 1882–1914. Princeton, 1966. P. 325.*

² *Москалец О. В. Образование в Египте в период британского управления (1882–1922). С. 181.*

³ *Valentine Chirol. The Egyptian problem. London: Macmillan Co.; 1921. P. 221.*

⁴ *Черновская В. В. Формирование египетской интеллигенции в XIX — первой пол. XX в. М.: Наука, 1979. С. 56.*

образование, которое охватывало начальное, среднее и высшее образование. Религиозное образование было поставлено в Ал-Азхаре и оставалось в традиционных школах (куттабах), существовавших за пределами образовательной структуры. Цель британских властей состояла в том, чтобы сделать эти образовательные этапы конечными, что обеспечивало египтянам весьма ограниченный объём знаний и лишало их возможности подниматься выше по образовательной лестнице.

Развитие высшего образования в Египте оккупационными властями не приветствовалось, поскольку британцы сознательно стремились ограничить количество и качество образованных египтян, открывая для них систему в той мере, в какой это отвечало потребностям короны. К началу XX в. в Египте насчитывалось около девяти высших учебных заведений и не было ни одного, которое бы предлагало университетское образование по европейским стандартам. Поскольку колониальный режим не стимулировал развитие высшего образования, в 1908 г. патриотические настроенная интеллигенция предприняла попытку создания Египетского (Каирского) национального университета, где талантливые египтяне могли бы получить либеральное, по западному типу, образование, ориентированное на проблемы Египта, непосредственно в нем самом. Создание Египетского (Каирского) университета стало важной победой египетского освободительного движения, направленного против режима, считавшего, что египтяне не имеют права на свое мнение об образовании.

Эти социально-экономические и политические условия не могли не повлиять на формирование личности Т. Хусейна, который, будучи патриотом своей страны, выступая за национальную независимость Египта, считал, что только образованная нация может полностью освободиться от колониального господства. Впоследствии он будет ратовать за всеобщее право на образование, проповедовать демократические ценности, отстаивать гуманистические идеалы, основанные на уважении к человеку как к личности, независимо от социального происхождения, вероисповедания, пола или расы.

В 1902 году Таха Хусейн в возрасте 13 лет приезжает в Каир и поступает в мусульманский духовный университет Ал-Азхар. В дальнейшем о своем пребывании здесь он напишет в автобиографической повести «Дни». В Ал-Азхаре он проходит полный курс теологических дисциплин — мусульманское право (*фикх*), религиозную догматику (*тавхид*), толкование Корана (*тафсир*), арабскую грамматику и логику, изучает классическую арабскую литературу. В период учебы в Ал-Азхаре происходит становление личности Т. Хусейна, формируются его общественно-политические взгляды¹. Молодой азхарист призна-

¹ Сейранян Б. Г. Таха Хусейн (1889–1973) и современный Египет // Сб. статей: Таха Хусейн — великий египетский мыслитель и гуманист. М.: ИВ РАН, 2014. С. 36.

ет ценность знаний, получаемых от некоторых педагогов университета, особо он отмечает шейха ал-Марсафи, который привил ему любовь к классической арабской литературе, и Мухаммада Абдо, реформаторские взгляды которого он полностью разделяет, однако в целом схоластическое содержание большинства лекций, оторванных от реальной жизни, вызывает в нем внутренний протест. Таха Хусейн не удовлетворён и разочарован устаревшими методами преподавания в Ал-Азхаре, основанными на механическом заучивании текстов, не принесших ему никаких новых знаний, кроме тех, что он сам почерпнул, читая книги или участвуя в беседах со старшими учениками. По признанию самого Хусейна, он чувствовал, что время его учебы в Ал-Азхаре потрачено впустую, — проучившись здесь четыре года, он говорит о них как о сорока, настолько мучительными и однообразными они казались Т. Хусейну. С обреченностью он думает о предстоящих еще восьми годах учебы, которые он будет считать за восемьдесят¹. Однако именно в этот период молодой человек приобщается к занятиям литературой и все свободное время отдает любимому увлечению. С этого момента занятие литературным творчеством полностью поглощает Т. Хусейна, раскрывая в нем талант писателя.

Во время учёбы Т. Хусейна в Ал-Азхаре обозначились противоречия между сторонниками реформатора ислама Мухаммада Абдо и консервативными шейхами. Мухаммад Абдо и его соратники выступали за реформацию ислама и модернизацию самого Ал-Азхара путём включения в учебную программу наряду с богословскими дисциплинами предметов светских. Известно, что в 1905 г. Т. Хусейн посещает лекции Мухаммада Абдо, изучает его сочинения, молодой, стремящийся к знаниям азхарист «становится горячим поклонником Абдо, реформаторские концепции которого содействовали секуляризации общества и подрыву господства религиозного мировоззрения»². Позже, являясь приверженцем идеи реформирования университета и всей системы образования в стране, Т. Хусейн выступает одним из инициаторов реформы Ал-Азхара в 1929–30 гг. Понимая, что методы преподавания в Ал-Азхаре устарели, он заявляет, что воспитанием молодежи должны заниматься профессиональные педагоги, которые способны заинтересовать учащихся предметом, развить стремление к наукам, а не шейхи Ал-Азхара, которые понимают функцию образования и воспитания как покорность и беспрекословное подчинение догмам Корана. Стремление к новым знаниям они воспринимают как нечто ненужное и опасное, считая, что это не способствует воспитанию учащихся в исламской традиции. Т. Хусейн критикует такой подход улемов к образованию

¹ Таха Хусейн. Аль-Айам. Ал-Кахира, 2014. С. 217–218.

² Сейранян Б. Г. Таха Хусейн (1889–1973) и современный Египет. С. 36.

и напоминает, что одна из функций образования состоит в формировании патриотизма, любви к Родине, а не к некоей общине, умме, «объединенной любовью и верой в Бога»¹.

Не случайно, особую социальную остроту во времена английской оккупации приобретают проблемы в образовательной сфере. Эта тема становится важным фактором роста антиколониальных настроений в стране. Пути обретения независимости Египта Т. Хусейн видит через построение и развитие национальной системы образования, которая должна вобрать в себя лучшие достижения европейской науки и идти по европейскому пути в своем развитии, при этом сохранив национальную идентичность². Египетская интеллигенция в пике колониальным властям выдвинула идею создания национальных школ, на строительство которых был организован сбор пожертвований. На волне ликвидации неграмотности были открыты специальные вечерние курсы для взрослых.

В 1908 году Т. Хусейн переходит в только что открывшийся Каирский университет, при этом в течение некоторого времени он вынужден совмещать обучение в Ал-Азхаре и посещение лекций в Каирском университете. Переход в новый университет Т. Хусейн воспринимает с восторгом. Здесь впервые он встречается с представителями западной научной мысли, изучает новые для себя светские науки. Здесь он знакомится с представителями египетской интеллигенции, учеными, профессорами, такими как Лютфи ас-Сайид³, Саад Заглул⁴, которые впоследствии сыграли значительную роль в становлении личности Тахи Хусейна. Это было время постижения принципов европейской демократии, время нового осмысления Египта как части средиземноморской цивилизации, пробуждения интереса к социальным проблемам.

В 1914 г. Т. Хусейн окончил университет и получил степень доктора Египетского (Каирского) университета, успешно защитив диссертацию, посвященную творчеству слепого поэта и мыслителя XI в. Абу-л-Ала ал-Маарри. В том же году университет направил Т. Хусейна для усовершенствования в области классической античной философии и истории во Францию, сначала в Монпелье, а затем в Париж — в Сорбонну. В 1917 г. он защитил в Сорбонне вторую докторскую диссертацию, посвященную арабскому ученому Ибн Халдуну и стал первым египтянином, получившим степень доктора наук за рубежом. После этого он

¹ Таха Хусейн. Мустакбал ас-сакафа фи Мыср. Ал-Кахира, 1938. С. 62.

² Там же. С. 46.

³ Ахмад Лютфи ас-Сайид (1872–1963) — египетский интеллектуал, активист антиколониального движения, первый ректор Каирского университета. Является одним из основателей современного египетского секуляризма и либерализма.

⁴ Саад Заглул (1859–1927) — египетский политик, лидер партии «Вафд». Премьер-министр Египта в 1924 году.

ещё в течение двух лет жил в Париже, углубляя свои познания в области античных языков, истории и философии. В 1919 году он возвращается в Каир и становится профессором кафедры классической истории Каирского университета. В 1929 году он получает здесь должность декана филологического факультета.

Однако вскоре выясняется, что Т. Хусейн — неудобный человек для тогдашней власти¹. В своей педагогической деятельности он предпочитает демократичный стиль преподавания, считает, что лекции — это не просто изложение некоторых сведений, а диалог между преподавателем и студентом, своеобразный обмен мнениями. Главное для Т. Хусейна — научить студентов умению анализировать, не бояться выразить свою точку зрения, пусть и отличную от других, развить в них способность независимо мыслить. Понятно, что правящие круги, избравшие авторитарный путь в управлении страной, были недовольны деятельностью педагога, направленной на раскрепощение личности, осознание ею собственной индивидуальности и творческое осмысление действительности. В марте 1932 года Таха Хусейн, будучи деканом филологического факультета Каирского университета, был назначен заместителем министра образования, курирующим начальное образование в Министерстве. Пробыв на этом посту недолгое время, он был отстранен от занимаемой должности в министерстве и снят с поста декана в университете. Министр образования Египта Али Махир (1930–1933) посчитал нежелательным иметь у себя в министерстве человека, активно выступающего за демократизацию образования, творческое самовыражение личности и академическую независимость университета². Однако Т. Хусейн имел незыблемый авторитет среди коллег и в студенческой среде, поэтому студенты университета в знак протеста против отстранения его от преподавательской должности вышли на демонстрацию, а ректор университета Лютфи ас-Сайид подал в отставку³. В 1934 году при новом министре образования Ахмаде Нагибе (1934–1936; 1942–1944) Т. Хусейн возвратился на должность декана факультета. За годы его работы в Каирском университете в сотрудничестве с ректором Лютфи ас-Сайидом университет, первоначально имевший всего четыре факультета (филологический, юридический, медицинский и гуманитарный), прирос ещё шестью факультетами (инженерным, сельского хозяйства, торговли, ветеринарии, фармакологии и стоматологии), а также получил статус независимого учебного заведения.

¹ После реакционного переворота, осуществленного по требованию англичан королём Египта Ахмедом Фуадом I, и свержения правительства «Вафд» во главе с Мустафой ан-Наххасом (1928–1930) к власти в 1930 году приходит английский ставленник Исмаил Сидки, который в 1930–1933 г. в качестве премьер-министра укреплял английское господство в Египте.

² Гиниятуллина Д. Р. Формирование просветительских взглядов и педагогической концепции Таха Хусейна: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. С. 63.

³ Там же. С. 64.

В 30-е годы XX в. популярность Т. Хусейна выходит за пределы Египта, его имя и творчество становится известным европейским интеллектуалам¹. Новый этап в развитии педагогических взглядов Т. Хусейна был ознаменован выходом в свет его труда «Будущее культуры в Египте» (1938 г.), который с уверенностью можно назвать планом по модернизации образования в Египте. Здесь он публикует основные теоретические положения своей педагогической концепции, где впервые в арабской педагогике ставит вопрос о значении всестороннего развития личности. Затрагивая проблемы организации, управления и развития системы образования, автор подчеркивает мысль о необходимости демократизации образования и определяет способы решения этой задачи. Рассматривая образование как первостепенную необходимость и сравнивая его с потребностью человека в воде или воздухе, он утверждает, что государство должно «уделять сфере образования столько же внимания, сколько оно уделяет национальной безопасности страны»². Финансирование образования государством, заявляет Т. Хусейн, — это неотъемлемая задача национально ориентированного правительства, имеющего целью открыть доступ к образованию для всех слоев населения³.

Целью образования, в его понимании, является побуждение людей к совершенствованию, к изучению культуры других народов, воспитание толерантности, борьба против национальной самоизоляции. Функция образования состоит не только в передаче определенных знаний, но и в воспитании высоконравственной личности, обладающей такими качествами, как честность, чувство собственного достоинства, справедливость, человеколюбие, уважение к старшим, любовь к родине⁴. Особым пунктом реформирования образования Т. Хусейн считал переподготовку педагогических кадров, подчеркивая необходимость больше внимания уделять профессионально-педагогической подготовке учителей. Здесь он впервые выдвинул идею о всеобщем бесплатном государственном образовании, не зависящем от социального и материального положения учащегося⁵, которую впоследствии воплотил в жизнь, будучи министром образования Египта. Являясь приверженцем французской образовательной системы, Т. Хусейн предлагал взять за основу французские принципы управления образованием: «с сильной административной централизацией и полным государственным контролем»⁶.

¹ Собиров Э. К. Литературно-эстетические концепции Таха Хусейна (1889–1973) // ФЭН-Наука. 2012. № 2. С. 47.

² Таха Хусейн. Мустакбал ас-сакафа фи Мыср. С. 98.

³ Там же. С. 97–98.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 98–99.

⁶ Левин З. И. Рыцарь свободной мысли. М.: ИВ РАН, 1998. С. 36.

В своей работе «Будущее культуры в Египте» Т. Хусейн определяет основные педагогические критерии, на которых должно строиться отечественное образование. Автор отмечает важность межкультурного диалога, предполагающего обмен знаниями и признание различий, с тем чтобы достичь прогресса в науке и культуре, обогатить друг друга, найти взаимопонимание между представителями разных взглядов и традиций¹. Исходя из этого, Т. Хусейн видит необходимость изучения как можно большего числа иностранных языков как компонента коммуникативности², при этом подчеркивает важность изучения и развития арабского языка как основного государственного языка³. Говоря о воспитательной функции образования, Таха Хусейн акцентирует внимание на духовно-нравственном аспекте, а также уважении к личности учащегося и демократичности в образовательном процессе, в сочетании с требовательностью.

Отмечая острую необходимость в реформировании образования, Т. Хусейн предлагает расширить программу обучения в общеобразовательной школе и помимо обязательного курса отечественной литературы включить в нее дополнительно курс мировой литературы, при этом больше времени отвести чтению литературных произведений, как на родном арабском языке, так и в оригинале на иностранных языках.

В программу начальной школы он также предлагает включить наряду с элементарным набором предметов (чтение, письмо, счет) дисциплины, расширяющие кругозор ребенка, воспитывающие любовь к Родине, способствующие адаптации учеников к реальной жизни (национальная история, география, арабский язык, религиоведение). Более того, эти предметы предполагается ввести не только в государственных, но и в частных и иностранных школах. Таким образом, учреждается общий стандарт образовательных программ, контроль за которым возлагается на Министерство образования.

Помня свой негативный опыт учебы в Ал-Азхаре и понимая при этом важность роли ислама в духовно-нравственном становлении личности, Т. Хусейн утверждал, что оторванность религиозного учения от жизни является серьезным недостатком религиозного воспитания, а схоластическое учение считал неприложимым к реальной действительности. Критикуя негативное отношение большинства улемов Ал-Азхара к новшествам европейской цивилизации и науки, а также средневековый менталитет его ученых, Т. Хусейн подчеркивал, что ислам — это религия развития и стремления к идеалам как в духовной,

¹ Таха Хусейн. Мустакбал ас-сакафа фи Мыср. С. 33–37.

² Там же. С. 169.

³ Там же. С. 189–190.

так и в материальной жизни¹, поэтому люди, распространяющие это учение, не должны препятствовать прогрессу и науке, выступал за интеграцию западных принципов и исламских верований. Отсюда и твердое убеждение Т. Хусейна относительно необходимости реформирования этого учебного заведения.

В 1930 г. он принял непосредственное участие в разработке концепции по реформированию университета. Согласно Закону 1930 г. об Ал-Азхаре², была изменена структура этого учебного заведения. Обучение было разделено на три этапа — начальный, средний и высший. Принципиальные изменения заключались в том, что начальные и средние школы были выведены из мечети и отнесены к учреждениям, закрепленным за Ал-Азхаром. Эти подготовительные школы стали называться религиозными институтами и располагались в Каире, Александрии, Танте, аз-Заказике, Асьюте, Десуке и Думьате³.

Функция высшего образования возлагалась на три университетских факультета — исламского права — шариата, теологии и арабского языка, которым отводились отдельные здания⁴. По инициативе Т. Хусейна, университетская программа на начальном и среднем этапе была расширена преподаванием светских дисциплин, таких как алгебра, геометрия, химия, физика, природоведение, национальная история, география. Каждому предмету курса отводилось определенное количество часов, при этом объем преподавания нерелигиозных предметов не должен был превышать 30% общего учебного времени (ст. 50). По мысли Т. Хусейна, необходимо было идти дальше и объединить религиозное и гражданское образование на начальной и средней ступенях Ал-Азхара — для их сближения на благо развития университета и прогресса системы образования в Египте⁵. Т. Хусейн считал, что государство в лице Министерства образования должно контролировать учебный процесс и унифицировать учебные программы в университете⁶. Такая позиция вызвала крайнее противодействие со стороны улемов Ал-Азхара. Эти планы реализовались только в 1961 г., когда был принят Закон № 103 о реорганизации Ал-Азхара, полностью изменивший структуру этого учебного заведения. А на данном этапе Т. Хусейну и его единомышленникам удалось провести лишь некоторые изменения

¹ Таха Хусейн. Мустакбал ас-сакафа фи Мыср. С. 276.

² Канун ракм 49 ли-санат 1930- би-тарих 17/11/1930. Би-шаам иада танзим ал-джамиа ал-Азхар ва ал-маахид ал-динийа ал-улмийа ал-исламийа. [Электронный ресурс] / URL: / <https://site.eastlaws.com/GeneralSearch/Home/ArticlesDetails?MasterID=271732&related> (дата обращения: 11.09.2020).

³ Москалец О. В. Ал-Азхар и политические процессы в Египте в Новейшей истории // Восток. (Oriens). 2018. № 1. С. 73.

⁴ Там же.

⁵ Таха Хусейн. Мустакбал ас-сакафа фи Мыср. С. 279.

⁶ Там же. С. 67.

в методах преподавания, были повышены требования к педагогическому составу, более тщательно стали проверять степень квалификации преподавателей университета. О том, как непросто проходило реформирование Ал-Азхара свидетельствует и тот факт, что за поддержку Т. Хусейна в вопросе модернизации университета в 1931 г. был уволен известный профессор Ал-Азхара шейх Махмуд Шалтут, ставший впоследствии, в 1958 г., во главе этого учебного заведения⁷.

Работая с 1940 по 1950 г. на различных должностях в Министерстве образования, Таха Хусейн претворяет в жизнь свои теоретические наработки и осуществляет на практике ряд назревших в образовательной сфере реформ.

Назначенный в 1942 г. на пост советника министра образования, он внедряет часть своих педагогических принципов в учебную программу общеобразовательной школы. Основной упор он делает на начальное образование, причем считает, что, обеспечивая его, самым простым способом дает человеку возможность зарабатывать себе на жизнь. Он призывает к стандартизации всех форм начального образования, когда все типы начальных школ (государственные, частные, религиозные) должны осуществлять свою деятельность по единой государственной программе. В это же время он продвигает идею о необходимости дальнейшего развития высшего образования в Египте. По его инициативе и при его поддержке открывается Александрийский университет — сначала (1938 г.) как филиал Каирского университета, затем (1942 г.) — как самостоятельное учебное заведение (до 1952 года — Университет Фарука I) — который он возглавлял с 1942 по 1944 г. Здесь он воплощает в жизнь свою идею о необходимости изучения как можно большего числа иностранных языков и на базе факультета искусств создает лингвистическую кафедру, где помимо живых европейских языков преподают латынь. Также он расширяет университет, открывая новые факультеты — наук, коммерции, медицинский и сельскохозяйственный⁸. Последовательно внедряя в жизнь свои педагогические концепции, в частности принцип диалога культур, Т. Хусейн налаживает сотрудничество с высшими учебными заведениями Запада. Он не только приглашает европейских профессоров преподавать в Александрийском университете, но и способствует созданию филиалов университета в других странах.

Став министром образования (1950–1952 гг.) в последнем вафдистском⁹ правительстве, Т. Хусейн проводит закон, по которому местные

⁷ Москалец О. В. Ал-Азхар и политические процессы в Египте в Новейшей истории. С. 73.

⁸ Сайт Александрийского университета [Электронный ресурс] //URL: <https://alexu.edu.eg/index.php/en/2015-11-24-10-38-07/history> (дата обращения: 11.09.2020).

⁹ Хизб аль-Вафд (1918–1953 гг.) — крупнейшая партия в Египте либерально-националистического направления, основана Саадом Заглулом.

муниципальные школы, ранее имевшие региональное подчинение, переходят в ведение Министерства образования Египта¹. Т. Хусейн разрабатывает проект новой школьной системы. Он объединяет низшую ступень образования — элементарные школы (куттабы) — с начальной школой и на их основе учреждает базовое начальное образование, продолжительностью шесть лет². Таким образом, Т. Хусейн создает стандартную начальную школу, доступную для всех египтян. Далее вводится единый аттестат для средней школы, дающий право продолжить образование и поступить в университет³.

Идея бесплатного образования занимала важное место в планах Т. Хусейна по модернизации системы образования в Египте. Для ее реализации он в 1951 г. инициирует закон, который дает возможность получить бесплатное образование в государственной общеобразовательной школе всем египетским детям, независимо от их социальной принадлежности и материального достатка⁴.

Действуя согласно своим планам по расширению университетского образования в стране, в 1950 г. Т. Хусейн учреждает ещё одно современное высшее учебное заведение — Университет Айн Шамс, который начинает интенсивно развиваться. Первоначально состоявший из трех факультетов (педагогического, торговли и сельского хозяйства), к 1951 г. он увеличивает их количество до восьми.

Профессиональной подготовке и поднятию престижа учителя Т. Хусейн на посту министра образования уделял особое внимание. Помимо создания в 1951 г. «Ассоциации учителей», своеобразного профсоюза преподавателей, организации, способствующей поддержанию и повышению квалификации педагогов, он разработал новую программу по подготовке учителей на базе университетского образования. Программа была направлена на улучшение профессиональной подготовки педагогических кадров, и, помимо специализации по предмету, включала теоретические основы педагогики и основные положения по методике обучения.

Роль Т. Хусейна в области реформирования образования в Египте неоспорима, некоторые из его идей актуальны и по сей день, а решения для преодоления существующих в этой сфере проблем применимы не только к Египту, но и к другим арабским странам. Работая около 30 лет на различных постах в Министерстве образования, Т. Хусейн

¹ *Abdel Fattah Galal*. Taha Hussein (1889–1973) // UNESCO: International Bureau of Education. Paris. 1993. Vol. 23(3–4). P. 697.

² *Andreas Pflitsch*. The sea of knowledge. [Электронный ресурс] // URL: <https://en.qantara.de/content/taha-hussein-and-the-democratisation-of-education-in-egypt-the-sea-of-knowledge> (дата обращения: 11.09.2020).

³ *Таха Хусейн*. Мустакбал ас-сакафа фи Мыср. С. 94.

⁴ *Abdel Fattah Galal*. Taha Hussein (1889–1973). P. 697.

сумел достичь определённых успехов в преодолении неграмотности, внедрил новую систему образования — общедоступную и бесплатную, впервые поставил вопрос о повышении профессионального статуса педагога и определил пути улучшения профессиональной подготовки учителя, придал новый импульс дальнейшему развитию высшего университетского образования, базирующегося на европейских образовательных стандартах.

За свою прогрессивную деятельность Т. Хусейн был отмечен многочисленными наградами и знаками отличия, являлся профессором и почетным доктором нескольких европейских университетов, был автором более пятидесяти книг по философии, истории и теории литературы, образованию, а также перевел на арабский язык множество иностранной литературы. За заслуги перед страной он был удостоен высшей награды Египта — Ордена Нила, за большой вклад в развитие образования и распространение гуманистических ценностей Т. Хусейн стал лауреатом премии ООН. Несмотря на полное отсутствие зрения, но обладая стремлением к саморазвитию и активной жизненной позицией, Таха Хусейн сумел добиться потрясающих результатов — стал первым выпускником первого светского университета в Египте (Каирского университета, 1908), первым египтянином, получившим докторскую степень за рубежом, первым министром просвещения Египта, сделавшим обучение в общеобразовательной школе бесплатным, занимал ключевые должности в области культуры и науки внутри и за пределами Египта¹.

Список сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

Архивные источники

АВПРИ. Фонд 151 «Политархив». Оп. 482. Ед. хр. 832.

Литература

Гиниятуллина Д. Р. Формирование просветительских взглядов и педагогической концепции Таха Хусейна: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. 212 с.

¹ Гиниятуллина Д. Р. Формирование просветительских взглядов и педагогической концепции Таха Хусейна: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. С. 6.

- Левин З. И. Рыцарь свободной мысли. М.: ИВ РАН, 1998. 86 с.
- Москалец О. В. Ал-Азхар и политические процессы в Египте в Новейшей истории // Восток (Oriens). 2018. № 1. С. 72–83.
- Москалец О. В. Образование в Египте в период британского управления (1882–1922) // Сб. статей: Арабский мир в потоке событий и времени. М.: ИВ РАН. 2014. С. 178–192.
- Сейранян Б. Г. Таха Хусейн (1889–1973) и современный Египет // Сб. статей: Таха Хусейн — великий египетский мыслитель и гуманист. М.: ИВ РАН. 2014. С. 36–44.
- Собиров Э. К. Литературно-эстетические концепции Таха Хусейна (1889–1973) // ФЭН–Наука. 2012. № 2. С. 45–49.
- Черновская В. В. Формирование египетской интеллигенции в XIX — первой пол. XX в. М.: Наука. 1979. 162 с.
- Galal Abdel Fattah. Taha Hussein (1889–1973) // UNESCO: International Bureau of Education. Paris. 1993. Vol. 23. No. 3–4. Pp. 687–710.
- Innes Mary. In Egyptian Service: the Role of British Officials in Egypt, 1911–1936. University of Oxford, 1986. 352 p.
- Tignor Robert. Modernization and British colonial rule in Egypt, 1882–1914. Princeton, 1966. Xi, 417 p.
- Valentine Chirol. The Egyptian problem. London: Macmillan Co., 1921. Xii, 311 p.
- Таха Хусейн. Ал-Айам. Ал-Кахира, 2014. 359 p.
- Таха Хусейн. Мустакбал ас-сакафа фи Миср. Ал-Кахира, 1938. 318 p.

List of abbreviations

AVPRI - Archive of the foreign policy of the Russian Empire

Archival Sources

AVPRI. F. 151 «Politarkhiv». Op. 482. Doc. 832.

References

- Innes Mary (1936). In Egyptian Service: the Role of British Officials in Egypt, 1911–1936. University of Oxford. 352 p.
- Ginijatullina D. R. (2009). *Formirovanie prosvetitel'skikh vzgljadov i pedagogicheskoy koncepcii Taha Husejna* [Formation of Enlightenment Ideas and Pedagogical Theory of Taha Hussein]. Thesis. Kazan. 212 p.

Levin Z. I. (1998). *Rycar' svobodnoj mysli* [Herald of Free Thought]. Moscow: IV RAN. 86 p.

Moskalets O. V. (2014). Obrazovanie v Egipte v period britanskogo upravljenija (1882–1922) [Education in Egypt During the British Rule (1882–1922)]. *Sbornik statej: Arabskij mir v potoke sobytij i vremeni*. Moscow: IV RAN. Pp. 178–192.

Moskalets O. V. (2018). Al-Azhar i politicheskie processy v Egipte v novejshej istorii [Al-Azhar and Political Processes in Egypt of the 20th Century]. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 1. Pp. 72–83.

Sejranjan B. G. (2014). Taha Husejn (1889–1973) i sovremennij Egipet [Taha Hussein (1889–1973) and the Present-Day Egypt]. *Sbornik statej: Taha Husejn – velikij egipetskij myslitel' i gumanist*. Moscow: IV RAN. Pp. 36–44.

Sobirov E. K. (2012). Literaturno-esteticheskie koncepcii Taha Husej-na (1889–1973) [Taha Hussein's Literary and Aesthetic Ideas]. *FƏN–Nauka*. 2012. No. 2. Pp. 45–49.

Chernovskaja V. V. (1979). Formirovanie egipetskoj intelligencii v XIX – pervoj pol. XX v. [Emergence of Egyptian Intelligentsia in the End of the 19th – First Half of the 20th Century]. Moscow: Nauka. 162 p.

Galal Abdel Fattah (1993). Taha Hussein (1889–1973). *UNESCO: International Bureau of Education*. Paris. Vol. 23. No. 3–4. Pp. 687–710.

Tignor Robert (1966). *Modernization and British colonial rule in Egypt, 1882–1914*. Princeton. Xi, 417 p.

Valentine Chirol (1921). *The Egyptian problem*. London. Macmillan Co. Xii, 331 p.

Taha Hussein (1938). *Mustaqbal as-thaqafa fi Mysr* [Future of Culture in Egypt]. Cairo. 318 p.

Taha Hussein (2014). *Al-Ajjam* [Days]. Cairo. 359 p.

TAHA HUSSEIN AND THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN EGYPT

Abstract: Taha Hussein is one of the greatest thinkers of Egypt, who was provided with high intelligence and extensive knowledge in different areas. Formation of his personality coincided with the dramatic moments in the history of the country associated with the British occupation of Egypt. The author of paper traces the role of T. Hussein in the development and reform of education in Egypt in the early thirties of the 20th century. Moreover, the author analyzes the pedagogical concepts of T. Hussein, i. e. the idea of the democratization of education and overcoming the inertia of public consciousness, which blocked the creative development of the individual. As the Minister of Education of Egypt, T. Hussein was able to implement a number of his ideas on the progress and reform of education, the most important of which was the establishment of free primary education for all segments of the population, regardless of social status and material welfare.

Keywords: Taha Hussein, Egypt, education system, English occupation, educational reform, al-Azhar university, Islamic education, pedagogical concepts.

Oksana V. MOSKALETS,

junior researcher, Centre of Arabic and Islamic Studies, Institute
of Oriental Studies, Russian Academy of Science.

(12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation).

E-mail: oksana_interpost@mail.ru

А. О. Победоносцева-Кая

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

«МУКРИНСКИЕ КУРДЫ» О. Л. ВИЛЬЧЕВСКОГО: ЧТО И ПОЧЕМУ БЫЛО УДАЛЕНО ПЕРЕД ПУБЛИКАЦИЕЙ?

ПОБЕДОНОСЦЕВА-КАЯ Анжелика Олеговна –

канд. ист. наук, ассистент,

Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

(199186, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–11).

E-mail: apobedonostseva@gmail.com

Аннотация. В статье на основании сравнительного анализа двух разных вариантов этнографического очерка О. Л. Вильчевского о мукринских курдах поднимается вопрос о влиянии политики на полноту научных публикаций. Поводом к написанию настоящей работы послужили архивные исследования, в ходе которых было установлено, что помимо опубликованного в 1958 г. очерка «Мукринские курды», существует и более ранняя его версия — машинопись «Мукринский Курдистан», датированная 1955 г. и находящаяся на хранении в Научном архиве Музея антропологии и этнографии Российской академии наук. В основе этих работ Вильчевского — материалы, собранные им во время кратковременных командировок в район Мукринского Курдистана, куда военное ведомство направляло его в качестве эксперта по курдскому вопросу в период с 1942 по 1946 г. Как показал сравнительный анализ текстов машинописного варианта и опубликованного очерка, в последнем отсутствует ряд ценных с точки зрения содержания фрагментов, своего рода тематических блоков, которые касались закрытых в то время тем. Так, из первоначального варианта текста были изъяты фрагменты, где говорилось об определенных аспектах межконфессионального взаимодействия в Мукринском Курдистане (т. е. в Мехабаде), описания встреч Вильчевского с курдскими

лидерами и активистами. В рамках проведенного исследования была также сделана попытка проанализировать проблемы с публикацией очерка, обусловленные участием О. Вильчевского как советского офицера в реализации внешнеполитических задач СССР на Ближнем Востоке в 1942–1954 гг. Автор «Мукринских курдов», несомненно, стремился к научной объективности, но в тексте очерка были сделаны существенные купюры — им самим или иными ответственными лицами из соображений политической целесообразности. Это позволяет поднять концептуальный вопрос о субъектности или автономности ученого, находящегося на службе у государства, — проблему, которая осталась не рассмотренной в известной работе Э. Саида о связи политики и науки в контексте исследований по Ближнему Востоку.

Ключевые слова: СССР, Иран, Мехабад, Мукринский Курдистан, Кази Мухаммад, Ближний Восток, курды, курдское национальное движение, курдоведение.

Для цитирования: *Победоносцева-Кая А. О. «Мукринские курды» О. Л. Вильчевского: что и почему было удалено перед публикацией? // Ислам в современном мире, 2020; 4: 99–116;*

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-99-116

Статья поступила в редакцию: 15.10.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020

Проблема влияния политической ангажированности ученого (например, вследствие его аффилированности с государственными и политическими структурами) на объективность его научной деятельности и ее результатов применительно к исследованиям Ближнего Востока обсуждается не первое десятилетие. Острая полемика вспыхнула после выхода известной работы Э. Саида «Ориентализм»¹, а также вследствие расширения сферы постколониальных исследований. Отвечая на нее, Р. Ирвин заметил, что, ангажированность не помешала западному (а к нему он причисляет и израильское) востоковедению достигнуть высокого концептуального уровня².

Настоящая статья представляет собой попытку продолжить данную дискуссию, рассмотрев одну из знаковых работ советского курдоведения — очерк О. Л. Вильчевского о мукринских курдах. Судьба работы, отражающая во многом судьбу ее автора, прекрасно иллюстрирует проблему столкновения принципов научной объективности и политической целесообразности в советском обществе и государстве.

¹ Said E. W. Orientalism. New York. Pantheon Books Publication, 1978. 368 p.

² Irwin R. For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies. London: Allen Lane, 2006. 416 p.

Выдающийся советский курдовед, Олег Людвигович Вильчевский (1902–1964) прожил жизнь, которая стала результатом его стремления заниматься научной деятельностью, совмещая ее с работой в интересах Советского государства на Ближнем Востоке, в том числе с военной службой. Само его происхождение располагало к поиску компромисса между двумя этими призваниями.

О. Вильчевский родился 10 мая (27 апреля — по старому стилю) 1902 г. в семье морского офицера, прокурора Военно-морского суда Кронштадтского порта. В 1921–1924 гг. обучался в Ленинградском институте живых восточных языков. Ввиду определившегося интереса к изучению курдского языка, О. Вильчевский по предложению академика Н. Я. Марра был неоднократно командирован Советом Ленинградского восточного института в Армению для изучения курдов и их языка.

В 1927–1929 гг. преподавал курдский и русский языки в созданной при Ленинградском восточном институте подготовительной группе курдов. В 1930–1932 гг. был аспирантом академика Н. Я. Марра. В 1932 г. после окончания аспирантуры зачислен научным сотрудником в Институт языка и мышления Академии наук СССР и с 1932 г. занимал должность доцента в Ленинградском государственном университете, где читал лекции по истории курдов, курдскому языку и литературе и вел занятия с аспирантами-курдоведами. Основная научная деятельность О. Вильчевского была связана с изучением курдского языка, практической работой по языковому строительству курдов СССР. За этот же период предприняты три лингвистические поездки в населенные курдами районы СССР (Азербайджан, Армения, Грузия, Туркмения)¹.

Великая Отечественная война для О. Л. Вильчевского и других сотрудников-добровольцев Института языка и мышления началась 24 июня 1941 г.² Сначала оказались востребованными его навыки в служебном собаководстве³, но после ввода советских войск в Иран уже 26 января 1942 г. он был направлен на Закавказский фронт переводчиком⁴ и одним из немногих специалистов по курдскому вопросу.

Самое позднее с 1944 г. (по другим данным уже с мая 1942 г.) по 1 июля 1954 г. О. Л. Вильчевский работал инструктором-литератором в редакции персоязычной газеты «Пламя»⁵ Политического управления Закавказского

¹ Вильчевский О. Л. Стенограмма защиты диссертации «Езидские тексты», 1938 // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 2. Д. 5 Л. 44–44 об.

² Вильчевский О. Л. Личное дело, 1932–1941 // СПбФ АРАН Ф. 77. Оп. 5. Д. 318 Л. 49.

³ На Ленфронте он стал инструктором-дрессировщиком 6-го отряда собак-истребителей. См. Список защитников Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, работающих в Отделе кадров Политического управления Закавказского военного округа // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 47. Оп. 995. Д. 312. Л. 15.

⁴ Приказ № 26 от 26.01.1942 // ЦАМО. Ф. 8312. Оп. 301962. Д. 38. Л. 241.

⁵ Первый номер газеты «Пламя» был распространен среди иранского населения в первый же день вступления советских войск в Иран. Цит. по: Крикунов А. Советская спецпропаганда в Иране. Как это было // Центр анализа террористических угроз (ЦАТУ), 16.07.2012 [Электронный

Военного округа¹. В этот период он занимался изучением политического и экономического положения стран Ближнего и Среднего Востока. Им написаны и опубликованы в закрытых изданиях несколько работ по государственному устройству, населению ближневосточных стран и другим специальным вопросам. Много занимался изучением курдского населения зарубежных стран и написал ряд работ по этому вопросу².

С 25 июля по 18 августа 1942 г. капитан О. Вильчевский находился в служебной командировке в Иране, во время которой имел возможность побывать во многих пунктах Иранского Азербайджана (Тавриз, Шереф-Хане, Резайе, Ушну, Негаде, Мехабад и др.) и изучить разные национальные группы, живущие в Азербайджане. Описание политической жизни и настроений населения Иранского Азербайджана вошло первоначально в «Рапорт о поездке в Иран»³.

Для составления военно-политического описания курдских районов западной части Иранского Азербайджана был собран материал, характеризующий политическое и экономическое состояние региона, подробные сведения о населяющих регион курдских племенах, взаимоотношениях их между собой и их руководителях, об особенностях классовой структуры населения, его политических и общественных интересах, литературе и прессе, положении населяющих регион азербайджанцев⁴, курдов⁵, карапахов⁶, армян⁷, ассирийцев⁸, евреев⁹. Также из-за слабой изученности региона, в особенности его южной части,

ресурс]. URL: <http://www.catu.su/analytics/330-sovetskaya-specpropaganda-v-irane-kak-eto-bylo> (дата обращения: 07.11.2020).

¹ Представление на награждение от 02.10.1944 // ЦАМО. Ф. 47. Оп. 995. Д. 319. Л. 2.

² Вильчевский О. Л. Личное дело, 1954 // Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (НА МАЭ РАН). Ф. К-1. Оп. 7. Д. 76. Л. 14.

³ Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942 // НА МАЭ РАН. Фонд О. Л. Вильчевского (Ф. 17). Оп. 1. Д. 95. Л. 1–28.

⁴ О. Вильчевский отмечает азербайджанцев в качестве основного населения Иранского Азербайджана, в основном враждебно настроенного по отношению к Советскому Союзу. см.: Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 2.

⁵ Курды являлись второй по численности и политическому значению национальностью в Иранском Азербайджане. С одной стороны, они представляли довольно внушительную силу в политическом поле страны, а с другой — в период частых разногласий между курдскими вождями эта сила оказывалась раздробленной. см. Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 4.

⁶ Оседлые тюркские кочевники — карапахи — проживали в районе Сулдуза численностью до 3-х тысяч семейств. см.: Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 7.

⁷ Армянское население в Иранском Азербайджане было малочисленным, но влиятельным в политическом и культурном отношении. О. Вильчевский отмечает, что если зажиточные армяне, так же как и азербайджанцы, резко отрицательно относились к Советскому Союзу, то армянские крестьяне и ремесленники не скрывали своих симпатий к СССР, более того, связывали с ним возможность своего дальнейшего существования. см. Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 20–21.

⁸ «Удельный вес айсоры в политической жизни Азербайджана невелик. ...В основной массе айсоры настроены определенно просоветски». Цит. по: Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 23.

⁹ О. Вильчевский застал в районе Бане и Бокана еврейское население Мукринского Курдистана, которое говорило на курдском языке, но подробные данные о котором приводит только в машинописи. см.: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк, 1955 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7. Л. 59, 93–95, 142.

т. е. района Мехабада, или Мукринского Курдистана, были собраны некоторые данные по географии и истории района. В отчете О. Вильчевский подчеркивает, что *«факт наличия советских войск в Иране создает совершенно исключительные и, возможно, долго не повторимые возможности военно-политического изучения Ирана, в особенности его северных провинций»*¹, так как *«в течение своего кратковременного пребывания в гор[одах] Резайе и Мехабаде удалось достать до 20 экземпляров современных курдских книг и журналов, часть которых была специально для нас срочно доставлена из Ирака»*².

Из анкеты О. Вильчевского известно, что он провел в Иране (Тегеран, Казвин, Тавриз) с 1942 по 1946 г. *«в общей сложности 1 год и 6 месяцев»*, совершив 13 кратковременных поездок в распоряжение советских войск в Иране³. Принимал участие в боях в 1941–1943 гг.⁴ на Ленинградском и Кавказском фронтах.

За годы службы О. Вильчевским был подготовлен ряд аналитических работ по широкому кругу вопросов, в том числе о тегеранской прессе, иранском меджлисе, об опыте спецпропаганды в наступательных операциях и функционировании политорганов среди населения в период пребывания советских войск в Иране, а также о населении, государственном устройстве и административном делении Ирана и пр. Среди них — изданная в 1944 г. тиражом 50 экземпляров брошюра *«Курды Северо-Западного Ирана»*⁵, в которую вошли сведения из рапорта 1942 г. Издание представляет собой предварительную сводку имеющих военно-политическое значение сведений о курдах Северо-Западного Ирана, в том числе о мукринских курдах. Сведения были проверены и частично дополнены О. Вильчевским во время поездок в эти районы⁶. В дальнейшем, имея на руках последний сохранившийся экземпляр брошюры, которая ввиду дефицита литературы по данному вопросу представляла интерес по ряду опубликованных в ней сведений, О. Вильчевский в своем письме к Потехину И. И.⁷ писал, что *«посоветовал тов. Т. Аристовой в своей рецензии на ее статью по курдам Ирана»*⁸ *шире использовать в отдельных случаях материалы данной брошюры, хотя на словах одновременно... посоветовал А. И. Першицу*

¹ Цит. по: Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 25.

² Там же. Л. 26.

³ Цит. по: Вильчевский О. Л. Личное дело, 1954 // НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 16. Л. 7 об.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Вильчевский О. Л. Курды Северо-Западного Ирана. VII отдел Политического управления Закавказского фронта. Для служебного пользования. Экз. № 39. Тбилиси, 1944. 85 с.

⁶ Вильчевский О. Л. Письмо Потехину И. И., д-ру. ист. наук, зам. директора Института этнографии, 1956 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

⁷ Иван Изосимович Потехин (1903–1964) — советский учёный-африканист, доктор исторических наук, с 1949 г. заместитель директора Института этнографии, с 1959 г. — первый директор Института Африки РАН.

⁸ Статья также предназначалась для Переднеазиатского этнографического сборника. См. далее.

убрать из статьи ссылки на этот источник, как не имеющий печатного издания». Сам О. Вильчевский не считал возможным на нее ссылаться в связи с характером издания на правах рукописи с грифом «для служебного пользования»¹.

После демобилизации в 1954 г. О. Вильчевский приступил к работе в Институте этнографии Академии наук СССР. Еще через год он закончил машинопись под названием «Мукринский Курдистан»², составленную по материалам своих наблюдений и аналитических работ для Политуправления, а также на основании записей и дневников из поездок в этот район.

В 1958 г. в Переднеазиатском этнографическом сборнике был опубликован очерк «Мукринские курды»³, имеющий в своей основе машинописную версию, но в значительно переработанном виде. В предисловии к обеим работам О. Вильчевский писал: «Настоящий этнографический очерк Мукринского Курдистана составлен на основании личных наблюдений автора во время его кратковременных поездок в этот район в 1942–1946 гг., дополненных сведениями, полученными в эти же годы от мукринских курдов, в частности от покойных деятелей курдского демократического движения Казии Магомедова⁴ и его брата Садр Казии»⁵.

Несмотря на то, что работа была основана на обширных полевых исследованиях и беседах с курдской интеллигенцией, духовенством и племенной верхушкой, машинописный ее вариант практически не привлекал внимания исследователей. Об этом свидетельствуют служебные архивные листы. Наиболее плотно с материалами фонда О. Вильчевского работала курдовед О. И. Жигалина в январе 1981 г.⁶, что нашло отражение в некоторых ее работах, например в монографии «Национальное движение курдов в Иране» (1918–1947 гг.)⁷ и статье, посвященной 80-летию со дня рождения О. Вильчевского (1902–1964)⁸.

¹ Цит. по: Вильчевский О. Л. Письмо Потехину И. И. Л. 1–2.

² Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк, 1955 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–223.

³ Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк) // Переднеазиатский этнографический сборник: Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / [отв. ред. О. Л. Вильчевский и А. И. Першиц]. Т. 39. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 180–222.

⁴ Казии Мухаммад (курдск. *Qazî Mihemed*) (год рождения по разным источникам варьируется от 1893 до 1900–1947) — курдский политический деятель, президент Курдской Народной Республики, известной также как Курдская автономная республика (КАР), или Мехабадская Республика, которая просуществовала с 22.01.1946 по 16.12.1946.

⁵ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 183.

⁶ Вильчевский О. Л. О курдском национальном движении: статья. 1950–1954 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6 (Лист использования документа).

⁷ Для монографии послужили 9 единиц хранения из Фонда О. Вильчевского в НА МАЭ РАН. см.: Жигалина О. И. Национальное движение курдов в Иране (1918–1947 гг.). М.: Наука, 1988. С. 162–163.

⁸ Жигалина О. И. Олег Львович Вильчевский и курдоведение // Иран: история и современность: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения [отв. ред. Н. А. Кузнецова]. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1983. С. 42–46.

О. Жигалина признавала уникальность работы О. Вильчевского и, говоря о машинописи «Мукринский Курдистан» и пребывании О. Вильчевского в Мехабаде, отмечала, что он «собирал материалы... о положении в сельском хозяйстве Мукринского Курдистана»¹, и «его пребывание в Иранском Курдистане во время и после Второй мировой войны в составе частей Советской Армии дало ему возможность изучить современное состояние курдской проблемы»².

Сравнительный анализ объемов машинописи и очерка выявил, что часть уникального материала в очерк не вошла. Если машинописный текст насчитывает 223 листа, то опубликованный очерк — 47 страниц. Говоря о своей работе над последним, О. Вильчевский указывал, что в ряде случаев должен был отказаться от более глубокого анализа материалов³ и ограничиться констатацией подчас противоречивых фактов. Проведенное сопоставление машинописи и опубликованного текста показывает, что сделанные купюры и изменения часто были предприняты вовсе не из необходимости преодоления противоречий или совершенствования его стиля и структуры.

Так, в окончательную редакцию очерка не вошли большие фрагменты текста, которые касались ряда закрытых в то время тем, — своего рода тематические блоки.

Во-первых, это роль религии вообще в Мукринском Курдистане, а также отношения между суннитами и шиитами. О. Вильчевский подчеркивает уникальность Мехабада, который был основан на месте пострадавшего от наводнения Соуджбулака (курдск. *Sablax*), не только как типично курдского города⁴, но и как типично суннитского: «За исключением Мехабада города не возникали вновь, а по мере оседания курдов из существовавших ранее городов постепенно вытеснялись некурдские элементы и города превращались в курдские, сохраняя ряд черт своей прошлой жизни и развалины, относящиеся к докурдскому периоду их истории. Новое, что вносили курды в заселяемые ими города, был обязательный суннизм, соборная мечеть и весь тот комплекс черт, который отмечался выше для Мехабада, как типичного курдского города»⁵. В городе на тот период насчитывалось функционирующих 10 мечетей (только суннитские)⁶ и подчеркивалось, что «за последние 50 лет ни одной новой не построено»⁷. Речь о 1890–1940-х гг., но так как Мехабад был воздвигнут в 1935 г., сложно сказать, чем был вызван столь длительный

¹ Цит. по: Жигалина О. И. Олег Людвигович Вильчевский и курдоведение. С. 53.

² Там же. С. 54.

³ Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 183.

⁴ Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 73–74

⁵ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 93.

⁶ Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 202.

⁷ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 76.

перерыв в строительстве культовых зданий. Возможно, причиной тому природные катаклизмы, которые нередко случались в городе и приводили к значительным повреждениям¹.

Характерной чертой жизни города была простота и демократичность, независимо от социальной и возрастной принадлежности его жителей, что особенно резко контрастировало с атмосферой подобию страстия, самоунижения и лести, присущей остальным иранским городам. Отличительными чертами общественной жизни Мехабда можно назвать пуризм и строгость нравов². О. Вильчевскому «лично мехабдацы в 1942 г. с изумлением и возмущением рассказывали, что три английских офицера, приехавшие в город, выпили весь запас алкогольных напитков Мехабда»³. Также «в противоположность современному иранскому городу с его обязательным кварталом публичных домов, в Мехабде нет ни одного дома терпимости и отсутствует проституция»⁴.

О. Вильчевский приводит поразительное наблюдение: «...курды-сунниты считают исповедующих шиизм азербайджанцев и персов еретиками (рафиз) и настолько нечистыми, что, приезжая в шиитский город, предпочитают останавливаться в христианских кварталах. Это брезгливое отношение к шиитам сохраняется в настоящее время в связи с ростом в городах современного Ирана числа винных лавок, кабаков и публичных домов. Вернувшись домой из поездки в чужой город, курд считает себя настолько опозаненным, что обязательно моется»⁵.

В своей машинописной версии О. Вильчевский анализирует «принадлежность курдов к суннитам, которая вызвана не религиозными соображениями, а политическими». Причиной тому стало нежелание признать над собой власть тюркских династий Сефевидов и Каджаров, при которых «был навязан шиизм в его наиболее изуверских формах». Примечательно, что о таком формальном причислении себя к суннитам по политическим мотивам свидетельствует тот факт, что «большинство почитаемых шейхов в Мукринском Курдистане являются шиитами»⁶.

Во-вторых, очевидно нежелание заострять внимание на знакомстве О. Вильчевского с курдскими лидерами. На подобные контакты в очерке есть только пара косвенных указаний. Между тем в машинописной версии О. Вильчевский рассказывает об обстоятельствах этих встреч весьма детально:

¹ «Из-за ливневых дождей наводнение обрушилось на г. Мехабда, в Курдистане. Пятьсот домов и базары были разрушены. Количество человеческих жертв очень велико». Цит. по: Drobne wiadomości // Dziennik Bydgoski, numer 163, 8 sierpnia 1936. [Электронный ресурс]. URL: <http://kpbc.umk.pl/Content/190423/publikacja36183.pdf> (дата обращения: 07.11.2020).

² Вильчевский О.Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 79.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 146.

«Находясь в 1942 г. в Мехабате в гостях у Кази-Магомеда, я был поражен теми предосторожностями, которые были приняты к нашей охране ночью. Мы спали в кабинете Кази-Магомеда. В соседней небольшой комнате, посредством которой кабинет сообщается с приемным залом, находилось несколько вооруженных курдов. Сам хозяин, прежде чем лечь спать, лично проинструктировал их и, выйдя на улицу, проверил все наружные караулы вокруг дворца. На мой вопрос, каждый ли день он поступает подобным образом, Кази-Магомед ответил отрицательно и серьезно добавил: “Но сегодня вы у меня в гостях, следовательно, я отвечаю за вашу безопасность”. Я спросил хозяина: «Разве в городе небезопасно?» — и получил ответ: “Когда у человека гости, ему всегда угрожает опасность”»¹.

В очерке описание этого визита полностью² отсутствует, хотя он, безусловно, иллюстрирует осторожное начало контактов и рискованный характер самого предприятия. Мехабат находился вне советской и британских зон в Иране, на обширной нейтральной полосе. О. Вильчевскому как советскому офицеру приходилось не только заботиться о безопасности в крайне нестабильном районе, но и избегать ненужной огласки своих встреч.

Этот достаточно важный эпизод советско-курдских контактов О. Вильчевский рассмотрел в машинописи в контексте такого распространенного у курдов социального явления, как кровная месть. В связи с этим предосторожности, предпринимаемые набирающим политический вес курдским лидером Кази Мухаммадом³, были вполне оправданны.

Еще одним изъятым блоком стала информация о беседах Вильчевского с курдскими активистами, носивших разносторонний характер и подчас содержавших ценные сведения об истории российско- и советско-курдских отношений. В машинописи О. Вильчевский пишет, что Мехабадский базар был настолько крупным иранским центром по торговле пушниной, что до 1917 г. она шла на экспорт в Россию⁴. Развитие экономических отношений повлияло и на появление «идей русского демократического движения», «пути проникновения которых в курдскую среду, и в частности в Мукринский Курдистан, еще не изучены»⁵. Из общения автора и Кази Мухаммада следует, что «не последнее место занимали здесь поездки курдских купцов из Соуджбулака и “их секретарей” из числа курдской интеллигенции в Россию, в Нижний Новгород на Макарьевскую ярмарку. ...во время этих поездок прогрессивно настроенные курдские

¹ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 192.

² Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 209.

³ Кази Мухаммад (курдск. *Qazî Mihemed*) (год рождения по разным источникам варьируется от 1893 до 1900–1947) — курдский политический деятель, президент Мехабадской республики.

⁴ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 45–46.

интеллигенты встречались с русскими демократами. ...Кази-Фаттах¹, который организовал сопротивление турецкой оккупации, был активным участником иранской революции и в 1907 г. организует в Соуджбулаке первый в Курдистане революционный энжумен, который энергично и последовательно защищает демократические завоевания иранской революции»².

Целый раздел в машинописи был посвящен национально-демократическому движению в Мукринском Курдистане³. В этот раздел помимо упоминания об освобождении Советской Армией народов Ирана «от фашистской опасности и ...от кровавой диктатуры Реза-шаха»⁴, краткой характеристики курдского движения в 1940-х гг. в Иране, Ираке и Турции, восстания Мустафы Барзани, образования Автономной демократической области курдов Ирана (т. е. Мехабадской республики) и становления партии «Жекаф»⁵, вошел образец листовок партии от 1944 г., распространяемых в поддержку предоставления Советскому Союзу нефтяных концессий⁶. В опубликованный очерк вошло только упоминание о существовании автономной демократической области Иранского Курдистана в контексте наличия там центра литературы на южном диалекте курманджи, а также того, что в 1942–1946 гг. там издавалась важная печатная продукция, в том числе журнал «Ништеман» («Родина») и орган Демократической партии курдов Ирана⁷ газета «Курдистан»⁸.

Машинопись «Мукринский Курдистан» в числе прочих работ была передана в Научный архив МАЭ РАН в 1964 г., после смерти ученого. Впоследствии были составлены три описи, которые вошли

¹ Кази Фаттах — соуджбулакский наследственный казий. см. Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 45; «Как и большинство других иерархий мусульманского духовенства духовные судьи — казии — у курдов принадлежат к наследственным родам, главным из которых считается род казиев Соуджбулака». Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 145.

² Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 45–46.

³ Там же. Л. 209–212.

⁴ Там же. Л. 209.

⁵ О. Вильчевский ошибочно указал название партии как «Жизнь Курдистана» (курдск. «Жиина Курдистан», сокращенно ЖК или курдск. Жекаф). См.: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Название этой курдской националистической организации «Комитет Возрождения Курдистана» (курдск. کۆمەڵەی ژيانەوهی کوردستان) звучит как «Комалай Жийанавай Курдистан», сокращенно «Комала»). Эта ошибка перекочевала в некоторые курдоведческие работы, пересекаясь с другой погрешностью: «Комала» на фарси пишется, как «کومله» и может читаться как «Кумле». акТбыла обозначена в дипломатической переписке полпредства СССР в Иране и в донесениях ТАСС. мС.: Курды. 21 января 1947. Досье Служебного Вестника Иностранной информации. ТАСС // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 27. Д. 6697. Л. 1.

⁶ См.: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 210.

⁷ «ЖК, представлявшая собой полуконсервативный блок ряда курдских демократических организаций, осенью 1945 г. самораспускается и подавляющее большинство ее членов входит во вновь образованную убежденным демократом и племенным патриотом Кази Магомедом «Демократическую партию курдов Ирана»». Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 214.

⁸ Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 222.

в Фонд О. Л. Вильчевского (Ф. 17). Так как научно-техническая обработка фонда не соответствовала действовавшим правилам, единицы хранения фонда О. Л. Вильчевского в 1987 г. были переработаны, проведена систематизация рукописей, уточнены названия некоторых работ, выделены опубликованные и дублетные материалы. Проведена экспертиза ценности документов, составлен акт на уничтожение дел и документов, утративших историческую ценность⁹. После переработки материалов нумерация поменялась, количество единиц хранения составило 169.

Если по поводу уничтожения документов, «утративших историческую ценность», судить трудно — насколько оно могло быть продиктовано политическими соображениями, то относительно редактирования машинописи «Мукринский Курдистан» некоторые выводы сделать можно. Отсутствие вышеупомянутых фрагментов текста, как и наличие множества других купюр в финальной версии очерка не может быть объяснено лишь соображениями сокращения его объема для публикации в сборнике. Сделанные купюры содержат ценную информацию, а на их месте в ряде случаев в очерке присутствуют общие и малоинформативные фразы.

После написания очерка «Мукринский Курдистан» О. Вильчевский собирался расширить объем своей работы по данной теме с 15 печатных листов до 25 и продлить срок ее исполнения до 1958 г. вместо 1957 г. в рамках глобального проекта «Курды Передней Азии»¹⁰. Дальнейшая судьба проекта неизвестна, тем не менее первая (т. е. машинописная) версия очерка представляет собой довольно заверченный научный труд, написанный, по словам А. В. Черкаева¹¹, в характерной для О. Вильчевского стилистике, живой и несколько ироничной. Можно с уверенностью утверждать, что при всей дискуссионности ряда фактов и суждений, приведенных в ней, это исследование заслуживало публикации в полном объеме. Примечателен и тот факт, что очерк был опубликован не отдельным изданием, а в составе сборника, а сам текст публикации подвергнут серьезным исправлениям, описанным выше. Есть основания полагать, что оба этих обстоятельства обусловлены научной и политической остротой вопросов, затронутых О. Вильчевским.

С одной стороны, внимание к религии не вписывалось в новую волну антирелигиозной политики, инициированной Хрущевым. С другой — работы по Ирану активно переводились и распространялись Обществом советско-иранской дружбы, поэтому описание межконфессиональной

⁹ Жуковская И. В., Решетов А. М. Фонды востоковедов в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН // Страны и народы Востока. М., 2010. Вып. 33. С. 215.

¹⁰ Вильчевский О. Л. Докладная записка Толстову С. П., д-ру ист. наук, директору ИЭ // МАЭ РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

¹¹ Андрей Всеволодович Черкаев (род. 1950) — внук О. Л. Вильчевского.

напряженности, как и само упоминание о курдских сепаратистских настроениях, не могло быть воспринято иранской стороной в позитивном ключе; кроме того, с момента вывода советского воинского контингента с территории Ирана прошло чуть более 10 лет. В 1956 г., через год после того, как О. Вильчевский закончил машинописный вариант своего очерка, шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви в очередной раз посетил СССР¹, при этом, по замечанию Дж. Паркера, обе стороны стремились к сотрудничеству², помешать которому также могла острая тематика работы ученого.

1950–1960-е гг. занимают особое место в отечественной истории. После смерти И. В. Сталина реформы коснулись не только органов партийно-государственной власти, но и организации науки. Руководство страны отводило науке значительную роль на новом этапе социалистического строительства³. Что касается социально-экономической и в меньшей степени политической истории курдов, то за острыми темами современности и новыми этнографическими изысканиями интерес к ней на некоторое время ослаб и возродился вновь лишь в связи с событиями революции 1958 г. в Ираке, когда свержение монархического режима и провозглашение Иракской Республики послужили новым толчком к развитию курдоведения⁴.

Существовавшая в то время в СССР система публикации научных работ вполне позволяла государству влиять на то, будет ли работа опубликована в принципе и в каком виде она увидит свет. В период холодной войны требования к научным публикациям ужесточились. Например, в 1963 г. статья О. Вильчевского «Некоторые вопросы национального становления курдского народа» для сборника «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии», подготовленного сектором Передней Азии ИВ АН СССР, вызвала в Издательстве восточной литературы сомнения в целесообразности публикации, «...ибо она может встретить возражения МИД, и по рекомендации последнего Издательство направило ее на рецензию»⁵.

Несмотря на понимание О. Вильчевским проблемы и готовность переработать текст в нужном ключе, максимально сохранив при этом

¹ Укреплять добрососедские советско-иранские отношения // Правда. 25 июня 1956. № 177(13840). С. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://virezkipress.ru/board/iran/vizit_shakhin-shakha_irana_mokhammeda_reza_pekhlevi_v_sssr_25_ijunya_13_ijulja_1956/ukrepljat_dobrososedskie_sovetsko_iranskie_otnoshenija/5-1-0-397 (дата обращения: 07.11.2020).

² Parker J. W. Persian Dreams: Moscow and Tehran Since the Fall of the Shah. Potomac Books Inc., 2008. P. 8.

³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–ЦК КПСС. 1922–1991 / 1952–1958 / М.: РОССПЭН, 2010. С. 8.

⁴ Халфин Н. А. Курдская историография в СССР и некоторые ее проблемы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 157.

⁵ Вильчевский О. Л. Письмо Бруку С. И., д-ру геогр. наук, зам. директора ИЭ, 20.05.1963 // МАЭ РАН. Ф.17. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

фактический материал, система научных учреждений, в рамках которой он работал, допустила выход очерка лишь после серьезного в него вмешательства. Известно, что правку в текст вносил как сам О. Вильчевский, так и другие после согласования с ним, превратив, таким образом, очерк в максимально нейтральный и обтекаемый в политическом отношении материал. По сравнению с машинописью статья в Переднеазиатском сборнике получилась обезличенной, чего система и добивалась от советских авторов, антропологов в частности. Поэтому, оставив в качестве затравки информацию о личном участии в ряде эпизодов, автор удалил отрывки с подробностями об этих событиях. Такие изъятия снизили качество и ценность работы.

По словам А. В. Черкаева, жизненным кредо О. Л. Вильчевского было стремление к профессионализму в любой среде, где он оказывался. Поэтому ученый практически никогда не говорил о политике, о коммунизме, о Сталине. Несмотря на то, что О. Л. Вильчевский состоял в КПСС, «подобные темы его не волновали». А. В. Черкаев приводит в пример инцидент, связанный с рецензией на статью О. Вильчевского, которая подверглась критике за якобы недостаточное количество ссылок на работы В. И. Ленина. Вильчевский отреагировал на слова оппонента встречным предложением в ироничной манере: *«Я прошу Вас дать разъяснение, сколько ссылок на работы Ленина вообще требуется»*. В целом О. Вильчевский стремился отойти от политики и заниматься например XIII веком¹, говоря, что *«новейшая история, точнее ее интерпретация, является частью политики. Древняя же история более объективна; она может быть искажена исследователями, но не политиками»*².

Очевидно, что, работая в Иране как офицер советской армии и затем оформляя результаты этой своей работы в виде очерка, О. Вильчевский стремился сохранить некие стандарты научной объективности, и в то же время политическая целесообразность, как ее понимал Вильчевский, влияла на его позиции как советского ученого. Он делала ставку на профессионализм, более тонко реагируя на политическую конъюнктуру, и своевременно учитывал политический контекст, что можно проследить по характеру вносимых изменений. Действительно, влияние внешней политики СССР имеет смысл рассматривать как главный фактор эволюции текстов Вильчевского. В условиях подготовки и начала реализации политического проекта, направленного на создание на Севере Ирана курдской и азербайджанской автономий, он собрал актуальные аналитические данные в рапорте 1942 г. и практические рекомендации — в служебной брошюре 1944 г. В условиях краха курдской автономии и последующей

¹ Это подтверждается другим его профессиональным интересом к творчеству поэта Афза-ладдина Хакани. См.: *Вильчевский О. Л.* Хакани: Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта // Советское востоковедение. 1957. № 4. С. 63–76.

² Полевой материал автора. Интервью с А. В. Черкаевым, ноябрь 2019.

неопределенности в советской политике по отношению к Ирану Вильчевский (уже покинув военную службу) решил использовать собранные сведения, чтобы сделать этнографический обзор очевидца событий в машинописи 1955 г. Но пока дело дошло до публикации, Москва взяла курс на сближение с Тегераном и отказалась от поддержки курдского сепаратизма. Результатом стало издание лишь сжатого и предельно обезличенного этнографического очерка 1958 г., который советские учреждения только и посчитали возможным выпустить в свет.

Рассмотренный случай интересен как повод для продолжения дискуссии, начатой Э. Саидом, в частности в направлении отдельного рассмотрения роли ученого, который в своей работе — даже будучи мобилизованным или нанятым на государственную службу — сохраняет некоторую субъектность. На первый взгляд, это ослабляет аргументы Э. Саида, но на самом деле лишь уточняет их, по крайней мере, применительно к советской действительности.

Литература и источники

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–ЦК КПСС. 1922–1991 / 1952–1958 / М., РОССПЭН, 2010. 1279 с.

Вильчевский О. Л. Курды Северо-Западного Ирана. VII отдел Политического управления Закавказского фронта. Для служебного пользования. Экз. № 39. Тбилиси, 1944. 85 с.

Вильчевский О. Л. Аспирант. Личное дело, 1929–1932 // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) Ф. 222. Оп. 2. Д. 79. Л. 1–57.

Вильчевский О. Л. Личное дело, 1932–1941 // СПбФ АРАН Ф. 77. Оп. 5. Д. 318. Л. 1–50.

Вильчевский О. Л. Личное дело, 1954 // Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (НА МАЭ РАН) Ф. К-1. Оп. 7. Д. 76. Л. 5–37.

Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк) // Переднеазиатский этнографический сборник: Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / отв. ред. О. Л. Вильчевский и А. И. Першиц. Т. 39. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 180–227.

Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк, 1955 // НА МАЭ РАН. Фонд О. Л. Вильчевского (Ф. 17). Оп. 1. Д. 7. Л. 1–223.

Вильчевский О. Л. О курдском национальном движении: статья. 1950–1954 // НА МАЭ РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 6 (Лист использования документа).

Вильчевский О. Л. Письмо Потехину И. И., д-ра ист. наук, зам. директора Института этнографии, 1956 // НА МАЭ РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–2.

Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 95 Л. 1–28.

Вильчевский О. Л. Стенограмма защиты диссертации «Езидские тексты», 1938 // СПбФ АРАН Ф. 77. Оп. 2. Д. 5 Л. 1–83.

Вильчевский О. Л. Хакани: Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта // Советское востоковедение. М.: 1957. № 4. С. 63–76.

Жигалина О. И. Национальное движение курдов в Иране (1918–1947 гг.). М.: Наука, 1988. 168 с.

Жигалина О. И. Олег Людвигович Вильчевский и курдоведение // Иран: история и современность: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения [отв. ред. Н. А. Кузнецова]. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1983. С. 42–64.

Жуковская И. В., Решетов А. М. Фонды востоковедов в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН // Страны и народы Востока. М., 2010. Вып. 33. С. 208–250.

Полевой материал автора. Интервью с А. В. Черкаевым, ноябрь 2019.

Курды. 21 января 1947. Досье Служебного Вестника иностранной информации. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р4459. Оп. 27. Д. 6697. Л. 1–59.

Представление на награждение от 02.10.1944 // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 47. Оп. 995. Д. 319. Л. 1–8.

Приказ № 26 от 26.01.1942 // ЦАМО Ф. 8312. Оп. 301962. Д. 38. Л. 241.

Список защитников Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, работающих в Отделе кадров Политического управления Закавказского военного округа // Центральный Архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 47. Оп. 995. Д. 312. Л. 15.

Укреплять добрососедские советско-иранские отношения // Правда, 25 июня 1956. Вып. 13840. № 177. С. 1.

Халфин Н. А. Курдская историография в СССР и некоторые ее проблемы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 154–161.

Irwin R. For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies. London: Allen Lane, 2006. 416 p.

Parker J. W. Persian Dreams: Moscow and Tehran Since the Fall of the Shah. Potomac Books Inc., 2008. 438 p.

Said E. W. Orientalism. New York. Pantheon Books Publication, 1978. Xiii+368 p.

References

Akademia nauk v resheniah Politburo TsK RKP(b)–VKP(b)–TsK KPSS 1922–1991 / 1952–1958 [Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(B)-VKP(B)-CPSU] (2010). Moscow: ROSSPEN. 1279 p.

Halfin N. A. (1966). *Kurdsкая istoriografiya v SSSR i nekotorye ee problemy* [Kurdish Historiography in the USSR and Some of Its Problems]. *Voprosy istorii*. 1966. No. 8. Pp. 154–161.

Irwin R. (2006). *For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies*. London: Allen Lane. 416 p.

“Kurdy”, 21.01.1947 [Kurds. 21.01.1947]. *Dosye sluzhebnogo Vestnika Inostrannoy informatsii*. Telegraph Agency of the Soviet Union (TASS). State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P4459. Op. 27. No. 6697. Pp. 1–59.

Parker J. W. (2008). *Persian Dreams: Moscow and Tehran Since the Fall of the Shah*. Potomac Books Inc. 438 p.

Said E. W. (1978). *Orientalism*. New York. Pantheon Books Publication. 368 p.

Ukrepyat' dobrososedskie sovetsko-iranskie otnosheniya [To Strengthen Good-Neighborly Soviet-Iranian Relations]. *Pravda*, 25.06.1956. No. 177 (13840).

Vilchevsky O. L. (1929–1932). *Aspirant. Lichnoe delo* [Personal file of a post-graduate student]. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN) F. 222. Op. 2. No. 79. Pp. 1–57.

Vilchevsky O. L. (1932–1941). *Lichnoe delo* [Personal file]. SPbF ARAN F. 77. Op. 5. No. 318. Pp. 1–50.

Vilchevsky O. L. (1938). *Stenogramma zaschity dissertatsii «Yezidskiye teksty»* [Minutes of Defence of the Thesis ‘Yazidi Texts’]. SPbF ARAN F. 77. Op. 2. No. 5. Pp. 1–83.

Vilchevsky O. L. (1942). *Raport o poezdke v Iran* [Report on a trip to Iran]. NA MAE RAN (Scientific Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences). Fond O. L. Vilchevskogo (F. 17). Op. 1. No. 95. Pp. 1–28.

Vilchevsky O. L. (1944). *Kurdy Severo-Zapadnogo Irana* [The Kurds of Northwestern Iran]. VII otdel Politicheskogo upravleniya Zakavkazskogo fronta. Dlya sluzhebnogo polzovaniya. Ekz. No. 39. Tbilisi. 85 p.

Vilchevsky O. L. (1950–1954). *O kurdskom natsionalnom dvizhenii* [On Kurdish National Movement]. NA MAE RAN F. 17. Op. 1. No. 6. List of the document use records.

Vilchevsky O. L. (1954). *Lichnoe delo* [Personal file]. NA MAE RAN F. K-1. Op. 7. No. 76. Pp. 5–37.

Vilchevsky O. L. (1955). *Mukrinskiy Kurdistan. Etnograficheskiy ocherk* [Mukri Kurdistan: An ethnographic essay]. NA MAE RAN F. 17. Op. 1. No. 7. Pp. 1–223.

Vilchevsky O. L. (1956). *Pismo Potekhinu I. I., d. i. n. zam. direktora Instituta Etnografii* [The Letter to Potekhin I. I., doctor of historical sciences, deputy director of the Ethnography institute]. NA MAE RAN F. 17. Op. 1. No. 109. Pp. 1–2.

Vilchevsky O. L. (1957). “Hakani: nekotorye cherty tvorchestva i mirovozzrenia poeta” [Khaqani: Some Features of the Poet’s Creativity and World-view]. *Sovetskoe vostokovedenie*. 1957. No. 4. Pp. 63–76.

Vilchevsky O. L. (1958). “Mukrinskie kurdy (Etnograficheskiy ocherk)” [The Mukri Kurds (An Ethnographic Essay)]. *Peredneaziatskiy etnograficheskij sbornik*. Trudy Instituta etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR. Vol. 39. Pp. 180–222.

Zhigalina O. I. (1983). “Oleg Lyudvigovich Vilchevskiy i kurdovedenie” [Oleg Lyudvigovich Vilchevsky and Kurdish Studies]. *Iran: istoriya i sovremennost’*. Moscow. Pp. 42–64.

Zhigalina O. I. (1988). *Natsionalnoe dvizhenie kurdov v Irane (1918–1947 gg.)* [Kurdish National movement in Iran (1918–1947)]. Moscow. 168 p.

Zhukovskaya I. V., Reshetov A. M. (2010). “Fondy vostokovedov v arhive Muzeja antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo RAN” [Fonds of Orientalists in Archival Collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. *Strany i narody Vostoka*. Vol. XXXIII. Moscow. Pp. 208–251.

Predstavlenie na nagrazhdenie, 02.10.1944 [Awards Submission of 02.10.1944]. Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO) F. 47. Op. 995. No. 319. Pp. 1–8.

Prikaz № 26, 26.01.1942 [Order No. 26 of 26.01.1942]. TsAMO F. 8312. Op. 301962. No. 38. P. 241.

Spisok zaschitnikov Leningrada, Odessy, Sevastopolya i Stalingrada, rabotayuschikh v Otdele Kadrov Politicheskogo upravleniya Zakavkazskogo Voennogo Okruga [List of defenders of Leningrad, Odessa, Sevastopol and Stalingrad working in the Personnel department of the Political department of the Transcaucasian military district]. TsAMO. F. 47. Op. 995. No. 312. P. 15.

“THE MUKRI KURDS” BY O.L. VILCHEVSKY: WHAT AND WHY HAS BEEN DELETED BEFORE PUBLICATION?

Abstract. The article deals with the problem of political influence on scholarship. It analyses the existing versions of an ethnographic essay by Oleg Vilchevsky, a prominent Soviet Orientalist. Alongside a published version — the ethnographic essay “The Mukri Kurds” — an author’s typescript, “Mukri Kurdistan,” has been found in the Scientific Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. The first materials for this essay were collected by Vilchevsky during his journey to Iran in 1942 as he prepared a military-political description of the Kurdish regions. Before publication, the state-controlled structures removed or made the author remove from the essay a number of important thematic blocks, e. g., on interconfessional relations in Mukri Kurdistan of Iran (focusing on Mahabad), descriptions of various meetings Vilchevsky held with Kurdish activists. The paper analyses the content of this scholarly study and the problems related to the publication of the essay in the context of Vilchevsky’s participation as a Soviet military officer in the implementation of the Soviet Middle Eastern policies in 1942–1954. The author of the essay “The Mukri Kurds” apparently strived to maintain scholarly neutrality yet the facts and argumentation contained in the different variants of this study were consistently reviewed and added or omitted depending on the existing political situation. The paper raises the question about the subjectivity or autonomy of a scholar serving a government — something effectively dismissed and neglected in the work of Edward Said on the relationship between politics and scholarship in the field of Middle Eastern studies.

Keywords: USSR, Iran, Mahabad Republic, Mukri Kurdistan, Qazi Muhammad, Middle East, Kurds, Kurdish national movement, Kurdish Studies.

Angelika O. POBEDONOSTSEVA-KAYA,

Cand. Sci. (Hist.), assistant, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).
E-mail: apobedonostseva@gmail.com

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-117-130

Н. А. Нефляшева

Центр цивилизационных и региональных исследований,
Институт Африки РАН, г. Москва

«РЕИНТЕГРАЦИЯ ВМЕСТО УНИЧТОЖЕНИЯ». ПРОГРАММА ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМИСТОВ В СОМАЛИ. РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР СЕРЕНДИ

НЕФЛЯШЕВА Наима Аминовна —

канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотр.

Центр цивилизационных и региональных исследований,

Институт Африки РАН

(123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1).

E-mail: innef@mail.ru

Аннотация. В статье на основании открытых источников рассматривается Программа дерадикализации исламистов, работающая в Сомали с 2013 г. Программа наряду с другими локальными проектами представляет собой пример «мягких мер», принимаемых при взаимодействии с исламистами. В статье отмечается, что программа включает пять основных этапов, или фаз: пропаганда, прием, скрининг, реабилитацию и реинтеграцию. Наибольшие проблемы вызывает этап скрининга, когда бывшие боевики должны быть классифицированы по степени опасности для общества на две группы — «лица с высоким риском» и «лица с низким риском». Лица с низким уровнем риска добровольно отправляются в один из 9 реабилитационных центров. Автор указывает, что центр Серенди в Могадишо предоставляет для резидентов программы возможности получения школьного образования, профессиональной подготовки, оказывает психологическую помощь. В ходе реализации программы по религиозной дерадикализации в Серенди проводятся сессии с имамами.

Резиденты центра имеют возможность поддерживать связь со своей семьей на основе регулярных посещений и отпусков по выходным. Важным этапом Программы является фаза реинтеграции. Позиция лидеров принимающих сообществ оказывает определяющее влияние на успех программы. Автор отмечает, что ключевой проблемой при реализации программы дерадикализации является проблема безопасности для всех в нее вовлеченных: участников программы, членов их семей и сотрудников реабилитационного центра.

Ключевые слова: ислам, исламизм, Сомали, дерадикализация, реинтеграция.

Для цитирования: Нефляшева Н. А. «Реинтеграция вместо уничтожения». Программа дерадикализации исламистов в Сомали. Реабилитационный центр Серенди // Ислам в современном мире, 2020; 4: 117–130;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-117-130

Статья поступила в редакцию: 01.10.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020.

Проблематика дерадикализации исламистов, отказавшихся от экстремистской деятельности, сохраняет свою актуальность как в странах, давно столкнувшихся с военизированными исламистскими группами, движениями и «одинокими волками» и уже имеющих наработанные длительные государственные программы дерадикализации, так и в нашей стране, где, несмотря на долговременный и продуктивный опыт борьбы с исламистским подпольем, методологические подходы и конкретные практики дерадикализации только начинают формироваться.

Учитывая растущий интерес к проблеме со стороны как академического сообщества, так и практиков (сотрудников силовых структур, социальных работников, психологов), особенно в таких регионах, как Северный Кавказ и Поволжье, критически осмысленный опыт дерадикализации бывших (сдавшихся властям в ходе проведения боевых спецопераций или добровольно вышедших из членства в организации) участников салафитской военизированной группировки «Аш-Шабаб», действующей преимущественно на территории Сомали (запрещена в РФ), приобретает особую значимость. Не так давно Россия и Сомали подтвердили обоюдную нацеленность «Москвы и Могадишо на углубление политического диалога и координацию внешнеполитических подходов на международной арене, в том числе в вопросах противодействия терроризму»¹.

¹ Россия и Сомали подтвердили настрой на координацию в борьбе с терроризмом // РИА Новости. 2019. 12 ноября. [Electronic resource] // URL: <https://ria.ru/20191112/1560849169.html> (дата обращения: 10.10.2020).

Под дерадикализацией в данной статье понимаются принципиальные изменения в идеологии движения или отдельного человека, бывшего участника исламистской группы, заключающиеся в отказе от насильственных и других экстремистских методов достижения политических целей, а в перспективе — и от идеологии исламизма, а также движение к принятию политических, социальных, экономических перемен на основе политического консенсуса.

«Аш-Шабаб»: общая характеристика и современные угрозы

Сомали с точки зрения опасности террористических угроз остается одной из проблемных стран мира. По данным на ноябрь 2020 г. в глобальном индексе терроризма Сомали занимает 5-е место¹. Правительство Сомали с лета 2006 г. оказывает сопротивление джихадистской группировке «Аш-Шабаб», или «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахидин», в переводе с арабского — «Молодежное движение моджахедов». «Аш-Шабаб» с 2012 г. ассоциирована с «Ал-Каидой» (запрещена в РФ), в 2015 г. один из высокопоставленных членов организации присягнул на верность ИГИЛ (запрещена в РФ)², в настоящее время у «Аш-Шабаб» две фракции — одна поддерживает «Ал-Каиду», вторая — ИГИЛ.

«Аш-Шабаб» ставит своей целью освобождение страны от иностранных войск, создание исламского государства на принципах салафизма, распространение салафитского ислама во всем регионе Африканского Рога и за его пределами³. По данным за 2019 г., группировка насчитывает от 7000 до 9000 боевиков, контролирует 20% территории страны, преимущественно сельские районы юга и центра страны, включая районы Джубаленда и пограничные с Кенией районы⁴. Несмотря на то, что в результате действий АМИСОМ (Миссии Африканского союза в Сомали) и сомалийской армии группировка была вытеснена в 2011 г. из Могадишо, а в 2012 г. ушла из стратегически важного портового города Кисмайо, в контролируемых районах боевикам «Аш-Шабаб» удается

¹ Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, Nov. 2020. [Electronic resource] // URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (дата обращения: 01.09.2020).

² Laban R. Amisom's Persistent Onslaught on Shabaab Bearing Fruit, Says CS Nkaissery // Daily Nation. 2015. Dec. 26. [Electronic resource] // URL: <https://nation.africa/counties/Amisom-onslaught-on-Shabaab-bearing-fruit/1950480-3009934-format-xhtml-9n195bz/index.html> (дата обращения: 05.05.2020).

³ Лебедева Э. Радикальный исламизм в Африке южнее Сахары // Российский Совет по международным делам. 2016. [Electronic resource] // URL: <https://russiancouncil.ru/extremism-africa> (дата обращения: 30.03.2019).

⁴ Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, Nov. 2020. [Electronic resource] // URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (дата обращения: 01.09.2020).

проявлять организованность, замещать государственные институты, вымогать средства у мирного населения за счет налогообложения сельскохозяйственной продукции и требований выкупа, а также вербовать новых боевиков, среди которых есть и дети.

В структуре «Аш-Шабаб» действует разветвленная разведслужба «Амнийат», насчитывающая до 500 человек, которая проникла и в правительственные учреждения страны¹. «Амнийат» несет ответственность за большинство нападений с использованием смертников, функционирует независимо от остальной части «Аш-Шабаб», используя собственную иерархию управления, логистику и финансовые ресурсы. Сеть может действовать дискретно, собирать разведданные и наносить эффективные удары по всему Сомали, даже в районах, находящихся под контролем АМИСОМ и федерального правительства Сомали².

В последние годы «Аш-Шабаб» осуществила множество резонансных террористических атак — в сентябре 2013 г. был атакован торговый центр Westgate Mall в Найроби, в результате чего погибли 67 человек, в апреле 2015 г. пять боевиков штурмовали кенийский университет Гарисса, погибли 147 человек, в 2019 г. террорист смертник напал на гостиничный комплекс в Найроби, 26 человек убито. С марта 2017 г. до января 2020 г. «Аш-Шабаб» совершила более 900 нападений на мирных жителей и сотни нападений на войска США, Сомали и Кении³. Весной 2020 г. были убиты два губернатора северных провинций Сомали — губернатор провинции Нугааль и губернатор Мудуга. В июле 2020 г. похищен и убит член регионального парламента.

С 2007 г. в Сомали действует специально учрежденная миссия АМИСОМ (Миссия Африканского союза в Сомали) при поддержке ООН и США. С 2017 г. против «Аш-Шабаб» применяются американские удары с воздуха.

Затяжной конфликт в Сомали привел к слабости власти на федеральном и местном уровнях, сказался на функционировании государственных институтов и силовых структур. В совокупности с высоким уровнем бедности, коррупции, отсутствием социальных лифтов для молодежи, ограниченным доступом к образованию, проблемами безопасности это создает фон, который способствует тому, что молодежь становится уязвимой и легко поддающейся вербовкам «Аш-Шабаб».

¹ IntelBrief: Al-Shabaab is Resurging in Somalia // The Soufan Center. 2020. Jan. 16. [Electronic resource] // URL: <https://thesoufancenter.org/intelbrief-al-shabaab-is-resurging-in-somalia/> (дата обращения: 16.02.2020).

² Report of the Monitoring Group on Somalia and Eritrea pursuant to Security Council resolution 2060 (2012): Somalia (S/2013/413) // ReliefWeb. 2013. Jul. 12. [Electronic resource] // URL: <https://reliefweb.int/report/somalia/report-monitoring-group-somalia-and-eritrea-pursuant-security-council-resolution-2060> (дата обращения: 03.09.2020).

³ IntelBrief: Al-Shabaab is Resurging in Somalia // The Soufan Center. 2020. Jan. 16. [Electronic resource] // URL: <https://thesoufancenter.org/intelbrief-al-shabaab-is-resurging-in-somalia/> (дата обращения: 16.02.2020).

По оценкам ООН, около 70% населения Сомали моложе 30 лет, а уровень безработицы составляет 54% для лиц в возрасте от 15 до 64 лет и до 67% для молодежи в возрасте от 14 до 29 лет¹.

Успешные операции Миссии Африканского союза последних лет привели к тому, что некоторые высокопоставленные члены группировки и все большее количество молодых людей начинают покидать «Аш-Шабаб». Причины дезертирства различны — от активизации военных действий федерального правительства Сомали и АМИСОМ и разочарования в методах организации, до недовольства финансовой поддержкой, обещанной при вступлении в «Аш-Шабаб».

Программы дерадикализации бывших боевиков «Аш-Шабаб»

Новое федеральное правительство Сомали, АМИСОМ и международные партнеры в этих условиях реализуют программу, работающую с «выходящими из боя» боевиками «Аш-Шабаб». Представляется необходимым оговориться в отношении терминологии: в многочисленных экспертных отчетах и заявлениях сомалийских политиков лица, покидающие «Аш-Шабаб», или «вышедшие», называются по-разному — «разъединившиеся» (disengaged), «перебежчики», «дезертиры» (defectors), «комбатанты» (combatants). Эта категория лиц включает бывших бойцов, захваченных в бою; лиц, добровольно сдавшихся; лиц, которые «растворились» и находятся среди местного населения, но готовы сдать при гарантиях безопасности.

Сегодня в Сомали действует несколько проектов, в том числе программы реабилитации и реинтеграции исламистов, инициативы по выкупу оружия и программы по работе с детьми, завербованными «Аш-Шабаб». Финансовую и организационную помощь в реализации этих программ оказывает ООН, Международная организация по миграции и некоторые европейские правительства, финансирующие реабилитационные центры². Всего в Сомали, по данным на март 2019 г., действовало 63 проекта, направленные на предотвращение насильственного экстремизма и борьбу с ним³.

¹ Somalia. Socio-Economic Reintegration of Ex-combatants and At-risk Youth in Somalia (SRECYAR). Project Completion Report // African Development Bank Group. 2020.

Jan. 17. [Electronic resource] // URL: <https://www.afdb.org/en/documents/somalia-socio-economic-reintegration-ex-combatants-and-risk-youth-somalia-srecyar-project-completion-report> (дата обращения: 14.09.2020).

² Williams P. D. Dealing With Disengaged Fighters: The Case of al-Shabaab // IPI Global Observatory. 2013. Jan. 29. [Electronic resource] // URL: <https://theglobalobservatory.org/2013/01/dealing-with-disengaging-fighters-the-case-of-al-shabaab/> (дата обращения: 29.01.2020).

³ Report of the Secretary-General on Somalia // Security Council Report. 2019. May 15. [Electronic resource] // URL: <https://undocs.org/en/S/2019/393> (дата обращения: 05.07.2020).

Впервые министерство внутренних дел Сомали предложило специальную программу по работе с перебежчиками в 2012 г., а в 2013 г. программа была принята федеральным правительством¹. Программа называется «National Programme for the Treatment and Handling of Disengaging Combatants and Youth at Risk in Somalia» (далее — Программа); ее название содержит ключевые понятия, отражающие ее направленность — «молодежь в зоне риска» и «разъединившиеся комбатанты». «Программа не искала быстрых решений, но стремилась к смене парадигмы: реинтеграция вместо уничтожения и предотвращение вместо запрета», — так характеризует ее концептуальные основания директор программы Абдирашид Ибрагим Мохамед².

Программа включает пять основных этапов, или фаз: пропаганда, прием, скрининг, реабилитация и реинтеграция.

Пропагандистская фаза заключается в распространении информации о программе среди отдельных лиц и сообществ, чтобы мотивировать молодежь покинуть «Аш-Шабаб». На фазе приема «разъединившегося» проверяют, разоружают и собирают основные данные его биографии. На этой фазе координация осуществляется Министерством обороны и Сомалийской национальной гвардией, а также силами АМИСОМ. Затем потенциальный участник программы передается сомалийской разведке — NISA (National Intelligence and Security Agency). NISA отвечает за скрининг, в ходе которого осуществляется классификация бывших боевиков на высокоопасных и малоопасных (лиц, представляющих высокую степень риска (high-risk) и лиц с малой степенью риска (low-risk)). Боевиков категории «высокого риска» направляют в суд, а лица из группы «низкого риска» переводятся в реабилитационные центры; молодые люди до 18 лет помещаются в отдельные центры для несовершеннолетних. С самого начала функционирования программы этап скрининга вызывает критику экспертов из-за непрозрачности, нечеткости критериев.

На этапе реабилитации участники программы получают образование и профессиональные навыки, проходят дерадикализацию и религиозное «перевоспитание» с помощью имамов, получают психологическую поддержку. Программа предусматривает, что ее участники должны воссоединиться со своими семьями. На этапе реинтеграции участники программы покидают центры для переезда в местные сообщества.

¹ Parrin A. Creating a Legal Framework for Terrorism Defectors and Detainees in Somalia // Columbia Journal of Transnational Law. 2016. Vol. 55. № 1. P. 256.

² Tervahartala A. To Al-Shabaab and Back // The Network for Religious and Traditional Peacemakers. 2018. Jan. 10. [Electronic resource] // URL: <https://www.peacemakersnetwork.org/al-shabaab-back/> (дата обращения: 11.02.2020).

Юрист А. Паррин, посвятившая специальное исследование правовым аспектам выхода из террористической группировки «Аш-Шабаб», отмечает, что Национальная программа действует в соответствии с принципами международного права и ставит своей целью принять, реабилитировать и реинтегрировать до 4500 бывших боевиков «Аш-Шабаб», а также создать правовую базу, чтобы обеспечить работу программы¹.

Программа рассчитана на боевиков с низким уровнем риска (low-risk). Эксперт Брукингского института В. Фелбаб-Браун указывает, что при классификации сложившихся оружие боевиков принимались во внимание следующие факты: дезертировал ли человек или был схвачен в ходе боевой операции; совершал ли он убийства; был ли он амиром (то есть командиром, а не рядовым членом группировки); присоединился ли он к «Аш-Шабаб» по идеологическим или экономическим причинам; сочувствовал ли человек «Аш-Шабаб» или был ее действующим членом; из какого лагеря или района операций «Аш-Шабаб» «вышел» человек; участвовал ли он в мобилизации и вербовке в «Аш-Шабаб»; собирал ли он закят (ежегодный шариатский налог) для «Аш-Шабаб»².

К настоящему времени Министерством внутренних дел Сомали выработаны стандартные условия проведения процедуры скрининга. Эксперты должны оценить, действительно ли боевик, прекративший членство в «Аш-Шабаб», не будет в дальнейшем участвовать в экстремистской деятельности; обучении и/или вербовке гражданских лиц; предоставлении оперативной, организационной или материально-технической поддержки «Аш-Шабаб»³. Боевик, классифицированный как лицо с низкой степенью риска, может добровольно поступить в один из девяти реабилитационных центров.

«Вы можете стать частью будущего Сомали». Практика амнистий

Амнистии, объявляемые президентом Сомали, являются процедурой, которая запускает процесс диалога с боевиками «Аш-Шабаб» и мотивирует их прекратить членство в организации. По Конституции президент Сомали имеет право амнистировать боевиков и террористов. Практика амнистий для Сомали не нова. Ранее президент Сомали Абдулахи Юсуф Ахмед (2004–2008) амнистировал лидеров и бойцов Совета

¹ Parrin A. Creating a Legal Framework for Terrorism Defectors and Detainees in Somalia. Pp. 256–257.

² Felbab-Brown V. The Limits of Punishment: Transitional Justice and Violent Extremism. Somalia Case Study. May 2018. United Nations University, 2018. Pp. 15–16.

³ Ibid. P. 16.

исламских судов в 2007¹. Эта практика была продолжена последующими президентами. По мнению В. Фелбаб-Браун, «ограниченность этих заявлений — в отсутствии конкретики, поэтому они вызывают слабый отклик у боевиков. И даже если некоторые из них успешны, объясняется это скорее усилением военного давления на «Аш-Шабаб», чем качеством самих заявлений об амнистии (...) Президентские амнистии могут служить скорее средством коммуникации, сигнализируя о возможности снисхождения к перебежчикам»².

С 2015–2016 гг. правительство Сомали неоднократно предлагало амнистию членам «Аш-Шабаб». Абдиризак Омар Мохамед, будучи министром внутренних дел в 2015–2017 гг., комментируя практику амнистий, сказал: «Следует использовать мягкий подход, вступать с ними в диалог, вовлекать их и обеспечить контрнарратив их идеологии. Это не решение, но одно из решений»³.

Из самых успешных амнистий назовем амнистию 2011 г. президента Шарифа Шейха Ахмада⁴, в результате которой 200 человек вышло из Джохара. В 2014 г. в результате амнистии, объявленной после ликвидации лидера «Аш-Шабаб» Ахмеда Абди Годане, 130 человек в течение первых 19 дней сдались властям⁵, а ежедневно в рамках 45-дневного окна сдавалось около 30 боевиков⁶. Позже амнистия была продлена еще на 60 дней. В январе 2015 г. президент Хасан Шейх Мохамуд обратился к народу Сомали, обозначив условия, при которых амнистия возможна: признание совершенных ранее преступлений; отказ от применения насилия и членства в «Аш-Шабаб»; принятие мирного разрешения конфликта; обязательство играть активную роль в воссоединении с сообществом и вносить вклад в его благосостояние⁷. В 2017 г. была объявлена 60-дневная амнистия новым президентом Мохамедом Абдуллахи Мохамедом. Повторяя свой призыв к молодежи «Аш-Шабаб»

¹ Amnesty for Somalia's Islamists // BBC News. 2007. June 19. [Electronic resource] // URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/6766869.stm> (дата обращения: 19.02.2020).

² Felbab-Brown V. The Limits of Punishment: Transitional Justice and Violent Extremism. Pp. 11, 16.

³ Shephard M. Inside the Secret Somalia Rehab Camp for Former Shabab Members // Toronto Star. 2016. June 26. [Electronic resource] // URL: <https://www.thestar.com/news/atkinsonseries/generation911/2016/06/25/inside-the-secret-somalia-rehab-camp-for-former-shabab-members.html> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ Ahmed M. Somalia Offers Amnesty to Militants in Mogadishu // Reuters. 2011. August 9. [Electronic resource] // URL: <https://fr.reuters.com/article/somalia-conflict-idAFL6E7J90ON20110809> (дата обращения: 10.05.2020).

⁵ Президент Сомали: отряды «Аш-Шабаб» планируют серию нападений на госучреждения // ТАСС. 2014. 6 сент. [Electronic resource] // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1424881> (дата обращения: 06.06.2020).

⁶ Arab and African Media // The Counter Extremism Project. [Electronic resource] // URL: <https://www.counterextremism.com/content/arab-and-african-media> (дата обращения: 03.02.2020).

⁷ Hassan Sheikh: «The door is always open to those who reject al-Shabaab's doctrine of destruction and embrace peace» // Goodjoog News. 2015. Jan. 28. [Electronic resource] // URL: <https://goodjoog.com/english/hassan-sheikh-the-door-is-always-open-to-those-who-reject-al-shabaabs-doctrine-of-destruction-and-embrace-peace/> (дата обращения: 28.01.2020).

воспользоваться амнистией, объявленной 6 апреля 2017 г., президент сказал: «Если вы (...) осудите насилие, мы включим вас в нашу программу реформ. У вас нет будущего с террористами, но вы можете быть частью будущего Сомали»¹.

Предложения об амнистии для членов «Аш-Шабаб» публично подтверждались и на международном уровне². Президент Сомали, Мохамед Абдуллахи Мохамед, выступая в 2019 г. на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подтвердил свою поддержку программы дерадикализации и комплексный подход к противодействию насильственному экстремизму³.

Реабилитационные центры в Сомали

Центры находятся в ведении Министерства внутренних дел. Все центры принимают только бывших боевиков «Аш-Шабаб», включая и лиц, которые, живя на территориях, контролируемых «Аш-Шабааб», вынуждены были оказывать группировке такие услуги, как приготовление пищи, стирка, уборка и т. д.

До начала пандемии в Сомали действовали 9 реабилитационных центров на юге страны⁴. Самые известные реабилитационные центры, созданные первыми в 2012–2014 гг., — это центры Серенди в Могадишо, в Кисмайо, в Беледуэйне и в Байдоа, последний работает с бывшими боевиками-женщинами и членами их семей.

По состоянию на январь 2016 г. в Серенди находилось примерно 350–400 человек, 60 человек — в Беледуэйне и примерно 95 — в Байдоа. В июне 2020 г. заработали закрытые во время пандемии пять реабилитационных центров. Центры в Могадишо, Байдоа и Кисмайо полностью открылись в соответствии со строгими мерами по профилактике COVID-19. По состоянию на 4 августа 2020 г. три реабилитационных центра оказывают помощь 222 мужчинам, бывшим боевикам «Аш-Шабааб», а в двух реабилитационных центрах в Байдоа и Кисмайо проходят программу

¹ Maruf H. Somali, US Military Claim to Destroy an Al-Shabab Training Base // VOA News. 2017. Jun. 11. [Electronic resource] // URL: <https://www.voanews.com/africa/somali-us-military-claim-destroy-al-shabab-training-base> (дата обращения: 11.09.2020).

² Note to Correspondents: Communiqué on High-Level Meeting on Somalia // United Nations Secretary-General. 2015. Sept. 28. [Electronic resource] // URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/note-correspondents/2015-09-28/note-correspondents-communique%C3%A9-high-level-meeting-somalia> (дата обращения: 29.09.2020).

³ H.E President Farmaajo Speech at the 74th Session of the UN General Assembly // Office of the President Federal Republic of Somalia. 2019. Sept. 26. [Electronic resource] // URL: <https://villasomalia.gov.so/en/h-e-president-farmaajo-speech-at-the-74th-session-of-the-un-general-assembly/> (дата обращения: 01.09.2020).

⁴ Gjelsvik I. M. Disengaging from Violent Extremism. The Case of al-Shabaab in Somalia. Conflict Trends 2019/1 // ACCORD. [Electronic resource] // URL: <https://www.acCORD.org.za/conflict-trends/disengaging-from-violent-extremism/> (дата обращения: 02.04.2020).

52 женщины¹. По данным на январь 2018 г. через все реабилитационные центры прошло 2000 бывших членов «Аш-Шабаб»².

В управлении и финансировании центров велика роль иностранных правительств и их подрядчиков. В течение 2011–2014 гг. Серенди управляла компания Serendi Group — консорциум из трех датских подрядчиков³. В первые годы своего существования Серенди подвергался критике, главным образом в связи с пребыванием в реабилитационном центре детей. Все несовершеннолетние были переданы ЮНИСЕФ и его партнерам-исполнителям, а также сомалийским НПО в 2015 г.

Центр Серенди с 2015 г. финансируется правительством Великобритании. Предыдущая датская управленческая команда центра была расформирована. Центры в Кисмайо и Байдоа финансируются правительством Германии. В Серенди управляющим подрядчиком является британский консалтинговый центр Adam Smith International, в Байдоа — Международная организация по миграции («ИОМ») и UNSOM (Миссия ООН в Сомали). Всем центрам ООН оказывает техническую помощь. В настоящее время центр в Беледуэйне закрыт из-за проблем с эксплуатацией, финансированием и недостаточным обеспечением безопасности.

Реабилитационный центр Серенди

На постоянной основе в Серенди⁴ возле Могадишо работают 57 сотрудников, в том числе менеджеры и администраторы, социальные работники, учителя, инструкторы, медицинские работники, имамы и спортивные тренеры.

Сроки пребывания в Серенди отличаются от сроков Байдоа и Кисмайо, но не превышают года. Нахождение в центре может быть продлено

¹ Situation in Somalia. Report of the Secretary-General. United Nations Security Council // Security Council Report. 2020. Aug. 13. [Electronic resource] // URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S_2020_798_E.pdf (дата обращения: 13.09.2020).

² Tervahartiala A. To Al-Shabaab and Back. The Network for Religious and Traditional Peacemakers // The Network for Religious and Traditional Peacemakers. 2018. Jan. 10. [Electronic resource] // URL: <https://www.peacemakersnetwork.org/al-shabaab-back/> (дата обращения: 11.02.2020).

³ UN DDR in an Era of Violent Extremism: Is It Fit for Purpose? Ed. by James Cockayne and Siobhan O'Neil. United Nations University, 2015. P. 111.

⁴ В существующей историографии наиболее полная информация о структуре, функционировании, проблемах реабилитационного центра в Серенди содержится в публикациях *Felbab-Brown V.* The limits of punishment: transitional justice and violent extremism; *Khalil, James et al.* Deradicalisation and Disengagement in Somalia. Evidence from a Rehabilitation Programme for Former Members of Al-Shabaab. RUSI Whitehall. 2019. Report 4–19. Available at: https://rusi.org/sites/default/files/20190104_whr_4-18_deradicalisation_and_disengagement_in_somalia_web.pdf. Исследования сделаны на основании большого количества интервью с участниками программы и сотрудниками Центра. Характеристика Серенди в данной статье приводится на основании этих открытых источников.

в том случае, если по истечении 12 месяцев резидент не может вернуться в семью или принимающее сообщество, или район, в который он хотел бы вернуться, небезопасен в связи с активностью «Аш-Шабаб».

До 2016 г. центр Серенди был оборудован крайне скромно, в 2016 г. в центре начался ремонт и была проведена модернизация. Резиденты получили мастерские, парикмахерскую, медицинский центр (где работают два врача, медсестра и фармацевт), новую столовую, кухонный блок, игровую и телевизионную комнаты, поле для футбола и баскетбольные площадки. В центр регулярно приходит профессиональный тренер. Есть библиотека с книгами на английском и сомалийском языках.

Как и аналогичные программы в Индонезии, Нигерии, Филиппинах, Саудовской Аравии, Сингапуре и Йемене, программа Серенди предлагает базовое образование, получение профессии, религиозное образование и психологическую поддержку.

Поскольку большинство резидентов Серенди не получили даже школьного образования, программа предлагает им обучение, соответствующее национальной учебной программе: уроки математики, истории, обществознания, изучение естественных наук, сомалийского, арабского и английского языков. По окончании обучения резиденты сдают экзамен. В Серенди ставится задача религиозной дерадикализации. Большинство резидентов посещают программу религиозного образования, проводимую приглашенными преподавателями, и сессии с имамами Серенди.

Особое место в программе занимает профессиональная подготовка, в том числе обучение навыкам предпринимательства и основам информационных технологий. Респондентам предлагается получить профессию автомеханика, сварщика, портного, столяра, водителя, парикмахера.

Общение с семьями, детьми, восстановление связей со своими сообществами — важная часть реинтеграционного процесса. Резиденты посещаются членами своих семей, для чего в центре предусмотрены специальные помещения, а через два месяца после пребывания в центре получают возможность отлучаться из центра по выходным.

По окончании срока пребывания в центре выпускники выбирают для проживания, как правило, Могадишо, хотя в основном являются выходцами из таких регионов, как Нижняя Шабелле, Средняя Джубба, Хиран и Гальгудуд, поскольку они боятся быть узанными членами «Аш-Шабаб» или лицами, поддерживающими организацию в этих районах. Экономическая интеграция выпускников программы не всегда успешна в связи с высоким уровнем безработицы и невозможностью работать в тех районах страны, где при наличии рабочих мест существует опасность угроз со стороны «Аш-Шабаб». Как правило, выпускники программы не работают с использованием навыков, приобретенных в ходе профессионального обучения в Серенди.

Успех реинтеграционных процессов напрямую зависит от позиции местных сообществ, способных принять выпускника центра. Многие сообщества были непосредственными жертвами атак террористов и насилия и поэтому категорически отвергали возможность возвращения в их среду бывших боевиков. Некоторые члены сообщества были возмущены тем фактом, что бывшим экстремистам программа реабилитации предоставила возможность получения образования, профессии, то есть создала для них конкурентные преимущества перед молодыми людьми, не участвовавшими в террористических группах. В некоторых сообществах общественное сопротивление было настолько сильным, что такие инициативы оказались невозможными.

Основными проблемами при реализации программы являются непрозрачность некоторых процедур, недостаточно проработанные критерии при разделении бывших боевиков по степени риска; доминирование сотрудников NISA при оценке на всех этапах программы — от приема резидентов до их выпуска из реабилитационных центров. Ключевой же проблемой является безопасность и участников, и выпускников программы, и сотрудников Центра.

«Аш-Шабаб» вместе со своим боевым подразделением «Амният» не прощает желания покинуть организацию, использует различные средства, препятствующие «разъединению», включая угрозы, наказания, убийства участников программы и членов их семей. Лидеры местных сообществ, старейшины и имамы, принимающие бывших исламистов на этапе реинтеграции, не всегда могут удержать своих членов, пострадавших от «Аш-Шабаб», от ответного насилия.

Норвежский эксперт I. M. Gjelsvik пишет о «спящих ячейках»¹ «Аш-Шабааб», члены которых встроены в местные общины, и до тех пор, пока ячейка не активирована, ее участники вполне могут оказаться в ближайшем окружении выпускника программы. Вопрос окружения, а именно, будут ли в его ближайшем кругу родственников и друзей поддерживающие «Аш-Шабаб», ставит перед авторами и сотрудниками программы новые задачи.

Литература

Felbab-Brown V. The Limits of Punishment: Transitional Justice and Violent Extremism. Somalia Case Study. May 2018. United Nations University, 2018. Pp. 15–16.

¹ *Gjelsvik I. M. Should I stay or should I go?: Security considerations for members leaving al-Shabaab in Somalia // Norwegian Institute for International Affairs (NUPI). Policy Brief. 2019. No. 4. P. 3.*

Gjelsvik I. M. Should I stay or should I go? Security considerations for members leaving al-Shabaab in Somalia. Norwegian Institute for International Affairs (NUPI). Policy Brief. 2019. No. 4. Pp. 1–4.

Felbab-Brown V. The Limits of Punishment: Transitional Justice and Violent Extremism. Somalia Case Study. May 2018. United Nations University, 2018. Pp. 15–16.

Parrin A. Creating a Legal Framework for Terrorism Defectors and Detainees in Somalia // Columbia Journal of Transnational Law. 2016. Vol. 55. No. 1. Pp. 228–276.

UN DDR in an Era of Violent Extremism: Is It Fit for Purpose? Ed. by James Cockayne and Siobhan O’Neil. United Nations University, 2015. 159 p.

References

Felbab-Brown V. (2018). The Limits of Punishment: Transitional Justice and Violent Extremism. *Somalia Case Study*. May 2018. United Nations University, 2018. Pp. 15–16.

Gjelsvik I. M. (2019). Should I Stay or Should I Go?: Security Considerations for Members Leaving al-Shabaab in Somalia. *Norwegian Institute for International Affairs (NUPI). Policy Brief*. 2019. No. 4. Pp. 1–4.

Khalil, James et al. (2019). *Deradicalisation and Disengagement in Somalia. Evidence from a Rehabilitation Programme for Former Members of Al-Shabaab. RUSI Whitehall*. 2019. Report 4–19. Vii+40 p.

Parrin A. (2016). Creating a Legal Framework for Terrorism Defectors and Detainees in Somalia. *Columbia Journal of Transnational Law*. Vol. 55. No. 1. Pp. 228–276.

Cockayne J., O’Neil S. (2015). *UN DDR in an Era of Violent Extremism: Is It Fit for Purpose?* United Nations University. 159 p.

“REINTEGRATION OVER ERADICATION”. PROGRAMME FOR THE DERADICALIZATION OF ISLAMISTS IN SOMALIA. REHABILITATION CENTER SERENDI

Abstract. The article, based on open sources, examines the Programme for the deradicalization of Islamists, which has been operating in Somalia since 2013. The program, along with other local projects, is an example of ‘soft measures’ when interacting with Islamists. The article notes that the Program includes five main stages, or phases: outreach, reception, screening, rehabilitation and reintegration. The biggest problem is caused by the screening stage, when ex-fighters must be classified into two groups — ‘high-risk persons’ and ‘low-risk persons’. People with low risk are voluntarily sent to one of 9 rehabilitation centers. The author points out that the Serendi Center in Mogadishu provides the residents of the programme with opportunities for school education, vocational training, and psychological assistance. Sessions with imams are held in Serendi as part of the religious deradicalization programme. Center residents have the opportunity to keep in touch with their family through regular visits and weekend vacations. An important stage of the Program is the reintegration phase. The position of the leaders of the communities has a decisive influence on the success of the Programme. The author notes that the key problem in the implementation of the deradicalization programme is the problem of safety for all involved actors: programme participants, their families and employees of the rehabilitation center.

Keywords: Islam, Islamism, Somalia, deradicalization, reintegration.

Naima A. NEFLIASHEVA,

Cand. Sci. (Hist.), associate professor, senior researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1, Spiridonovka Str., Moscow, 123001, Russian Federation).
E-mail: innef@mail.ru

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

УДК 322.172.3

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-131-142

Т. Р. Хайруллин

Институт Африки РАН, г. Москва

Финансовый университет при правительстве РФ, г. Москва

ЙЕМЕНСКИЙ ОПЫТ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМИЗМА

ХАЙРУЛЛИН Тимур Радикович —

канд. полит. наук, науч. сотр. Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН

(123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1);

ст. преподаватель Департамента политологии Финансового университета при правительстве РФ

(125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49).

E-mail: jumglaw16@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена проблеме дерадикализации исламизма в Йемене до и после событий «арабской весны». На начальном этапе программа дерадикализации, проводимая йеменской администрацией, показала впечатляющие результаты. Однако нестабильность внутренней ситуации, а также нежелание йеменской элиты финансировать программу привели к ее закрытию. Этому обстоятельству способствовало и то, что в политике администрации по борьбе с радикальными группировками приоритетным было совершенствование силового аппарата. Попытки новой йеменской власти возродить программу дерадикализации после событий «арабской весны» обернулись провалом. В целом проделанная йеменскими властями работа по дерадикализации исламизма продемонстрировала умение применять несиловые методы борьбы, однако их использование связано с серьезными финансовыми вложениями, на которые йеменское государство пойти пока не может из-за тяжелой финансовой ситуации, вызванной затянувшимся вооруженным конфликтом.

Ключевые слова: дерадикализация, исламизм, радикальный исламизм, нестабильность, Ближний Восток, хуситы, Йемен.

Для цитирования: Хайруллин Т. Р. Йеменский опыт дерадикализации исламизма // Ислам в современном мире, 2020; 4: 131–142;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-131-142

Статья поступила в редакцию: 13.09.2020

Статья принята к публикации: 17.11.2020

В настоящее время так называемый религиозный терроризм/экстремизм всецело перешел в ранг транснационального явления. Для того чтобы преуспеть в борьбе с терроризмом и экстремизмом, любое государство должно придерживаться целостного подхода. Однако его невозможно осуществить без поддержания стабильности, безопасности и способности соблюдать верховенство суверенитета и права. В Арабском мире терроризм и экстремизм проявляются через деятельность многочисленных исламистских группировок радикального толка.

В Йемене проблема противодействия религиозному экстремизму стоит особенно остро в свете продолжающегося противостояния между силами свергнутого президента М. Хади, поддержанными коалиционными отрядами монархий Залива во главе с Саудовской Аравией, и хуситской группировкой «Ансар Аллах». Немаловажную роль в данном конфликте играют различные террористические движения, такие как Ал-Каида и «Исламское государство»¹, находящиеся в состоянии войны со всеми основными игроками.

О мерах по противодействию религиозному экстремизму и терроризму, проявляющимся в первую очередь через деятельность Ал-Каиды и аффилированных с ней группировок, йеменские власти задумались после целого ряда террористических атак. Так, еще в декабре 1998 г. группа, возглавляемая Абу ал-Хасаном ал-Мехдаром, лидером так называемой «Аден-Абьянской исламской армии», участвовала в убийстве четырех британских и австралийских туристов в Йемене. Ал-Мехдар был поддержан радикальным исламистским идеологом Абу Хамзой ал-Масри, приговоренным впоследствии (в январе 2015 г.) американским судом к пожизненному заключению, так как был признан виновным в терроризме по 11 пунктам в том числе на территории Йемена². Периодически террористические атаки со стороны Ал-Каиды совершались также на правительственные учреждения. Кроме того, в порту Адена в октябре 2000 г. ею был взорван американский эсминец «Коул»³.

¹ Данные организации признаны террористическими Верховным Судом РФ, их деятельность на территории России запрещена.

² Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism. Washington DC: Embassy of the Republic of Yemen. 2017. 10 p.

³ Саватеев А. Д., Боков Т. А. Восстание хуситов в Йемене: шиито-суннитское противостояние как фактор геополитических сдвигов на Ближнем Востоке // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 1(38). С. 107.

После этого инцидента США и Йемен начали сотрудничать в вопросах, связанных с безопасностью. Однако только после трагических событий 11 сентября 2001 г. взаимодействие между США и Йеменом в деле борьбы с терроризмом перешло в практическую плоскость.

С 2002 г. официальные власти Йемена по настоянию и при дальнейшей поддержке со стороны США одними из первых взяли курс на дерадикализацию исламистских групп. Этот политический курс возглавил известный мусульманский священнослужитель, судья Хамуд ал-Хитар¹. В 70-х гг. XX в. Х. ал-Хитар входил в ряды транснациональной ассоциации «Братьев-мусульман»². Знакомство с исламистской идеологией, а также знание норм исламского права послужили хорошей основой для судебной практики ал-Хитара после его ухода из ассоциации.

Начиная с 2000 г. ал-Хитар активно помогал йеменскому правительству бороться с растущим числом радикально настроенных исламистов в стране, которые возвращались в Йемен после участия в боевых действиях в Афганистане, Чечне, Боснии, Сомали в рядах Ал-Каиды и других связанных с ней группировках.

Созданный им Комитет по религиозному диалогу разработал «программу перевоспитания» боевиков, которая основывалась на трех фундаментальных атрибутах (столпах) исламской веры: Коране, сунне и хадисах. Программа стартовала с провозглашения девиза: «Противостоять идеологии можно только идеологией». Процесс дерадикализации состоял из двух этапов: первый — диалог с осужденными и их реабилитация, второй — социализация заключенных после освобождения. Комитет прежде всего использовал открытые теологические споры с осужденными террористами, где каждая сторона могла высказать свою точку зрения³. Обязательными вопросами в ходе дискуссии были: является ли Йемен исламским государством или нет? признают ли заключенные легитимность правления президента Али Абдаллы Салеха? каково их отношение к немусульманским государствам и допустимо ли насилие по отношению к немусульманскому населению?⁴

Вовлекая осужденных в то, что называлось «богословскими дуэлями», Х. ал-Хитар заставлял их находить оправдания своим деяниям. Поскольку оправдания подсудимого подкреплялись чаще всего ссылками на религиозные Писания, судья выдвигал контраргументы,

¹ Combating terrorism in Yemen Through the Committee for Religious Dialogue. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies Report. 2010. P. 5.

² Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. и ее деятельность запрещена на территории РФ.

³ Гордеев Н. С. Дерадикализация в исправительных учреждениях: российский и зарубежный опыт // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. 2016. С. 173.

⁴ Johnsen G., Boucek C. The dilemma of the Yemeni detainees at Guantanamo Bay // CTC Sentinel. 2008. Vol. 1. № 12. P. 1–4.

опровергающие правильность трактовок и поступков подсудимого. Если испытуемый адекватно воспринимал критику и принимал умеренную трактовку религиозных текстов, после нескольких сеансов судья предлагал ему подписать письменное обязательство, в котором тот отказывался от своих радикальных взглядов. Взамен молодой боевик (как правило, это молодежь в возрасте от 26 до 30 лет¹) получал несколько сотен долларов и свободу в виде домашнего ареста, что предполагало беспрепятственное перемещение по городу с условием регулярной регистрации в органах правопорядка².

По словам ал-Хитара, первый этап программы оказался успешным: 364 участника (из 420) были освобождены после того, как отказались от своих радикальных взглядов и практически доказали, что не имеют преступных связей³. «К существовавшему ранее единственному способу борьбы с терроризмом в виде силы добавился новый, более эффективный — диалог, который доказал всему миру, что перо и язык могут быть сильнее самого совершенного оружия», — подчеркнул Х. ал-Хитар⁴.

Объявленные Х. ал-Хитаром успехи были на руку главному спонсору йеменской программы дерадикализации — Америке. Глава США неоднократно заявлял о намерении закрыть тюрьму Гуантанамо. Новая йеменская программа, включавшая строительство реабилитационного центра, позволила бы переместить более сотни йеменских заключенных из Гуантанамо в Йемен.

Однако уже в 2004 г., появились сообщения о том, что некоторые бывшие боевики Ал-Каиды, освобожденные после программы дерадикализации, были пойманы во время боевых действий коалиционных сил в Ираке. Усугубили ситуацию признания, которые были сделаны бывшими участниками программы. По их словам, «программа Х. ал-Хитара была несерьезной». Многие заключенные йеменские боевики просто говорили ал-Хитару то, что он хотел услышать, чтобы выбраться из тюрьмы⁵. Порой заключенные, ранее состоявшие в радикальных группировках и не обвиненные в совершении какого-либо конкретного преступления, освобождались после нескольких сеансов «богословской дуэли», если ее организаторы считали, что они раскаялись⁶. После

¹ Саватеев А. Д., Хайруллин Т. Р. Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии // Ислам в современном мире. 2019. Т. 15, № 3. С. 170.

² *Peraino K.* War on Terror: The Key to Closing Gitmo // *Newsweek* 5/28/09 [Электронный ресурс] URL: <https://www.newsweek.com/war-terror-key-closing-gitmo-80151> (дата обращения: 12.10.2020).

³ *Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism.* Washington DC: Embassy of the Republic of Yemen. 2017. 10 p.

⁴ *Whewell T.* Yemeni anti-terror scheme in doubt // *BBC. News*, 11 October 2005 [Электронный ресурс] URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/crossing_continents/4328894.stm (дата обращения: 10.10.2020).

⁵ Ibid.

⁶ *Peraino K.* War on Terror: The Key to Closing Gitmo // *Newsweek* 5/28/09 [Электронный ресурс] URL: <https://www.newsweek.com/war-terror-key-closing-gitmo-80151> (дата обращения: 12.10.2020).

освобождения паспорта не изымались, а органы правопорядка не вели тщательного наблюдения за бывшими заключенными¹, которые могли возобновить свои старые связи с радикальными движениями.

Отметим, что с самого начала среди экспертного сообщества выдвигались аргументы, которые показывали слабые стороны йеменской программы дерадикализации:

— «внешняя» поддержка как самих осужденных террористов — членов радикальных группировок (материальная — обеспечение деньгами, отправка посылок осужденным; моральная — создание образа борца с несправедливостью), так и их семей (оказание регулярной материальной помощи и т. д.). Некоторые эксперты отмечали, что заключенные — члены радикальных исламистских организаций — приобретают авторитет в обществе, которое одобряет шахидизм, и это является значимым фактором, определяющим недостаточную эффективность программ дерадикализации исламизма.

— наличие организованных групп осужденных исламистов, которые следят за поведением своих членов в местах изоляции, оказывают им моральную и физическую поддержку, когда это необходимо, но и наказывают за сближение с администрацией исправительного учреждения².

Даже в случае исправления указанных недочетов, в общественных и политических кругах Йемена сохранялась озабоченность рецидивами проявлений радикального исламизма. Проблема рецидива до сих пор остается краеугольной в процессе дерадикализации исламистов, поскольку необходимо иметь в виду, что по статистике более 10% из привлекавшихся ранее к ответственности являются «устоявшимися боевиками с закоренелыми девиантными убеждениями»³.

Учитывая все нюансы, Комитет, скорее всего, направлял свои усилия в первую очередь на то (по крайней мере, на начальных этапах реализации программы), чтобы заставить заключенных признать власть государства и получить от них заверения в том, что никакое насилие с их стороны не будет применяться внутри страны. Такого рода подход не являлся в полном смысле дерадикализационным, поскольку не предполагает изменения в убеждениях. В данном случае речь идет, скорее, о некоем «отстранении» — изменении поведения боевиков.

Периодические действия террористических группировок во главе с Ал-Каидой, а также начавшиеся в 2004–2005 гг. боевые действия между правительственными войсками и хуситами, движение которых

¹ Johnsen G., Boucek C. The dilemma of the Yemeni detainees at Guantanamo Bay // CTC Sentinel. 2008. Vol. 1. № 12. P. 1–4.

² Сысоев А. М. Содержание осужденных за проявления экстремизма в пенитенциарных учреждениях Израиля и проблемы их дерадикализации // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1(17). С. 86.

³ Ansary A. F. Combating Extremism: A brief overview of Saudi Arabia's Approach // Middle East Policy Council. 2008. Vol. 15. № 2. P. 119.

добивалось увеличения местной автономии на северо-западе страны и укрепления роли их зейдитской версии ислама¹, серьезно осложнили внутреннее положение в стране. Появились проблемы с финансированием программы. Помимо финансовых проблем, вскрылись другие не менее важные аспекты, которые в определенной степени дискредитировали программу дерадикализации. В частности, со стороны органов госбезопасности присутствовал момент преднамеренно неправильного обращения с теми, кто был освобожден после первого этапа программы. Лица, отвечавшие за дальнейшую социализацию и установление жесткого контроля за бывшими осужденными, не выполняли в должной мере возложенных на них обязанностей. Другим моментом, стало нежелание правящей верхушки во главе с Али Абдаллой Салехом принимать стратегию развития программы, а также финансировать ее, ссылаясь на отсутствие денежных средств².

Как выяснилось, проблема с финансированием не стояла так остро. По некоторым данным, львиная доля денежных средств, исходящих от зарубежных партнеров, в первую очередь от США, направлялась не на совершенствование «мягких» подходов по предотвращению проявлений радикального исламизма, а на укрепление силовой составляющей: аппарата госбезопасности и контртеррористических структур, контролируемых должностными лицами, тесно связанными родственными узами с президентом А. А. Салехом. В частности, сын главы государства — Ахмед Али Салех возглавлял Республиканскую гвардию и курировал силы специального назначения. Племянник президента Амар Мохаммед Салех был первым заместителем созданного в 2002 г. Бюро национальной безопасности, занимающегося в числе основных вопросами борьбы с Ал-Каидой. Другой племянник президента, Яхья Мохаммед Салех, занимал пост начальника штаба центральных сил безопасности в ведении которого до событий «арабской весны» находилось около 50 000 бойцов³. Также Яхья Салех руководил созданным в 2003 г. контртеррористическим подразделением, непосредственно занимавшимся борьбой с терроризмом, главным образом с Ал-Каидой⁴.

¹ Зейдизм представляет собой одно из направлений в шиизме, обычно характеризующееся как достаточно умеренное. Во многих отношениях зейдизм был традиционно ближе к шафиитскому суннизму, чем к иснашаритскому иранскому шиизму (См. например: *Robinson F. Atlas of the Islamic World Since 1500*. N.Y.: Factson File, 1984. 238 p.).

² *Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism*. Washington DC: Embassy of the Republic of Yemen. 2017. 10 p.

³ *Knights M. Strengthening Yemeni Counterterrorism Forces: Challenges and Political Considerations* // The Washington Institute for Near East Policy, Jan 6, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/strengthening-yemeni-counterterrorism-forces-challenges-and-political-considerations> (дата обращения: 04.07.2020).

⁴ *Yemen's counter-terrorism unit*. Al-Jazeera, 17 Sept, 2008. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aljazeera.com/news/middleeast/2007/07/2008525185044972283.html> (дата обращения: 10.07.2020).

Будучи крупнейшим спонсором Йемена, США ежегодно направляли туда в среднем от 20 до 30 млн долл. на обеспечение государственной безопасности¹. Отметим, что накануне событий «арабской весны» эта помощь составила 176 млн долл., что было связано с ростом внутренней напряженности в стране². В то время как зарубежная финансовая помощь тратилась в основном на развитие силовых методов борьбы с радикальным исламом, программа дерадикализации финансировалась по остаточному принципу, не получая при этом должного освещения в средствах массовой информации. В итоге она была закрыта в конце 2005 г., несмотря на обнадеживающие результаты ее реализации.

Что касается силовых структур, которые при А. А. Салехе имели достаточную поддержку в развитии и финансировании, то они не смогли в должной мере противодействовать исламистской радикальной угрозе и обеспечить внутреннюю стабильность в стране. Отчасти это было связано с масштабной коррупцией во властных структурах, а также с прагматичным отношением к проблеме терроризма. Так, йеменские спецслужбы, в рядах которых, как утверждалось, преобладали носители консервативных салафитских взглядов, способствовали в 2006 г. побегу 23 боевиков Ал-Каиды из тюрьмы в Сане, включая одного из лидеров организации — Нассира аль-Вахайши. По некоторым данным, Ал-Каида в 2008 г. получала военную помощь от отдельных силовых структур Йемена³.

Оказывая поддержку группировкам Ал-Каиды, йеменские спецслужбы пытались внести раскол в ряды разношерстного исламистского конгломерата, воевавшего против правительственных войск, в частности, усилить разногласия между суннитскими радикальными движениями и хуситами, чьи зейдистские убеждения далеки от салафитско-ваххабитских взглядов лидеров Ал-Каиды.

Продолжавшиеся вплоть до событий «арабской весны» боевые столкновения между правительственными войсками и хуситами, непрекращающаяся деятельность Ал-Каиды, а также сами события «арабской весны» серьезным образом пошатнули внутривосточную ситуацию в стране⁴. Ни о каком возобновлении программы дерадикализации тогда не могло быть и речи.

¹ Sharp J. M. Yemen: Background and US Relations. Washington DC: Congressional Research Service Report, 2015. 33 p.

² European Union to support Yemen Central Security Forces // Yemen Post, 24 Feb., 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.yemenpost.net/Detail123456789.aspx?ID=3&SubID=6595> (дата обращения: 14.07.2020).

³ Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism. Washington DC: Embassy of the Republic of Yemen. 2017. 10 p.

⁴ Хайруллин Т. . Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 129–130.

Попытки возобновления программы после Салеха

После отставки президента страны А. А. Салеха, по результатам выборов 21 февраля 2012 г. к власти пришел Абд-Раббо Мансур Хади. Новая власть признавала необходимость возобновления и развития программы дерадикализации 2003–2005 гг. для обеспечения государственной безопасности.

Подход правительства заключался в разработке комплексной стратегии, включающей межсекторальные меры по борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом. Предполагалось, что эти меры будут эффективными и, что самое важное, соразмерными имеющимся финансовым ресурсам.

28 августа 2012 г. президент М. Хади поручил правительству пересмотреть национальную контртеррористическую стратегию, первоначально разрабатывавшуюся еще в 2003 г., и принять ее с учетом материалов, представленных всеми министерствами, в том числе образования, информации и юстиции. 18 сентября 2012 г. правительство одобрило новую стратегию, предполагавшую создание специального органа, который в числе основных непосредственно занимался бы проблемами дерадикализации исламистов. Помимо прочего, контртеррористическая стратегия включала в себя семь основных задач:

1. Искоренение экстремизма путем устранения основных причин его возникновения, а также источников финансирования во всех провинциях Йемена;
2. Активизация роли органов безопасности во всех провинциях и создание чрезвычайных подразделений;
3. Оказание содействия военному комитету, созданному по инициативе Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в осуществлении его миссии по поддержанию стабильности и безопасности в стране;
4. Повышение осведомленности граждан о негативных последствиях терроризма и экстремизма;
5. Поощрение граждан в деле оказания помощи силовому и военному аппарату и сотрудничества с ним в противодействии терроризму и экстремизму;
6. Защита йеменского общества от распространения экстремизма как явления;
7. Ликвидация террористических организаций вместе с их членами и лидерами¹;

¹ Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism. Washington DC: Embassy of the Republic of Yemen. 2017. 10 p.

К 2014 г. подготовка к реализации намеченных в 2012 г. планов была завершена. 14 мая 2014 г. президент Хади издал указ о создании Комитета по активизации и дальнейшему развитию йеменской программы реабилитации и реинтеграции боевиков. Комитет, входивший в состав Бюро национальной безопасности, состоял из представителей 12 министерств и ведомств, включая Министерства иностранных дел, по делам религий, образования, по правам человека и по правовым вопросам. Опираясь на предыдущий опыт, накопленный к 2003 г., и практику других подобных центров (в том числе консультационно-реабилитационного центра им. Мохаммеда бин Найефа в Саудовской Аравии), Комитет активно работал над созданием комплексных программ для будущего центра, таких как программы идеологического консультирования, программы оценки физического и духовного здоровья, программы образования и профессиональной подготовки, а также программы реинтеграции после освобождения и семейного благополучия. При содействии и поддержке международных партнеров, включая США, Саудовскую Аравию и ООН, Комитет готовился к запуску пилотного проекта в Сане. В том же 2014 г. Комитет несколько раз пытался организовать официальные визиты в Сану представителей Организации Объединенных Наций (Межрегиональный научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций по вопросам преступности и правосудия, базирующийся в Италии) и других международных партнеров для завершения оценки программы и начала строительства реабилитационного центра.

Однако намеченные планы не удалось реализовать. Боевые успехи хуситов привели к тому, что в сентябре 2014 г. они захватили Сану, а к марту 2015 г. — большинство населенных пунктов на северо-западе страны¹. Кроме того, они завладели большей частью правительственных запасов бывших советских зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) и связанных с ними радаров, а также переносными ЗРК.

Революционные события сентября 2014 г. в Йемене внесли существенные коррективы в планы по реализации программы дерадикализации исламистов. В настоящее время так называемое противодействие религиозному экстремизму и терроризму здесь осуществляется в рамках отдельных контртеррористических операций при поддержке спецподразделений США. Для возобновления программы необходимо прекратить кровопролитие, начать мирный диалог между противоборствующими сторонами, восстановить государственную систему управления и оживить экономику.

Даже если предположить в ближайшей перспективе восстановление государственности и экономики, Йемен как самая бедная страна на Ближнем

¹ Васильев А. М., Исаев Л. М., Коротаев А. В., Кожанов Н. А., Мардасов А. Г., Семенов К. В., Хайруллин Т. Р. Схватка за Ближний Восток: Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 159.

Востоке вряд ли сумеет реализовать на должном уровне программу реабилитации террористов по примеру соседней Саудовской Аравии. Серьезная финансовая зависимость Йемена от зарубежных партнеров, требующая выполнения определенных обязательств, также не даст возможность в полной мере реализовать применение несиловых методов борьбы с религиозным экстремизмом. Ведь, несмотря на относительный успех саудовской программы дерадикализации, именно обладание огромными богатствами позволяет королевству порой покупать лояльность радикальных исламистов, не прибегая к реабилитационным и силовым методам.

Литература

Васильев А. М., Исаев Л. М., Коротаев А. В., Кожанов Н. А., Мардасов А. Г., Семенов К. В., Хайруллин Т. Р. Схватка за Ближний Восток: Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: ЛЕНАНД, 2019. 256 с.

Гордеев Н. С. Дерадикализация в исправительных учреждениях: российский и зарубежный опыт // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. Самара, 2016. С. 172–175.

Саватеев А. Д., Боков Т. А. Восстание хуситов в Йемене: шиито-суннитское противостояние как фактор геополитических сдвигов на Ближнем Востоке // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 1(38). С. 105–123.

Сысоев А. М. Содержание осужденных за проявления экстремизма в пенитенциарных учреждениях Израиля и проблемы их дерадикализации // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1(17). С. 84–86.

Хайруллин Т. Р. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М.: Институт Африки РАН, 2019. 214 с.

Combating terrorism in Yemen Through the Committee for Religious Dialogue. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies Report, 2010. 27 p.

Robinson F. Atlas of the Islamic World Since 1500. N.Y.: Factson File, 1984. 238 p.

Sharp J. M. Yemen: Background and US Relations. Washington DC: Congressional Research Service Report, 2015. 33 p.

Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism. Washington DC: Embassy of the Republic of Yemen. 2017. 10 p.

Johnsen G., Boucek C. The dilemma of the Yemeni detainees at Guantánamo Bay // CTC Sentinel. 2008. Vol. 1. № 12. Pp. 1–4.

Саватеев А. Д., Хайруллин Т. Р. Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии // Ислам в современном мире. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–180.

Ansary A. F. Combating Extremism: A brief overview of Saudi Arabia's Approach // Middle East Policy Council. 2008. Vol. 15. № 2. Pp. 111–142.

References

Vasil'ev A. M., Issaev L. M., Korotayev A. V., Kozhanov N. A., Mardasov A. G., Semenov K. V., Khayrullin T. R. (2019). *Skhvatka za Blizhnii Vostok: Regional'nye aktory v usloviiakh rekonfiguratsii blizhnevostochnogo konflikta* [The Battle for the Middle East: Regional actors in the Middle East Conflict Reconfiguration]. Moscow: Lenand. 256 p.

Gordeev N. S. (2016). Deradikalizatsiia v ispravitel'nykh uchrezhdeniiakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Deradicalization in Correctional Institutions: Russian and Foreign Experience]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodejstvie nauki i praktiki*. Samara. Pp. 172–175.

Savateev A. D., Bokov T. A. (2017). Vosstanie khusitov v Iemene: shiito-sunnitskoe protivostoianie kak faktor geopoliticheskikh sdvigoov na Blizhnem Vostoke [Houthi Uprising in Yemen: Shia-Sunni Confrontation as a Factor of Geopolitical Shifts in the Middle East]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*. 2017. No. 1 (38). Pp. 105–123.

Sysoev A. M. (2014). Soderzhanie osuzhdennykh za proiavleniia ekstremizma v penitentsiarnykh uchrezhdeniiakh Izrailia i problem ikh deradikalizatsii [Detention of Those Convicted of Extremism in Israeli Penitentiary Institutions and Problems of Their De-radicalization]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2014. No. 1 (17). Pp. 84–86.

Khayrullin T. R. (2019). *Bor'ba za liderstvo v arabskom regione. Est' li shans dlja islamistov?* [The Struggle for Leadership in the Arab Region. Do Islamists have a Chance?]. Moscow: Institut Afriki RAN. 214 p.

Combating terrorism in Yemen Through the Committee for Religious Dialogue (2010). Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies Report. 27 p.

Robinson F. (1984). *Atlas of the Islamic World Since 1500*. N.Y.: Factson File. 238 p.

Sharp J. M. (2015). *Yemen: Background and US Relations*. Washington DC: Congressional Research Service Report. 33 p.

Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism (2017). Washington DC: Embassy of the Republic of Yemen. 10 p.

Johnsen G., Boucek C. (2008). The dilemma of the Yemeni detainees at Guantanamo Bay. *CTC Sentinel*. 2008. Vol. 1. No. 12. Pp. 1–4.

Savateev A. D., Khayrullin T. R. (2019). Deradikalizatsiia islamizma: opyt Saudovskoj Aravii [Deradicalization of Islamism: Case of Saudi Arabia]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 15, 2019, No. 3. Pp. 165–180.

Ansary A. F. (2008). Combating Extremism: A brief overview of Saudi Arabia's Approach. *Middle East Policy Council*. 2008. Vol. 15. No. 2. Pp. 111–142.

DERADICALIZATION OF ISLAMISM: CASE OF YEMEN

Abstract. The ongoing armed conflict in Yemen between the forces of ousted President M. Hadi, supported by the coalition units of the Gulf monarchies led by Saudi Arabia and the Houthi group Ansar Allah, has a destabilizing effect on the entire Arabian Peninsula as a whole. In this regard, the creation of a deradicalization program and its implementation will help to solve several main tasks. First, to change the worldview of members of Islamist groups and movements from radical to moderate. Secondly, it will significantly reduce the level of instability in the Middle East region, where the majority of armed conflicts is conducted under religious slogans. The main focus of this study is on measures to counter radical Islamism, which were taken by the Yemeni authorities before and after the events of the Arab Spring. At the initial stage, the Yemeni administration's use of the deradicalization program showed impressive results. However, the ongoing fighting, as well as the reluctance of the Yemeni elite to fund the deradicalization programme, led to its closure. The subsequent events of the Arab Spring brought additional instability to the domestic political situation in Yemen. Attempts to revive the program of deradicalization by the new Yemeni administration have failed. In general, the work done by the Yemeni authorities to deradicalize Islamism has demonstrated the ability to use non-violent methods of struggle, but their use is associated with serious financial investments, which the Yemeni state is not yet able to make due to the difficult financial situation caused by the prolonged armed conflict.

Keywords: deradicalization, Islamism, radical Islamism, instability, Middle East, Houthis, Yemen.

Timur R. KHAYRULLIN,

Cand. Sci. (Polit.), researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1, Spiridonovka Str., Moscow, 123001, Russian Federation); senior lecturer, Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskii Av., Moscow, 125993, Russian Federation).
E-mail: jumglaw16@yandex.ru

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

07.00.02 Отечественная история

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-145-162

А. Ю. Хабутдинов

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия»;
Московский исламский институт

РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ ТАТАРСТАНА В 2020 Г.

ХАБУТДИНОВ Айдар Юрьевич —

д-р ист. наук, проф., Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия

(420053, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, Ново-Азинская ул., 7а).

Заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский исламский институт
(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, 12).

E-mail: aihabutdinov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена развитию мусульманской общины Республики Татарстан (РТ) в 2020 г. Этим материалом автор продолжает серию публикаций, исследующих мусульманское сообщество Татарстана в 2000–2020-е гг. В статье автор приходит к выводу, что в РТ в целом сохраняется стабильность в религиозной сфере. В условиях отсутствия организационного единства российских мусульман усиливается расхождение позиций отдельных Духовных управлений мусульман, включая ДУМ РТ, при росте сходства их позиций с руководством соответствующих регионов. В Республике Татарстан, как и в других республиках в составе РФ, по мере сокращения преподавания титульных языков и в силу необязательности их изучения для школьников, растет роль ислама как в духовной, так и в образовательной и культурной сферах. Однако численность учащихся на курсах родного языка при ДУМ РТ в начале 2020/21 учебного года примерно равна численности учащихся одной средней школы. ¶ В республике продолжается выявление деятельности представителей запрещенных в Российской Федерации

радикальных организаций. Правоохранительные органы ведут с ними активную борьбу, что приводит к ликвидации их ячеек в РТ, арестам, вынесениям приговоров с реальными сроками.

Ключевые слова: мусульмане, ислам, Республика Татарстан, Духовное управление мусульман Республики Татарстан, радикальные течения, исламское образование.

Для цитирования: Хабутдинов А. Ю. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2020 г. // Ислам в современном мире, 2020; 4: 145–162;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-145-162

Статья поступила в редакцию: 16.10.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020

Настоящей статьей мы продолжаем серию публикаций, посвященных развитию мусульманской общины Татарстана в 2000–2010-е гг.¹ В статье традиционно отдается приоритет основным событиям в жизни мусульманской уммы Татарстана, связанной прежде всего с религиозным календарем. Феномен развития мусульманского сообщества в Республики Татарстан (РТ) в 1990-е гг. был достаточно подробно проанализирован в монографических трудах Р. М. Мухаметшина² и Р. А. Набиева³. Анализ ситуации в 2000-е гг. носил более эскизный характер и принадлежал по преимуществу тем же авторам⁴.

¹ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. История Духовных управлений мусульман России в XVIII–XXI вв. Н. Новгород: ННГУ, 2012. С. 206–215; Хабутдинов А. Ю. Религиозное и социально-экономическое развитие Татарстана в августе 2013 — июле 2014 г.: между двумя рамаданами // Ислам в современном мире. 2014. Т. 13. № 2. С. 84–99; *Его же*. Политическое и правовое развитие и роль религиозного фактора в политике: Республика Татарстан в конце 2014–2015 г. // Ислам в современном мире. 2015. Т. 14. № 4. С. 163–176; *Его же*. Ситуационный анализ: Республика Татарстан // Ислам в мультикультурном мире. 5-й Казанский международный научный форум. Казань, 5–6 ноября 2015 г.: материалы ситуационного анализа «Современное состояние российской уммы» (памяти Е. М. Примакова). Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2016. С. 86–137; *Его же*. Мусульманская община республики Татарстан и проявления радикальных течений в 2016 г.: ситуационный анализ // Ислам в мультикультурном мире: межконфессиональное согласие и преодоление радикализма. VI Казанский международный научный форум (Казань, 17–18 декабря 2016 г.): материалы мониторинга «Исламские радикальные движения и преодоление радикализма в современном мире (памяти Е. М. Примакова)». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. С. 91–109; *Его же*. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2016 — начале 2018 г. // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 2. С. 25–42; *Его же*. Эволюция мусульманской общины Татарстана в 2018–2019 гг. // Ислам в современном мире. 2019. Т. 15. № 4. С. 155–172.

² Мухаметшин Р. М. Татары и ислам в XX веке. Казань: Фэн, 2003.

³ Набиев Р. А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002.

⁴ Мухаметшин Р. М. Ислам в общественно-политической жизни современного Татарстана // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 7. Казань, 2013. С. 680–694; Набиев Р. А. Власть и религиозное возрождение. Казань: Изд-во Казанск ун-та, 2014. 304 с.

С 1998 г. монопольные позиции в мусульманской общине РТ занимает единое Духовное управление мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ), с 17 апреля 2013 г. муфтием является Камиль Самигуллин, который в 2003 г. учился в Северо-Кавказском исламском университете в Махачкале. С этого времени мы видим укрепление связей ДУМ РТ с ДУМ Дагестана. К. Самгуллин продолжил образование в Махачкале и в 2020 г. окончил магистратуру Дагестанского гуманитарного института по направлению «Теология»¹. Характерно, что на сайте ДУМ РТ эта информация отражена не была, однако имело место такое сообщение: «В Махачкалу прилетел председатель ДУМ Татарстана, муфтий Камиль-хазрат Самигуллин... По словам высокопоставленного гостя из Татарстана, он прилетел, чтобы специально поздравить выпускников Дагестанского гуманитарного института. Также духовный лидер мусульман Татарстана провел несколько деловых встреч: с муфтием Дагестана шейхом Ахмадом Афанди и председателем правительства РД Артемом Здуновым...

«Одной из отличительных особенностей Дагестана является один из самых эффективных муфтиятов в России. И это не случайно: его возглавляет один из самых сильных и уважаемых мусульманских лидеров страны, большой устаз и алим, муфтий шейх Ахмад хаджи Абдуллаев...» — написал Камиль-хазрат Самигуллин на своей странице в Instagram»².

В 2020 г. ряд федеральных СМИ все более увеличивают ставку на региональных муфтиев. Вместо трех традиционных центров — Совет муфтиев России (СМР) и Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ), Центральное Духовное управление мусульман России и Координационный центр мусульман Северного Кавказа — речь идет о восьми-деяти центрах российского ислама³. В рамках этой тенденции 14 ноября на сайте ДУМ РТ появилась информация: «Глава мусульман Татарстана — муфтий Камиль-хазрат Самигуллин вошел в рейтинг 10 самых влиятельных муфтиев России по версии информационно-консалтинговой компании «Религия сегодня». В топе ресурса Камиль-хазрат занял 2-е место.

Критерием отбора десяти мусульманских деятелей стало количество мечетей, находящихся в подчинении у того или иного муфтия, а также степень его влияния, определяемая близостью к власти, признанием

¹ Муфтий Татарстана приехал в Дагестан за дипломом об окончании магистратуры. [Электронный ресурс] // URL: <https://ndelo.ru/novosti/muftij-tatarstana-priehal-v-dagestan-za-diplomom-ob-okonchanii-magistratury> (дата обращения: 18.07.2020).

² Муфтият Дагестана один из самых эффективных в России — Камиль хазрат Самигуллин. [Электронный ресурс] // URL: <http://islam.ru/news/2020-07-20/58501> (дата обращения: 18.07.2020).

³ Силантьев Р. А. Равиль Гайнутдин покидает «высшую лигу». В РФ теперь восемь, а то и девять центров ислама. [Электронный ресурс] // URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2020-10-06/11_495_league.html (дата обращения: 6.10.2020).

среди российских мусульман и контактами с зарубежными мусульманскими организациями»¹.

Постановка проблемы на самом сайте выглядит несколько иначе: «Российская умма организационно никогда не была единой, а в постсоветский период представляла собой лоскутное одеяло, где мечети были поделены между юрисдикциями разных муфтиятов. Сейчас число муфтиев в России перевалило за 80 человек, так что порой в одном регионе могут параллельно функционировать сразу 6 муфтиятов»².

На 1-е место сайт «Религия сегодня» поставил муфтия Дагестана Ахмада Абдулаева. При этом особо отмечается, что ДУМ Дагестана якобы фактически не признает границы своего титульного субъекта Российской Федерации: «22 года он возглавляет муфтият Дагестана, который объединяет порядка 2 тыс. мечетей в этой республике, выступая также в роли суфийского шейха накшбандийского и шазилийского тарикатов. Благодаря его статусу влияние дагестанского муфтията значительно масштабнее и не ограничивается территорией региона, поскольку многочисленная дагестанская община по всей стране ориентируется больше на Махачкалу, чем на местные духовные центры ислама»³.

5-е место сайт «Религия сегодня» отдал муфтию Башкортостана Айнуру Биргалину: «Самый молодой из нынешних российских муфтиев (31 год), который чуть более года занимает свою должность»⁴.

16 июля 2020 г. в Казани состоялась встреча председателей ДУМ РТ и ДУМ РБ. Об этом мероприятии, проходившем в резиденции Духовного управления мусульман Республики Татарстан, сайт организации пишет следующее: «Глава ДУМ РБ приехал в Казань по случаю конференции о развитии борьбы корэш, которая прошла в стенах муфтията, и это не первый его визит в ДУМ РТ. Ранее он приезжал в столицу Татарстана с командой башкирских джитсеров для участия во всероссийских соревнованиях имени Ш. Марджани, проводимых ежегодно муфтиятом РТ». Далее руководители двух муфтиятов говорили о необходимости сотрудничества в издательской и просветительской деятельности. Муфтий ДУМ РБ рассказал о планах, связанных с изданием Духовным управлением мусульман РТ «Кәлам Шәриф. Мәгънәви тәржемә» — смыслов Корана на татарском языке. К. Самигуллин передал

¹ Камиль хазрат Самигуллин вошел в топ-10 муфтиев России. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_25013.html (дата обращения: 14.11.2020).

² Топ-10 муфтиев России. [Электронный ресурс] // URL: <https://reldtoday.com/news/top-10-muftiev-rossii/> (дата обращения: 13.11.2020).

³ Топ-10 муфтиев России. [Электронный ресурс] // URL: <https://reldtoday.com/news/top-10-muftiev-rossii/> (дата обращения: 13.11.2020).

⁴ Топ-10 муфтиев России. [Электронный ресурс] // URL: <https://reldtoday.com/news/top-10-muftiev-rossii/> (дата обращения: 13.11.2020).

электронные файлы этого текста ДУМ РБ. В результате, «на сегодняшний день муфтиятом Башкирии создается рабочая группа для реализации аналогичного проекта на башкирском языке»¹. 8 ноября 2019 г. в Болгаре на седьмом традиционном республиканском вечере Мавлид ан-Наби начальник отдела по шариатским вопросам Булат-хазрат Мубараков заявил: «Фундаментальный труд «Кәлам Шәриф. Мәгънәви тәржемә» является первым в истории ДУМ РТ собственным переводом смыслов Куръана, который издан в рамках Года толкования Куръана, объявленного в Татарстане»². Перевод смыслов Корана на башкирский язык приведёт к дальнейшему усилению отхода ДУМ РБ от татароязычной богословской традиции.

В начале июля 2020 г. Болгарская исламская академия (БИА) отметила первый выпуск магистров исламских наук. Ведущую роль в этой церемонии играл председатель Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России Талгат Таджуддин. Он поздравил участников знаменательного события, поблагодарив за большой вклад в создание БИА руководителей России и Татарстана: Президента Российской Федерации В. В. Путина, первого Президента Республики Татарстан М. Шаймиева, нынешнего Президента Р. Минниханова. Талгат Таджуддин выразил надежду, что в БИА будут созданы собственные традиции. Муфтий ЦДУМ напутствовал выпускников: «Там, за пределами академии, вас ждут миллионы людей с надеждой, что через вас получают то представление о вере, которое пытаются извратить радикалисты и экстремисты». Тем самым он дал понять, что возрождение мусульманской богословской традиции рассматривается не как самоцель, а прежде всего как необходимое условие для противостояния экстремизму и радикализму. После завершения официальной церемонии в Белой мечети Болгара состоялся джума-намаз, который также провел муфтий ЦДУМ Талгат Таджуддин. О значительной роли ЦДУМ для БИА свидетельствовал тот факт, что председателем аттестационной комиссии БИА был председатель РДУМ Оренбургской области ЦДУМ России, муфтий Альфит Шарипов. «В 2020 г. 23 человека завершили трехлетнее обучение в магистратуре БИА. Среди них — председатель ДУМ РТ, муфтий Камиль Самигуллин»³. Свою магистерскую диссертацию муфтий ДУМ РТ Камиль Самигуллин написал на арабском языке по теме «Богословские взгляды Зайнуллы ишана Расулева: на материале сборника

¹ Муфтий Татарстана Камиль-хазрат Самигуллин встретился с муфтием Башкортостана Айнуром-хазратом Биргалиным. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_24449.html (дата обращения: 16.07.2020).

² В Болгаре прошел республиканский Мавлид ан-Наби. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_23144.html (дата обращения: 08.11.2019).

³ В Болгарской исламской академии состоялся первый выпуск магистров исламских наук. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdum.ru/news/44/10940/> (дата обращения: 3.07.2020).

*Ар-рисала ал-Хыдырийа»*¹. В этом мы видим продолжение суфийской ориентации К. Самигуллина, так как Зайнулла Расули был выдающимся шейхом тариката накшбандийа. Одновременно Зайнулла хазрат поддерживал джадидскую реформу, предложенную Исмаилом Гаспринским и своим мюридом ректором казанского медресе «Мухаммадия» Галимджаном Баруди, который в 1917 г. стал муфтием ЦДУМ.

12 ноября 2020 г. состоялся пленум Духовного управления мусульман РТ, где были подведены предварительные итоги Года родного языка, каковым нынешний год был объявлен в Татарстане. Муфтий Татарстана Камиль-хазрат Самигуллин еще одним достижением в рамках Года родного языка назвал организацию примечетских курсов татарского языка при 100 мечетях республики. На ноябрь их посещали 1225 человек². В итоге число обучающихся на курсах оказалось примерно равно числу учащихся одной средней школы города, но меньше количества мечетей в республике. Число посетителей примечетских курсов татарского языка также сопоставимо с числом поступивших в мусульманские религиозные учебные заведения РТ. На пленуме заместитель муфтия РТ по образованию, ректор Российского исламского института (РИИ) и Казанского исламского университета (КИУ) Рафик Мухаметшин заявил, что в 8 медресе, РИИ, КИУ и БИА всего поступило 1050 человек³. В 2020 г. в исламских учебных заведениях РТ завершило учебу около 700 шакирдов, включая 194 шакирда казанского медресе «Мухаммадия»⁴.

В условиях пандемии важнейшей составляющей деятельности ДУМ РТ стала благотворительность: «В первый день Священного месяца Рамадан в Республике Татарстан по инициативе Духовного управления мусульман стартовал традиционный благотворительный марафон «Рамадан — месяц добрых дел». В течение месяца «ифтар-наборы доставлены 30 000 нуждающимся в 40 районов Татарстана, 60 казанских мечетей и 10 социальных учреждений... В общей сложности благодаря организаторам VIII Республиканского ифтара, акции «Дорога жизни» мечети «Ярдәм» и имамам Татарстана в республике нуждающиеся обеспечены 180 000 продовольственных пакетов и ифтар-наборов. Их стоимость составляла от 155 до 3000 рублей»⁵.

¹ В БИА наградили первых магистров исламских наук. Среди них — муфтий Татарстана и имам-мухтасиб Буинского района. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_24386.html (дата обращения: 3.07.2020).

² В ДУМ РТ подвели предварительные итоги Года родного языка. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_25003.html (дата обращения: 12.11.2020).

³ В ДУМ РТ прошло заседание пленума. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_25004.html (дата обращения: 12.11.2020).

⁴ В 2020 году учебу в исламских образовательных организациях РТ завершат около 700 шакирдов. [Электронный ресурс] // URL: http://magarifrt.ru/news/news_1198.html (дата обращения: 19.06.2020).

⁵ Благотворительный марафон «Рамадан — месяц добрых дел» завершен: сколько нуждающихся в Татарстане получили помощь? [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_24222.html (дата обращения: 25.05.2020).

Даты религиозных мусульманских праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам в последние годы в РТ назначаются указами главы республики, как это было и в 2020 г.¹ В Курбан-байраме в резиденции ДУМ РТ в Галиевской мечети Казани принял участие Президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов. Муфтий ДУМ РТ Камиль Самигуллин призвал к классовой солидарности: «Вера и братство объединяют наши сердца. Курбан-байрам стирает грань между бедными и богатыми, сближает людей. Вот и сегодня вместе с нами здесь, в одном ряду, находится Президент Татарстана. Абу Али ал-Фидайл ибн Ийад призвал совершать ду'а (молитву. — А. Х.) за правителей, ибо если глава государства будет богобоязненным и справедливым, то таковым будет и народ. Давайте совершим ду'а за наших руководителей! Пусть их труд будет успешным, намерения будут искренними, а добрые дела принесут пользу нашей республике и нашей религии!»² Напомним, что ал-Фудайл (725–803 гг.) был уроженцем Самарканда, известным богословом и хадисоведом.

В условиях пандемии и самоизоляции особую роль приобрела трансляция религиозных обрядов и знаний через электронные СМИ. В нынешнем году из Галиевской мечети «была организована прямая трансляция Курбан-байрама на телеканалах “ТНВ Татарстан”, “ТНВ Планета” и “Хузур ТВ”, официальном сайте ДУМ РТ dumrt.ru, сайте ИА “Татаринформ” и YouTube-канале “Хузур ТВ”»³.

12 ноября 2020 г. на пленуме Духовного управления мусульман РТ советник муфтия по информационной политике Ришат Хамидуллин рассказал об итогах деятельности ИД «Хузур» и мусульманского телевидения «Хузур ТВ». Среди планов «Хузур ТВ» — вещание на двух отдельных (татароязычном и русскоязычном) каналах. В течение 2020 г. ИД «Хузур» издано 65 наименований книг общим тиражом 150 000 экз., на радио “Азан” прошло 18 000 выпусков собственных программ, для сайта электронной библиотеки Darul-kutub.com было оцифровано 102 старинных издания. Важнейшей разработкой стал завершённый проект онлайн-медресе для получения религиозных знаний по Интернету. По утверждению Ришата Хамидуллина, «его контент сформирован полностью на татарском языке». В условиях отсутствия системы высшего (кроме подготовки преподавателей татарского языка и литературы

¹ Указ президента Республики Татарстан от 2 мая 2020 года № УП-265 “Об определении дней проведения праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам в 2020 году”. [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2020/05/04/tatarstan-ukaz265-reg-dok.html> (дата обращения: 4.05.2020).

² Муфтий Татарстана провёл Курбан-байрам в Галиевской мечети. Гает посетил Президент РТ. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_24528.html (дата обращения: 31.07.2020).

³ Муфтий Татарстана провёл Курбан-байрам в Галиевской мечети. Гает посетил Президент РТ. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_24528.html (дата обращения: 31.07.2020).

и педагогов по ряду других школьных дисциплин) и среднего профессионального образования на татарском языке именно медресе становятся единственными центрами профессионального образования на родном языке. Сайт Islam-today.ru (учредитель Р. Хамидуллин) посетили 27 миллионов человек¹. Мы видим, что ДУМ РТ активно осваивает социальные сети и интернет-пространство, что должно способствовать вовлеченности подрастающего поколения в дела религии.

Вместе с тем цифры реального привлечения детей к мероприятиям ДУМ РТ остаются достаточно скромными. 12 ноября на пленуме ДУМ РТ муфтий Татарстана Камиль-хазрат Самигуллин указал, что в январе 2020 г. зимние каникулы в мечетях республики были организованы для 2500 детей². Из-за эпидемии коронавируса Мавлид ан-наби (День рождения пророка Мухаммада), который стал массовым мероприятием для детей, в последние годы, при муфтии Камиле Самигуллине, приобрел несколько иной акцент.

28 октября в Болгаре прошел традиционный вечер Мавлид ан-Наби. «Заместитель председателя ДУМ РФ, председатель ДУМ города Москвы Ильдар-хазрат Аляутдинов поприветствовал единоверцев в Татарстане от имени главы ДУМ РФ Равиля-хазрата Гайнутдина, поздравил всех с Мавлидом... Далее Ильдар-хазрат прочитал содержательный вагаз о Пророке и братстве мусульман, подчеркнув, что статус брата по вере нужно заслужить и суметь пронести через всю свою жизнь»³. Отметим, что Ильдар Аляутдинов с 2012 г. является ответственным секретарем Совета улемов ДУМ РФ.

В ноябре 2020 г. в ряде СМИ, в том числе федеральных, появилась информация о запрете мусульманам вступать в религиозный брак с представительницами другой веры, что вызвало широкий общественный резонанс. Это сообщение было основано на Богословском заключении № 5/19, в котором, в частности, говорилось: «Совет улемов Централизованной религиозной организации Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) в ходе очередного расширенного заседания, состоявшегося 22-го числа месяца раби ал-аввал 1441 года по лунному календарю, что соответствует 19 ноября 2019 г. по григорианскому календарю... постановил: межконфессиональные браки, в частности, с представительницами людей Писания, на территории РФ недопустимы и возможны лишь в определенных единичных случаях по решению местного муфтия, который

¹ В ДУМ РТ прошло заседание пленума. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_25004.html (дата обращения: 12.11.2020).

² В ДУМ РТ подвели предварительные итоги Года родного языка. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_25003.html (дата обращения: 12.11.2020).

³ В Болгаре состоялся вечер Мавлид ан-Наби с участием гостей из разных регионов страны. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_24943.html (дата обращения: 28.10.2020).

рассматривает и принимает во внимание все обстоятельства данного конкретного случая»¹.

Не вдаваясь в суть данной проблемы, сконцентрируемся на реакции как ДУМ РТ, так и властей РТ на данное заключение. Отметим, что волна против него вначале поднялась не из Казани.

10 ноября 2020 г. «Реальное время» в «Инстаграме» задало муфтию Татарстана вопрос, не повлияет ли решение ДУМ России на межнациональные и межконфессиональные отношения в республике.

«Мы не имеем отношения к ДУМ РФ. Поэтому их заключения никак не повлияют на взаимоотношения в Республике Татарстан», — ответил на вопрос Камиль-хазрат Самигуллин².

Секретарь Совета улемов ДУМ Татарстана Рустам Нургалеев отметил, что «мусульмане Республики Татарстан не ассоциируют себя с муфтиятом ДУМ РФ, и это решение точно не касается тех регионов, которые имеют свои духовные управления и других муфтиев». Нургалеев подчеркнул, что ДУМ РТ согласно ханафитской богословской традиции позволяет «заключать межконфессиональные браки, то есть мусульманин может заключить брак с иудейкой, христианкой». Нургалеев заверил, что имамы в республике при заключении никахов, «не смотрят на паспорт, а обращают внимание на такие вещи, как согласие опекунов и родителей невесты»³.

Не совсем понятен последний тезис, про паспорта, так как религиозная принадлежность указывалась в паспортах во времена Российской империи, где запрещались брак христиан с нехристианами.

Ректор Российского исламского института, заместитель председателя ДУМ РТ Рафик Мухаметшин заявил, что, согласно ханафитскому мазхабу, браки с христианками и иудейками «вполне допустимы... Поскольку в Татарстане нет запрета на такие браки, здесь в республике проблем не вижу»⁴.

Руководитель пресс-службы президента РТ Лилия Галимова подчеркнула: «Если к этому вопросу подойти формально, то у нас вопрос

¹ Богословское заключение № 5/19 [Электронный ресурс] // URL: [\(1\).pdf](http://dumrf.ru/photos/files/files/%D0%91%D0%9E%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%9B%D0%9E%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95%D0%97%D0%90%D0%9A%D0%9B%D0%AE%D0%A7%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95%D0%9C%D0%95%D0%96%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A4%D0%95%D0%A1%D0%A1%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AB%D0%95%D0%91%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%98) (дата обращения: 12.11.2020).

² Муфтий Татарстана отреагировал на запрет мусульманам заключать межконфессиональные браки. [Электронный ресурс] // URL: <https://realnoevremya.ru/news/193475-muftiy-rt-otreagirol-na-zapret-zaklyuchat-mezhkonfessionalnye-braki> (дата обращения: 12.11.2020).

³ Муфтий Москвы и ДУМ Татарстана не согласились с фетвой о запрете браков с иноверцами. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=76119> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴ «Попахивает дискриминацией»: московские богословы пошатнули межконфессиональную дружбу в Татарстане. [Электронный ресурс] // URL: <https://realnoevremya.ru/articles/193487-gaynutdin-i-samigullin-ne-podelili-mezhkonfessionalnye-braki> (дата обращения: 11.11.2020).

бракосочетания регулируется законодательством РФ и никакими другими документами. Если к вопросу подойти неформально, то мы, конечно же, должны понимать, что живем в многонациональном, многоконфессиональном государстве»¹.

Таким образом, мы видим явное единство властей и ДУМ РТ по этому вопросу, продемонстрированное в достаточно жесткой форме и подчеркивающее отсутствие связей между ДУМ РФ и ДУМ РТ, хотя вышеуказанное заключение было принято не съездом ДУМ РФ, а Советом улемов ДУМ РФ,

Вместе с тем отличная от мнения муфтиев этнических татар, включая председателя ЦДУМ Т. Таджудина и ДСМ России А. Крганова, позиция Совета улемов ДУМ РФ получила поддержку в Чечне: «Богословское заключение Духовного управления мусульман России о недопустимости межконфессиональных браков является общеизвестной истиной в исламе, считает муфтий Чечни Салах-Хаджи Межиев...

«Эти браки и ранее не разрешали для того, чтобы запрещать: все и так знают, что в исламе никах (бракосочетание) с немусульманкой запрещен, нет никакой необходимости это обсуждать и говорить об этом, никаких споров и разногласий в этом вопросе нет», — заявил муфтий РИА «Новости»².

Важнейшей сферой деятельности государственных органов продолжает оставаться противостояние проявлениям радикализма и экстремизма.

30 октября 2020 г. произошло событие, которое заставило вспомнить о взрыве газопровода рядом с административной границей Республики Татарстан и Кировской области — в Кукморском районе РТ — в декабре 1999 г. Имеется в виду эпизод, послуживший основанием для расследования дела по статьям «Покушение на террористический акт» и «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», случившийся в районном центре Кукмор: «30 октября около 00.30 участковый уполномоченный полиции во время парковки служебного автомобиля на территории ОМВД России по Кукморскому району заметил возгорание на земле и осколки стекла. В ходе тушения возгорания в сторону парковки неизвестным через ограду была брошена еще одна бутылка, предположительно, с горючей смесью, после чего злоумышленник попытался скрыться.

Участковым совместно с дежурившим в эту ночь начальником ИВС ОМВД России по Кукморскому району было организовано преследование.

¹ Власти Татарстана прокомментировали заключение ДУМ РФ о браках. [Электронный ресурс] // URL: <https://realnoevremya.ru/news/193663-kazanskiy-kreml-prokommentiroval-zaklyucheniye-dum-rf-o-brakah> (дата обращения: 12.11.2020).

² Муфтий Чечни высказался о запрете на межконфессиональные браки. [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20201110/braki-1584019202.html> (дата обращения: 10.11.2020).

Когда полицейские настигли злоумышленника, тот начал угрожать им ножом. На неоднократные требования прекратить противоправные действия, молодой человек не реагировал. При задержании оказал активное сопротивление и нанес одному из полицейских несколько ножевых ранений.

Учитывая агрессивное и общественно-опасное поведение гражданина, в соответствии с Законом «О полиции», правоохранители применили табельное оружие. В результате злоумышленник, местный житель 2004 года рождения, от полученных ранений скончался на месте»¹.

«Под особый контроль расследование дела по статьям “Покушение на террористический акт” и “Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа” взяли прокуратура РТ и президент Татарстана.

Подросток не стоял на учете как склонный к экстремизму...

...Отчим подростка Марат Замалиев был судим за подрыв газопровода. Накануне его задержали. Вместе с Замалиевым был задержан еще один мужчина, который проходил с ним по делу о подрыве газопровода и работал у него в кафе»². «Кроме Замалиева были задержаны еще пять человек... СМИ со ссылкой на «Интерфакс» сообщают имена арестованных: это местные жители Раис Закиров, Рустам Маняпов, Ильфат Абдуллин, Альфред Гильмуллин и Рифат Ахмадуллин. Также сообщается, что все они якобы являлись фигурантами дела о подрыве газопроводов и ранее были осуждены»³.

Напомним список осужденных в 2001 г.: «Перед судом предстали 11 членов диверсионной группы: жители Кукморского района Татарии Марат Замалиев, Рифат Ахмадуллин, Ильфат Абдуллин, Альфред Гильмуллин, Рустам Маняпов, Раис Закиров, Айдар Зарипов и Ильшат Хамидуллин, а также Олег Бабушкин из Вятских Полян и Нурыман Саитбатов из Башкирии. Им были предъявлены обвинения в совершении диверсии, хранении и изготовлении взрывных устройств». 18 января 2001 г. «Верховный суд Татарии вынес приговор группе диверсантов, обвиняемой во взрыве трех магистральных газопроводов в декабре 1999 года. В общей сложности они проведут в заключении 136 лет»⁴. Как мы видим, фамилии действительно совпали.

¹ В Кукморском районе Республики Татарстан полицейские ликвидировали вооружённого злоумышленника. [Электронный ресурс] // URL: <https://16.xn--b1aew.xn--plai/news/item/21658354/> (дата обращения: 30.10.2020).

² В Кукморе арестовали отчима подростка, напавшего на полицейских с ножом Марата Замалиева заключили под стражу на два месяца. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/incident/01-11-2020/v-kukmore-arestovali-otchima-podrostka-napavshego-na-politseyskih-s-nozhom-5782709> (дата обращения: 1.11.2020).

³ Все 6 фигурантов по делу о покушении на теракт в Кукморе арестованы — СМИ назвали их имена. [Электронный ресурс] // URL: <https://kam.business-gazeta.ru/news/487063> (дата обращения: 4.11.2020).

⁴ Идиатуллин Ш., Шептицкий А. Татарские диверсанты пытались оставить Европу без газа и получили 136 лет лишения свободы. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/135029> (дата обращения: 19.01.2001).

Наиболее опасной в современных условиях была бы радикализация молодежи по образцу 1990-х гг. В начале 2000-х гг. мы писали об исторических корнях и зарождении этого феномена в РТ¹.

12 ноября 2020 г., на пленуме Духовного управления мусульман РТ муфтий К. Самигуллин «напомнил, что подросток из Кукмора не являлся шакирдом ни одного из республиканских медресе и не посещал мечетей района, а также отметил, что Кукморский район является одним из ведущих мухтасибатов ДУМ РТ, в котором функционирует 76 мечетей и 1 медресе... Камиль-хазрат положительно охарактеризовал мухтасибат, который активно реализует инициативы по сохранению и развитию татарских национальных и истинных мусульманских традиций»². Таким образом, ДУМ РТ заявило, что не несёт ответственности за события в Кукморе.

В отчете министра внутренних дел по Республике Татарстан А. В. Хохорина о деятельности полиции за 2019 год содержатся следующие сведения:

«В 2019 году совместно с органами ФСБ выявлено 52 преступления террористического характера (2018 г. — 45) и 7 — экстремистской направленности (2018 г. — 34), совершённые:

– 23 — лидерами и участниками ячеек международной террористической организации “Хизб ут-Тахрир ал-Ислами”³, из них: 11 — по ч. 1.1 ст. 205.1 (финансирование терроризма), 8 — по ч. 1 и 2 ст. 205.5 (организация и участие в террористической деятельности), 2 — по ст. 205.2 (публичные призывы к террористической деятельности), 1 — по ч. 2 ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и 1 — по ч. 1 ст. 30, ст. 278 (действия, направленные на насильственный захват власти) УК РФ;

– 20 — сторонниками международного экстремистского религиозного объединения “Ат-такфир вал-хиджра”⁴, из них: 9 — по ч. 1 ст. 205.1 (финансирование терроризма), 2 — по ч. 1.1 ст. 205.1 (склонение, вербовка или иное вовлечение лица в участие МТО), 1 — по ст. 205.2 (публичные призывы к террористической деятельности), 2 — по ст. 205.6 (несообщение о готовящемся или совершенном преступлении террористического

¹ Хабутдинов А. Ю. Ваххабизм в Татарстане: сегодняшняя ситуация в исторической ретроспективе // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 86–107; *Его же*. Современный Татарстан: между национализмом и исламом // Конфликт — Диалог — Сотрудничество. 2000. Бюллетень № 2. С. 120–127.

² В ДУМ РТ прошло заседание пленума. 12 ноября 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_25004.html (дата обращения: 12.11.2020).

³ Верховный Суд Российской Федерации решением № ГКПИ 03-116 от 14.02.2003 признал организацию «Хизб ут-Тахрир ал-Ислами» террористической и запретил ее на территории Российской Федерации.

⁴ Верховный Суд Российской Федерации решением № ГКПИ 10-848 от 15.09.2010 признал организацию «Ат-Такфир вал-Хиджра» экстремистской и запретил ее на территории Российской Федерации.

характера), 1 — по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 (приготовление к участию в деятельности террористической организации), 3 — по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 208 (попытка участия в деятельности НВФ), 1 — по ч. 2 ст. 208 (участие в деятельности международной террористической организации), 1 — по ст. 30, ч. 2 ст. 205 (приготовление к совершению террористического акта) УК РФ;

– 8 — членами запрещённых международных террористических организаций “Исламское государство” и “Джебхат ан-Нусра”¹, участвующих в вооружённом конфликте на территории Сирии, из них: 5 — по ч. 2 ст. 205.5 (участие в деятельности террористической организации), 1 — по ч. 2 ст. 208 (участие в вооружённом формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооружённом формировании, не предусмотренном законодательством данного государства), 1 — по ч. 1.1 ст. 205.1 (склонение, вербовка или иное вовлечение лица в участие в МТО), 1 — по ст. 205.2 (публичные призывы к террористической деятельности)...

...К уголовной ответственности привлечено 11 человек, в том числе — 2 лидера радикальных организаций и объединений.

26.08.2019 вынесен обвинительный приговор по ч. 2 ст. 205.5 (участие в деятельности террористической организации) и ч. 1 ст. 205.1 (финансирование террористической деятельности) УК РФ в отношении Галимова Р. Г, который в период с ноября 2015 года по апрель 2018 года участвовал в деятельности Казанской ячейки МТО “Хизб ут-Тахрир ал-Ислами” с целью распространения радикальной исламской идеологии, изменения конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации (приговорён к 14 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима).

16.12.2019 вынесен обвинительный приговор по ч. 1 и ч. 2 ст. 205.5 (организация и участие в деятельности террористической организации) и ч. 1 ст. 205.1 (финансирование террористической деятельности) УК РФ в отношении Якубова З. Н. (приговорён к 17 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на срок 1 год) и Багаутдинова Д. З. (приговорён к 11 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима), которые, один будучи лидером и остальные участниками Казанской, Тетюшской и Апастовской ячеек международной террористической организации “Хизб ут-Тахрир ал-Ислами”, в период с апреля 2015 года по апрель 2018 года создали условия для функционирования структуры организации на территории Республики Татарстан для распространения радикальной

¹ Решением Верховного Суда РФ № АКПИ 14-1424С от 29 декабря 2014 г. международные организации «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» («Фронт победы») признаны террористическими и запрещены на территории Российской Федерации.

исламской идеологии, изменения конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации»¹.

Работа по выявлению лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности, продолжилась и в 2020 г. Так, через неделю после событий в Кукморе, 6 ноября, «в Казани задержали пятирх членов запрещенной в РФ террористической организации “Хизб ут-Тахрир ал-Ислами”, занимавшихся вербовкой среди мусульман Татарстана...

По данным спецслужбы, задержанные “осуществляли антиконституционную деятельность, основанную на доктрине создания так называемого всемирного халифата, разрушения институтов светского общества и направленную на свержение насильственным путем действующей власти”. Они распространяли свою идеологию среди татарстанцев, вербовали в свои ряды мусульман»². 6 ноября 2020 г. “Бахитовский суд Казани избрал меру пресечения в виде заключения под стражу всем пятерым вербовщикам из запрещенной в России террористической организации “Хизб ут-Тахрир ал-Ислами”, сообщает корреспондент “Реального времени”»³.

Таким образом, в 2020 г. мы видим усиление активности ДУМ РТ прежде всего в сфере религиозного просвещения и благотворительной деятельности. В условиях отсутствия организационного единства российских мусульман усиливается расхождение позиций отдельных духовных управлений мусульман, включая ДУМ РТ, при увеличении схождения их позиций с точкой зрения руководства соответствующих регионов. В Республике Татарстан возрастает роль ислама как в духовной, так и в образовательной и культурной сферах. Однако численность учащихся на курсах родного языка при ДУМ РТ в начале 2020/21 учебного года и в лагерях при мечетях ДУМ РТ в начале 2020 г. оставалась незначительной. В Болгарской исламской академии в июле 2020 г. прошли первые защиты магистерских диссертаций. В условиях пандемии ДУМ РТ активно осваивает социальные сети и интернет-пространство. Важнейшей целью ДУМ РТ называется создание онлайн-медресе для получения религиозных знаний по Интернету с полностью татароязычным контентом.

В республике продолжают выявлять деятельность представителей запрещенных в Российской Федерации радикальных организаций.

¹ Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан. Отчет министра внутренних дел по Республике Татарстан А. В. Хохорина о деятельности полиции за 2019 год [Электронный ресурс] // URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1792520> (дата обращения: 12.11.2020).

² В Казани задержали пять вербовщиков из «Хизб ут-Тахрир». [Электронный ресурс] // URL: <https://realnoevremya.ru/news/193021-pyat-verbovschikov-iz-hizb-ut-tahrir-zaderzhany-v-kazani> (дата обращения: 6.11.2020).

³ Суд арестовал всех пятерых вербовщиков «Хизб ут-Тахрир ал-Ислами». [Электронный ресурс] // URL: <https://realnoevremya.ru/news/193044-sud-arestoval-vseh-pyateryh-verbovschikov-hizb-ut-tahrir-al-islami> (дата обращения: 6.11.2020).

Правоохранительные органы ведут с ними активную борьбу, что приводит к новым арестам, судебным процессам и приговорам по делам участников радикальных организаций, запрещенных в РФ. В целом сохраняется стабильная ситуация в этнорелигиозной сфере.

Литература

Мухаметшин Р. М. Ислам в общественно-политической жизни современного Татарстана // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 7. Казань, 2013. С. 680–694.

Мухаметшин Р. М. Татары и ислам в XX веке. Казань: Фэн, 2003. 303 с.

Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. История Духовных управлений мусульман России в XVIII–XXI вв. Н. Новгород: ННГУ, 2012. 262 с.

Набиев Р. А. Власть и религиозное возрождение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2014. 304 с.

Набиев Р. А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. 244 с.

Хабутдинов А. Ю. Ваххабизм в Татарстане: сегодняшняя ситуация в исторической ретроспективе // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 86–107.

Хабутдинов А. Современный Татарстан: между национализмом и исламом // Конфликт — Диалог — Сотрудничество. 2000. Бюллетень № 2. С. 120–127

Хабутдинов А. Ю. Мусульманская община Республики Татарстан и проявления радикальных течений в 2016 г.: ситуационный анализ // Ислам в мультикультурном мире: межконфессиональное согласие и преодоление радикализма. VI Казанский международный научный форум (Казань, 17–18 декабря 2016 г.): материалы мониторинга «Исламские радикальные движения и преодоление радикализма в современном мире (памяти Е. М. Примакова)». Казань, изд-во Казанского ун-та, 2017. С. 91–109.

Хабутдинов А. Ю. Религиозное и социально-экономическое развитие Татарстана в августе 2013 — июле 2014 г.: между двумя рамаданами // Ислам в современном мире. 2014. № 2. С. 84–99.

Хабутдинов А. Ю. Политическое и правовое развитие и роль религиозного фактора в политике: Республика Татарстан в конце 2014–2015 г. // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 163–176.

Хабутдинов А. Ю. Ситуационный анализ: Республика Татарстан // Ислам в мультикультурном мире. 5-й Казанский международный научный форум. Казань, 5–6 ноября 2015 г.: материалы ситуационного анализа «Современное состояние российской уммы» (памяти Е. М. Примакова). Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2016. С. 86–137.

Хабутдинов А. Ю. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2016 — начале 2018 г. // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 2. С. 25–42.

Хабутдинов А. Ю. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2018–2019 гг. // Ислам в современном мире. 2019. Т. 15. № 4. С. 155–172.

References

Aidar Yu. Khabutdinov (2000a). Vahhabizm v Tatarstane: segodnyashnyaya situatsiya v istoricheskoy retrospektive [Wahhabism in Tatarstan: the Current Situation in Historical Perspective]. *Vestnik Evrazii*. 2000. No. 2. Pp. 86–107.

Aidar Yu. Khabutdinov (2000b). Sovremennyy Tatarstan: mezhdu nacionalizmom i islamizmom [Modern Tatarstan: Between Nationalism and Islamism]. *Konflikt–Dialog–Sotrudnichestvo*. 2000. Bulletin 2. Pp. 120–127.

Aidar Yu. Khabutdinov (2014). Religioznoye i sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Tatarstana v avguste 2013–iyule 2014: mejdu dvumya ramadanami [Religious and socio-economic development of Tatarstan in August 2013–July 2014: between two Ramadans]. *Islam v sovremennom mire*. 2014. No. 2. Pp. 84–99.

Aidar Yu. Khabutdinov (2015). Pravovoye i politicheskoye razvitiye Respubliki Tatarstan v kontse 2014–2015 g. [Legal and political development of the Republic of Tatarstan at the end of 2014–2015]. *Islam v sovremennom mire*. 2015. No. 4. Pp. 163–176.

Aidar Yu. Khabutdinov (2016). Situatsionny analiz: Respublika Tatarstan [Situational Analysis: Republic of Tatarstan]. *Islam v mul'tikulturnom mire. V Kazanski mejdunarodni nauchni forum*. Kazan: KFU. Pp. 86–136.

Aidar Yu. Khabutdinov (2017) Musul'manskaya obschina Respubliki Tatarstan i proyavleniya radikalnih techenii v 2016 godu: situatsionny analiz [The Muslim Community of the Republic of Tatarstan and Manifestations of Radical Trends in 2016: situational analysis]. *Islam v mul'tikulturnom mire. VI Kazanski mejdunarodni nauchni forum*. Kazan: KFU. Pp. 91–109.

Aidar Yu. Khabutdinov (2018) Razvitiye Musul'manskoi obschini Respubliki Tatarstan v 2016–nachale 2018 [The Development of Muslim Community of Republic of Tatarstan in 2016 — Early 2018]. *Islam v sovremennom mire*. 2018. No. 4. Pp. 163–176.

Aidar Yu. Khabutdinov (2019) Evolyuciya musul'manskoj ummy` Tatarstana v konce 2018–2019 gg. [The Development of Muslim Community (Ummah) of Republic of Tatarstan in Late 2018–2019]. *Islam v sovremennom mire*. 2019. No. 4. Pp. 155–172.

Rafiq M. Mukhametshin (2003). *Tatary i islam v XX veke* [Tatars and the Islam in the 20th Century]. Kazan: Fan. 303 s.

Rafiq M. Mukhametshin (2013). Islam v obshchestvenno-politicheskoy zhizni sovremennogo Tatarstana [Islam in Social and Political Life of Present-Day Tatarstan]. In *Istoriya tatar s drevnejshih vremen: v 7 t.* Vol. 7. S. 680–694.

Damir V. Mukhetdinov, Aidar Yu. Khabutdinov (2012). *Istoriya Duhovnyh upravlenij musul'man Rossii v XVIII–XXI vv.* [The History of Spiritual Boards of Muslims of Russia in XVIII–XXI Centuries]. Nizhniy Novgorod: NNGU. 262 p.

Rinat A. Nabiev (2002). *Islam i gosudarstvo: kul'turno-istoricheskaya ehvolyuciya musul'manskoj religii na Evropejskom Vostoke* [Islam and the State: Cultural and Historical Evolution of Islam in European East of Russia]. Kazan: KGU. 244 s.

Rinat A. Nabiev (2014). *Vlast' i religioznoe vozrozhdenie* [The Power and the Religious Renaissance]. Kazan: KFU. 304 s.

THE MUSLIM COMMUNITY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN 2020

Abstract. This article is devoted to the development of the Muslim community of the Republic of Tatarstan (RT) in 2020. By this paper the author continues the series of publications that explore the Muslim community of Tatarstan in the 2000s and 2010s. The article concludes that stability in the religious sphere is generally maintained in the Republic of Tatarstan. Muslim spiritual boards of different regions of Russia do not coordinate their activity in general, therefore, their points of view become closer to those of local authorities. The same could be said about the Muslim Spiritual Administration of the Republic of Tatarstan. In the Republic of Tatarstan, as well as in other republics within the Russian Federation, the role of Islam in spiritual, educational and cultural aspects has to grow due to the loss of status of national values in secondary education. However, the number of students in the native language courses at the Muslim Spiritual Administration of the Republic of Tatarstan at the beginning of the 2020 academic year is approximately equal to the number of students of only one secondary school.

The authorities of the Republic of Tatarstan continue to find out activities of extremist organizations prohibited by the Russian law. Law enforcement agencies are actively fighting them; it leads to the elimination of their groups in the Republic of Tatarstan, arrests, and sentencing to imprisonment.

Keywords: Muslims, Islam, Republic of Tatarstan, Muslim Spiritual administration of the Republic of Tatarstan, radical trends, Islamic education.

Aidar Yu. Khabutdinov,

D. Sci. (Hist.), professor, Kazan branch of Russian State University of Justice
(7a, Novo-Azinskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420053, Russian Federation);
head of Chair of Humanities, Moscow Islamic Institute
(12, Kirova Lane, Moscow, 109382, Russian Federation).
E-mail: aihabutdinov@mail.ru

Г. Я. Гузельбаева,
Казанский федеральный университет, г. Казань

ИСЛАМСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ В СЕМЬЯХ СОБЛЮДАЮЩИХ МУСУЛЬМАН ТАТАРСТАНА В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

ГУЗЕЛЬБАЕВА Гузель Яхиевна

канд. социол. наук, доц.,

Институт международных отношений,

Казанский федеральный университет

(420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18)

E-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Аннотация. Исследование практик исламского воспитания и обучения среди семей соблюдающих мусульман Республики Татарстан, которые самостоятельно выбирают и организуют семейную форму образования для своих детей школьного возраста, показало, что, по мнению самих родителей, им удастся обеспечить более насыщенное изучение исламских дисциплин и более содержательную передачу представления о мусульманской культуре, чем если бы их дети продолжали посещать школу. Под религиозной социализацией мы понимаем процесс, в ходе которого люди приобщаются к принятым в их окружении религиозным практикам, а также научаются соответствующему поведению. Статья сфокусирована на том, каким образом соблюдающие мусульмане и их дети справляются со сложностями в соблюдении исламских правил и выполнении предписанных

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-011-31777 «Религиозные институты в эпоху общественных потрясений: стратегии, трансформация легитимации, ожидания общества».

религиозных обрядов в государственной школе, какие аспекты стандартного светского образования и школьной среды затрудняют усвоение детьми исламской этики. Семейная форма образования предоставляет возможности для максимального невыхода ребенка за пределы верующего окружения, что имеет большое значение для исламского воспитания. Неформальный подход к распорядку учебного процесса и индивидуальное расписание освобождает часть времени для изучения основ ислама. Это, как утверждают защитники семейной формы образования, обеспечивает плавное и естественное принятие религиозных установок, усвоение нравственных норм и практическое исполнение предписаний своей конфессии. Статья содержит также мнение другой части мусульман, светских родителей и экспертов о желательном контроле за образовательным и воспитательным процессом, который следует организовать как государственным органам, так и муфтияту.

Ключевые слова: исламское воспитание, религиозная социализация, семейное образование, российское образование, родительское влияние.

Для цитирования: Гузельбаева Г. Я. Исламское воспитание и социализация детей в семьях соблюдающих мусульман Татарстана в контексте семейного образования // Ислам в современном мире, 2020; 4: 163–182;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-163-182

Статья поступила в редакцию: 19.11.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020

Религиозное возрождение, начавшееся в 1990-х и продолжившееся в 2000-х годах, не предполагало кардинального изменения системы ценностей россиян, в которой по-прежнему продолжают преобладать светские установки и нормы морали. В этих условиях семьи верующих мусульман рассматривают религиозное воспитание подрастающего поколения в качестве одной из важнейших задач¹. Они инициативно предпринимают усилия по организации образования и воспитания, возвращающих ребенка в рамках религиозной картины мира, а также стараются уменьшить возможное (по их мнению, негативное) влияние внешней социальной среды на своих детей.

В данной статье анализируется, как процесс исламского воспитания и социализации реализуется в семьях мусульман, где дети школьного возраста переведены на семейный формат получения среднего

¹ Гайнутдин (Гайнутдинов) Р. И. Принцип универсальности знания как основа исламского образования // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 27–32; Сагитова Л. В. Социальная интеграция мусульман и потенциал светской образовательной системы: опыт Татарстана // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 1. С. 197–210.

образования. Семейное образование приобретает особую актуальность для мусульманских семей, так как дает возможность свободно отправлять религиозные ритуалы, а также снимает вопрос о необходимости особого меню в школьных столовых, выделения мест для совершения молитвы, позволяет освободить больше времени для изучения исламских дисциплин и т. д. В фокусе нашего внимания — дети и семьи верующих мусульман Республики Татарстан как одного из регионов со значительной долей мусульманского населения¹.

Существуют различные подходы к пониманию механизмов религиозного воспитания и религиозной социализации и их влияния на индивида. Общим в трактовке этих процессов является то, что в результате у человека формируется религиозность — качество, которое выражается в совокупности определенных свойств сознания и поведения, создавая определенный жизненный мир, в котором человек присоединяется к религиозной группе. Религиозная социализация — это процесс усвоения религиозных ценностей, представлений и поведения, которые приняты в данной культуре². Этот процесс часто описывается как взаимодействие социальных агентов, в ходе которого люди приобретают религиозную веру и религиозные представления³. Основными агентами религиозной социализации являются семья, родственники, группы друзей и сверстников, а также религиозные организации и интернет-сообщества.

Семейное образование (СО) — это особая форма получения общего среднего образования, которая заключается в самостоятельном овладении школьной программой и не предполагает ежедневного посещения учащимися школы. В России оно закреплено Федеральным Законом «Об образовании в Российской Федерации»⁴ от 2012 г. и за последние несколько лет приобрело немало сторонников. Их число с каждым годом растет, и к 2020 г. количество семей, перешедших на этот формат обучения, достигло примерно 12 тысяч⁵.

¹ Отметим, что 54,5% всех жителей Татарстана составляют так называемые этнические мусульмане — те, кто относятся к этническим группам, традиционно исповедующим ислам, это татары, башкиры, азербайджанцы, узбеки, таджики. Среди них могут быть неверующие, внеконфессиональные и даже приверженцы других религий, но сторонние наблюдатели и сами мусульмане условно называют их приверженцами ислама. Соблюдающие мусульмане — это те, кто соблюдает обязательные, в том числе ежедневные предписания, их доля составляет около 3% от населения республики.

² Hood R. W. Jr., Hill P. C., Spilka, P. (eds.) (2009) *The psychology of religion: An empirical approach*. New York: Guilford Press. 4th ed.

³ Sherkat D. E. (2003) *Religious Socialization: Sources of influence and influences of agency* // M. Dillon (ed.) *Handbook of the Sociology of Religion*. New York: Cambridge Univ. Press. Pp. 151–163.

⁴ Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 2013 г. № 23. Ст. 34.

⁵ Владимирова А. Задание на дом. Российская газета. 2020. № 45 (8099), 02.02.2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2020/03/02/boleee-12-tysiach-shkolnikov-vybrali-semejnoe-obuchenie.html> (дата обращения: 01.11.2020).

Различные аспекты семейного образования хорошо изучены в США, Великобритании, Израиле, Канаде, Чехии, написано немало статей и отчетов по теме анскулинга и хоумскулинга (англ. unschooling и home-schooling — аналог российского СО). Результаты многочисленных исследований в разных странах подтверждают эффективность семейного образования¹. Для нашей работы интерес представляют исследования особенностей процесса социализации и инкультурации среди детей на домашнем обучении². В Великобритании, США социологи и педагоги исследуют вопросы о конфессиональных особенностях организации семейного обучения, в том числе — на примерах мусульманских семей³. В России проблемы и перспективы развития семейного образования только начинают изучаться в последние несколько лет⁴. Конфессиональные аспекты образования в мусульманских сообществах освещаются через вопросы о состоянии исламских учебных заведений и примечательных курсов⁵ сравнение религиозного и светского образования⁶, проблему формирования исламской идентичности девочек-мусульманок⁷.

¹ Kostelecka, Y. Home education in the post-communist countries: Case study of the Czech Republic // International Electronic Journal of Elementary Education. 2010. Vol. 3. Is. 1. Pp. 29–44; Ray B. D. Homeschooling growing: Multiple data points show increase 2012 to 2016 and later. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nheri.org/homeschool-population-size-growing/> (дата обращения: 01.11.2020); Van Pelt, D.N., Allison, P.A., Allison, D. J. Fifteen years later: Home-educated Canadian adults. [Электронный ресурс] // URL: https://www.naturalchild.org/articles/research/fifteen_years_later.pdf (дата обращения: 01.11.2020).

² Medlin, R. G. Homeschooling and the question of socialization revisited // Peabody Journal of Education. 2013. Vol. 88. Is. 3. Pp. 284–297; Neuman A. Criticism and education: dissatisfaction of parents who homeschool and those who send their children to school with the education system // Educational Studies. 2019. Vol. 45. Is. 6. Pp. 726–741; Pearlman-Avni S., Graevsky M. Homeschooling, civils, and socialization: The case of Israel // Education and Urban Society. 2019. Vol. 51. Is. 7. Pp. 970–988.

³ Apple M. W. (2013) Gender, religion, and the work of homeschooling // Z. Gross, L. Davis and A.-K. Diab (eds.) Gender, religion and education in a chaotic postmodern world. New York: Springer, 2013. Pp. 21–39; Myers M.. Muslim, home education and risk in British society. British Journal of Sociology of Education. 2018. Vol. 39. No. 2. Pp. 212–226; Rudgard, O. Fears of bullying drives Muslim children to being homeschooled // The Telegraph, 03.04.2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/04/03/fears-bullying-drives-muslim-children-homeschooled/> (дата обращения: 01.11.2020); Sarwar, S. What motivates 21st century Muslim parents to home-school their children? // The College of Teachers practitioner journal Education Today. 2013. Vol. 64. No. 4. Pp. 25–29.

⁴ Жуйкова К. В., Ляликова С. В., Карпова В. М. Семейно-домашнее обучение как модель образования будущего: Аналитический отчет по результатам социологического исследования / под общ. ред. А. И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2018. 145 с.; Карпова В. М., Ляликова С. В. Семейное образование в России: миф и реальность // Социология в изменяющемся научно-образовательном пространстве современного общества: материалы международной научно-практической конференции VII Дыльновские чтения. Саратов., 2020. С. 88–91; Риммер К. Семейно-домашнее образование: родители как учителя и воспитатели своих детей // Семья и демографические исследования. 31.03.2014. [Электронный ресурс] // URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5272/> (дата обращения: 01.11.2020); Яшина М. Н. Семейное образование в сети Интернет // Социология образования. 2017. № 2. С. 63–73.

⁵ Алмазова Л. Религиоведение и преподавание знаний о религии детям в современном Татарстане. Случай ислама // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35. № 4. С. 139–161.

⁶ Suleymanova D. Islam as moral education: madrasa courses and contestation of the secular in the Republic of Tatarstan, Russia // Religion, state and Society. 2015. Vol. 43. No. 2. Pp. 150–167.

⁷ Karimova, L. Muslim revival in Tatarstan: Tatar women's narratives as indicators of competing Islamic traditions // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions. 2013. Vol. 17. No. 1. Pp. 38–58; Karimova L. (2014) "Piety stories": Muslim Tatar women's identity performance,

Однако отсутствуют исследования по целенаправленному анализу профессионального аспекта семейного образования и изучению специфики обучающих практик среди мусульманских семей.

Цель исследования

В данной статье проанализированы особенности образовательной среды и внеучебной деятельности, присущие мусульманским семьям, выбравшим семейное образование, и необходимые для обеспечения религиозной социализации и исламского воспитания их детей в Республике Татарстан. Нами рассмотрено, как родители и дети справляются с трудностями в отправлении исламских обрядов в государственной школе, какие аспекты стандартного среднего образования и школьной обстановки препятствуют усвоению детьми исламских установок, какие обучающие практики используются родителями для органичного и эффективного религиозного обучения детей.

Исследовательские методы

Для выяснения причин выбора семейного образования семьями мусульман, содержания практик семейного образования как одного из проводников религиозной социализации, а также для анализа проблем, с которыми сталкиваются семьи верующих мусульман Татарстана, было проведено социологическое исследование. Его полевая часть выполнена в 2019–2020 гг. на территории Республики Татарстан, в городах и сельских районах. При сборе информации в качестве метода использовалось глубинное интервью с участием родителей-мусульман, которых спрашивали об их отношении к средней школе, используемых практиках семейного образования и религиозной социализации, а также с участием экспертов — школьных учителей, учителей СО и школьных психологов. Всего в рамках исследования было проведено 22 глубинных интервью: 16 — с родителями-мусульманами и 6 — с экспертами.

Информантами стали люди разного возраста, пола и социального статуса, проживающие в Казани, Набережных Челнах, Елабуге, Кукуморском, Бавлинском, Лаишевском и Лениногорском районах. Опыт семейного образования семей, принявших участие в исследовательском проекте, составляет от одного до четырех лет.

Результаты исследования: организация исламского воспитания и преодоление препятствий

Имеется комплекс причин, побудивших российских родителей осуществлять перевод детей на семейную форму обучения. В качестве главной обычно называется общее снижение уровня преподавания в современной школе по сравнению со школой советской. Некоторые родители зачастую воспринимают российскую систему образования как нацеленную на «натаскивание» к финальным экзаменам. Они недовольны отсутствием индивидуального подхода к ученикам, недостаточным вниманием к формированию практических навыков, способности критически мыслить и самостоятельно принимать решения. Среди других причин, которые порой вызывают несогласие и возмущение со стороны родителей, приводятся неудовлетворительный уровень преподавания значимых предметов, массовое использование услуг платных репетиторов и центров подготовки к экзаменам, отсутствие возможности влиять на содержание учебных программ и формат преподавания, высокая загруженностей детей, дополнительные расходы на учебные материалы и материальную «помощь школе».

Для семей верующих мусульман дополнительный аргумент перехода на СО состоит в том, что семейное обучение способствуют более успешной религиозной социализации их детей. Это прежде всего касается более эффективного усвоения исламских ценностей, образцов поведения и ритуальных практик.

На примере мусульманских семей Республики Татарстан рассмотрим факторы, благодаря которым дети при семейном образовании имеют возможность успешно усваивать религиозные ценности и образцы поведения. К ним относятся: создание условий для соблюдения исламских предписаний и выполнения религиозных ритуалов, ограждение от нежелательного, по мнению респондентов, влияния внешней социальной среды, нормы которой входят в противоречие с правилами ислама, а также обучение мусульманским знаниям и трансляция религиозных установок. Проиллюстрируем наш анализ цитатами из глубинных интервью с родителями и экспертами.

Необходимо оговориться, что мусульмане реализуют различные модели религиозного поведения и отношения к следованию религиозным предписаниям. По данным репрезентативного массового опроса, проведенного автором статьи в 2017 г. среди городского и сельского населения Татарстана, доля людей, назвавших себя мусульманами, составляет 51% жителей республики. Выделяется группа соблюдающих мусульман, — тех приверженцев ислама, кто строго соблюдает религиозные обряды, в частности совершает ежедневную пятикратную молитву,

соблюдает пост, посещает коллективную молитву по пятницам (мужчины), носит хиджаб (женщины), не употребляет спиртного и свинины, пр. Исследования показывают, что таких в Татарстане около 5% от всех, кто идентифицируют себя в качестве мусульман¹. Соблюдающие мусульмане отличаются в том числе тем, что считают обязательным исламское воспитание своих детей и придают ему большое значение. Следует обозначить еще более узкую прослойку, которую условно можно назвать консервативно настроенными мусульманами, настаивающими на максимально точном следовании предписаниям Корана и Сунны и отрицающими так называемые этнические (татарские) наслоения в исламском поведении и сознании. Применительно к воспитанию детей это находит выражение в желании раздельного обучения мальчиков и девочек, избегании музыки и парных танцев, более строгом отношении к изучению исламских наук и др. Наше исследование зафиксировало разницу в отношениях и запросах к образованию и образовательной среде со стороны разных типов мусульман. Подавляющее большинство тех семей, кто относит себя к мусульманам, мало отличается от семей светских по своим запросам, в то время как соблюдающие мусульмане и в особенности консервативная их часть высказывают более резкие оценки и предъявляют более высокие требования.

Исполнение религиозных предписаний в школьных условиях: запрет или компромисс

В последние пару десятилетий религиозная картина нашей страны претерпела существенные изменения. Увеличилось число верующих различных конфессий, общество достаточно лояльно стало относиться к присутствию религиозных атрибутов в светском пространстве. Школьная среда также трансформировалась. Это касается, например, более терпимого отношения к нательным крестам или головным уборам учащихся и учителей. Однако школа остается секулярной средой, и часть верующих родителей высказывает недовольство ее правилами и условиями. Так, некоторые члены семей соблюдающих мусульман утверждают, что часть школ не приспособлена для полноценного отправления религиозных обрядов. Прежде всего это касается комфортного совершения намаза, избегания запрещенных продуктов и ношения головного убора девочками.

¹ Гузельбаева Г. Я. Взаимоотношения исламских структур и государства: случай Татарстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Политология». 2020. Т. 22. № 4. С. 681.

За последние годы население Республики Татарстан, где больше половины жителей являются этническими мусульманами (татары, башкиры, азербайджанцы), привыкло к хиджабам на улицах городов и сел. Женщины и девушки с покрытой головой стали обычным явлением. В школах, как и в других учреждениях в целом к этому относятся лояльно, но бывают и случаи непринятия. В одних школах предусмотрена конкретная форма одежды, и пренебрегать ею нельзя, в других нет чётких предписаний к внешнему виду. И даже нечастые случаи запрета чувствительно воспринимаются мусульманскими семьями, особенно если он высказан в настойчивой форме, не терпящей возражений. Некоторые родители признаются, что их дочери столкнулись с подобным отношением к себе со стороны учителей и руководящего состава школ, и это явилось для них психологической травмой.

Переехали, и в 10-й класс дочь пошла в другую школу. Пришла учиться в платке. Её классный руководитель запретила ей надевать платок, вообще даже появляться в школе в платке, накричала на нее, ругала: “Чтобы не было никогда платка на твоей голове, чтобы даже не смела приходить в такой одежде”. <...> Она из-за того, что некому было заступиться, сняла платок. Стеснительная, робкая такая (Камила).

Когда Фатима пришла в 8-й класс в платке, к ней подошла учительница и начала говорить: “Чего тут в платке пришла, вырядилась, нечего так ходить”. Фатима сказала: моя одежда, я так и буду ходить. Учитель сказала директору. Директор нашла Фатиму в столовой, когда она стояла в очереди за едой, и прилюдно накричала на нее, что она одевается не по форме, что она в платке, и что ей вообще нечего делать тут в школе. Фатима весь вечер проплакала, мы с мужем пытались ее веселить, но ее очень задела эта публичная порка (Айнура).

Необходимо подчеркнуть, что родители и эксперты солидарны во мнении, что неприятие хиджаба обычно исходит именно от педагогического состава, а не от сверстников. Некоторые учителя делают устные замечания, высказывают претензии девочкам и их родителям как наедине, так и в присутствии одноклассников. Отметим, что в целом школьницы беспрепятственно носят платок в школе, а случаи противодействия этому встречаются редко.

Другие проблемы ритуального характера могут возникать у школьников в связи с отсутствием халяльного питания, мест для совершения намаза, из-за совместного обучения мальчиков и девочек. Эти аспекты школьной жизни упоминаются, скорее, как второстепенные, и сами по себе не являются причинами ухода из школы и перевода на семейное обучение. Они лишь добавляют красок в общую картину самочувствия верующих людей.

Необходимость следовать религиозным канонам, с одной стороны, и отсутствие условий для их соблюдения — с другой, может порождать конфликт между родителями и персоналом школы. Исследование показало, что здесь возможны различные ситуации с различным исходом. В одних случаях школьная администрация и учителя идут навстречу родителям: могут разрешить головные уборы (или, по крайней мере, не запрещать их), выделить места для совершения молитв, лояльно отнестись к тому, что ребёнок пропускает некоторые мероприятия, если они не соответствуют его религии. В других случаях школьники и их родители наталкиваются на непонимание и неприятие, что выражается в запрете публично проявлять свою религиозную принадлежность.

С учителем, классным руководителем я в декабре поговорил. Говорю, мы музыку не слушаем. Можно ли чтобы нас на дополнительные музыкальные занятия не привлекали. У нас есть свои кружки, куда мы ходим. Она говорит: пожалуйста. Учительница пошла нам на встречу (Булат).

Я сказала [классному руководителю], что переживаю, что [дочери] намаз не получается читать, может, будет какое-то местечко, буквально метр, и ей 5 минут надо обязательный фарз-намаз прочитать. Она говорит, я спрошу у директора. Я ей все напоминала, напоминала. Теперь <...> когда она уходит на обед, она дает ключ от своего кабинета, там три девочки- мусульманки читают намаз. Она дала разрешение, и, похоже, это до директора не доходило (Гулия).

По данным вопросам исследование не выявило случаев открытого конфликта, родители предпочитают ограничиваться запросами к школьной администрации и обычно оставляют проблему нерешенной, если им не идут навстречу. При отсутствии халяльного питания родители договариваются с детьми отказываться от употребления мяса в школе.

Вот время обеда, они в столовую идут, а у меня сердце не на месте: ей ведь всего семь лет, кушать хочется, вдруг вместе со всеми поест эту харамную котлету. Я, конечно, ей объясняю, она сознательная у меня. Говорит, что не ест мясное там (Камила).

Предписание ислама на раздельное обучение мальчиков и девочек не является актуальным вопросом для большинства этнических мусульман, которые ведут светский образ жизни. Однако, некоторая часть соблюдающих мусульман, настаивающих на максимально точном следовании слову Корана и хадисов, чувствительно относятся к совместной учебе детей разного пола.

Наступает возраст, когда внимание сконцентрировано на противоположном поле. Это природа, гормоны, с этим сложно справиться, особенно подростку. Им трудно совмещать это с требованиями учебы, дисциплины. Подросткам

будет просто легче, если рядом не будут постоянно мелькать девочки, которые из-за своих гормонов и молодого любопытства стараются кокетничать, носить короткие юбки, длинные волосы, яркие ногти и что там у них еще имеется. Это очень просто — в подростковое время учить мальчиков и девочек раздельно (Наиля).

Несмотря на то, что желание раздельного обучения не является распространенным в среде верующих мусульман, мы обращаем внимание на эту точку зрения потому, что за ней следует реальная практика последних нескольких лет: инициативное, самостоятельное создание небольшого числа частных классов, в которые набираются дети начальной и средней школы по половому признаку, классы для девочек и классы для мальчиков. И хотя это малочисленные примеры, однако родители, по чьей инициативе подобные классы организуются, настойчивы в своей позиции и уже создали прецедент, который, возможно, привлечет внимание других.

Религиозные ценности мусульманских семей в условиях школьной системы

Остановимся подробнее на том, что в школьной системе мусульмане считают недопустимым для исламского воспитания. Верующие родители утверждают, что самое главное в воспитании детей — это сформировать у них правильное мировоззрение, то есть объяснить, что такое хорошо и что такое плохо с точки зрения ислама, научить ребёнка поступать в реальной жизни в соответствии с этим пониманием. До поступления в школу это родителям более или менее удастся, исламские установки усваиваются ребенком, его внутренний мир коррелирует с внешним поведенческим рисунком. Переступая порог школы, ребенок окунается в новую моральную среду, которая существует по иным законам. Соблюдающие мусульмане говорят в интервью, что стараются объяснять детям различия между религиозной и светской моралью и ценностями. Среди них встречаются такие, кто считает школьную атмосферу неблагоприятной. Это выражается в девиантном поведении некоторых учащихся, негативном отношении одноклассников к конкретному ученику, общей обстановке, не способствующей спокойному обучению, светской точке зрения школьной программы на вопросы происхождения жизни, устройства мира, взаимоотношения полов и пр.

Некоторые школьники используют ненормативную лексику, сетуют родители. Скорее всего, таких детей немного, но непристойные слова звучат в разговорах учеников в каждой школе и за ее пределами. Интересы и разговоры мальчиков и девочек часто сводятся к теме интимной

жизни. Конечно, интерес к ней является естественным для детей и подростков. Однако у верующих людей с их религиозной моралью имеется свой взгляд на это. Они пытаются оградить детей от пикантных тем, интерес к которым подогревается и усиливается одноклассниками.

Дочь [11 лет] приходила из школы, и я ее не узнавала, какие-то дерзкие манеры появились. В каникулы она оттаивала, возвращалась искренность. С началом учебной четверти все снова возвращалось <...> Самым ужасным моментом было то, что мы нашли в ее подростковом дневнике матерные слова в наш адрес <...> После этого появилась решимость вырвать ее из этого окружения (Наиля).

На общем школьном фоне скромность и стыдливость считаются скорее проявлением слабости и безволия, а избегание некоторых скабрёзных тем и подростковых грубых сленговых выражений не способствует приобретению авторитета среди подростков.

[в школе] некоторые дети разговаривают матом, и чем искусней ты им владеешь, тем более авторитетное положение занимаешь среди сверстников. Скромность является признаком отсталости и забитости, <...> это делает тебя аутсайдером (Кадрия).

Однако среди мусульман существует и другая точка зрения на обстановку в школе. Те из них, кто является оппонентами семейного образования, называют преувеличенной негативную оценку влияния одноклассников и указывают на необходимость общения со сверстниками из разных социальных и культурных слоев. Они утверждают, что только в школьной среде, в окружении сверстников, специально не отобранных родителями, ребенок может получить разнообразную информацию о жизни, которую не могут передать старшие по возрасту. Это обусловлено естественным для подростков недоверием к миру взрослых и высоким авторитетом ровесников.

Школа учит жизни. Надо уметь реагировать на хамство, противостоять грубости, ценить дружбу настоящую и добро. Разве подростки сильно прислушиваются к словам взрослых? У детей есть секреты. Они хотят свое [пространство], не хотят обсуждать с родителями. Не надо лишать детей одноклассников, это очень ограничивает (Рамиз).

Непонимание со стороны ряда соблюдающих мусульман встречает принуждение к участию в дополнительных, факультативных занятиях, связанных с музыкой и танцами. Они обращают внимание на то, что любой учащийся вправе отказаться от занятий по выбору, тем более если это диссонирует с его религиозными убеждениями. Информанты сетуют на коллективные посещения развлекательных шоу или дискотек, которые противоречат тому, чему учат дома и в мактабе. Страх быть

отверженным классом или получить порицание от учителей склоняет детей оставаться с коллективом, и они участвуют в музыкальных мероприятиях без ведома старших.

Родители считают неуместным присутствие в школе праздников, имеющих иноконфессиональные коннотации, таких как День святого Валентина, масленица, Хэллоуин и пр. В некоторых школах эти мероприятия подразумевают обязательное участие всех детей и негласно вплетаются в учебный процесс.

Столько мероприятий дополнительных! Этот Хэллоуин! Вся школа в этих тыквах. День влюбленных — вся школа в сердечках. На каждом труде делают эти сердечки, заставляют их дарить между собой. Это и 5-й класс, и 2-й, говорят о любви. <...> Это вообще вне школы должно быть. У нас ведь в религии этого вообще нельзя касаться (Гулия).

Приходит сообщение [от учителя]: завтра обязательно принести сладости, начинаем отмечать масленицу, днем будем украшать школу. Я понимаю, учителя хотят вовлечь детей в общее мероприятие, но почему они не думают, что это задевает мусульман? Все в республике трубят о толерантности, а учителям нашей школы наплевать? (Шамиль).

При этом родители подчёркивают, что их дети не отгораживаются от класса, они хорошо общаются с одноклассниками, посещают другие массовые мероприятия, не запрещенные религией. Они ведут себя как обычные школьники. У них много друзей, они вовлечены в жизнь школьного коллектива.

Обучение основам ислама и включение в жизнь мусульманской общины

К одному из достоинств семейного образования, по мнению родителей и семейных учителей, можно отнести индивидуализацию учебного плана и возможность применения различных методик для лучшего усвоения материала. И, как следствие, — меньшую загруженность детей и посещение большого числа внешкольных занятий и кружков. Аполлогеты СО утверждают, что внешкольное обучение строится так, что освобождается большое количество времени. Родители и нанятые учителя наполняют это время активностью по своему усмотрению. Появляется возможность для дополнительных образовательных и спортивных занятий, познавательных экскурсий, прогулок, дружеского общения, более тщательного изучения исламских предметов.

Друзья, у которых дети в школе, завидуют нам, потому что они до вечера сидят со своими детьми за уроками и готовятся

к каким-то ненужным мероприятиям. А у нас и других наших [кто перешел на семейное образование], получается, так организовано обучение, что свободного времени после уроков много (Карим).

У меня дочка и до школы обучалась исламу, ходила в медресе. Коран много выучила. А потом, когда пошла в школу, у неё застопорилось. Мы не успевали дальше идти в её обучении. И как только перешла на СО, она вновь занялась изучением Корана, потому что появилось больше свободного времени (Амина).

В дополнение к обычным урокам по стандартной школьной программе добавляются уроки исламского знания. Это занятия, на которых дети изучают Коран и *таджвид* (правила чтения Корана), *дин* (общие основы ислама), *сира* (жизнеописание пророка Мухаммада), *акида* (основы вероучения), *ахлак* (исламская этика) и др. В средних и старших классах эти предметы изучаются более глубоко.

Семейная форма образования предоставляет возможности создания для ребенка религиозной обстановки, что имеет большое позитивное значение для исламского воспитания и религиозной социализации. Усилия родителей, учителей, исламских организаций и обучающих центров способствуют тому, что дети проводят значительную часть своего времени в исламской среде, общаются не только внутри своей семьи, но и в более широком социальном окружении с мусульманами разного возраста и социального статуса. Это позволяет избежать усвоения детьми тех светских норм и ценностей, которые осуждаются в исламе. Они находятся рядом с носителями исламской культуры и инкультурируются в нее естественным образом.

Мнения скептиков по отношению к семейному образованию в религиозных семьях

Есть и другая часть родителей, в том числе мусульман, которые не согласны с категоричным неприятием школьного обучения, возражают против негативной оценки качества образования, даваемого в государственной школе, и имеют свои аргументы против семейного формата обучения. Оппоненты СО, практикуемого в консервативных религиозных семьях, настаивают, что современная система российского образования с ее корпусом квалифицированных учителей, утвержденной министерством школьной программой и многолетним опытом способна воспитать грамотного и творческого человека и обеспечить его гармоничное воспитание. Здесь к детям стараются относиться объективно, в соответствии с их заслугами и приложенным трудом, не обращая внимания на социально-классовые различия. Семейное образование,

напротив, видится сторонниками школьного или как отжившая архаичная система, или как элитарная, не пригодная для подавляющего большинства российских семей, светских и религиозных. Слабый контроль за преподаванием и оторванность от школьного коллектива создают новые проблемы, от которых защищены обычные школьники.

Вот лично я имею свое образование и хорошую работу только благодаря школе. Мои родители не могли дать мне ни воспитания толкового, ни знаний. Как бы ни относился к школе в детстве, теперь я понимаю, что она дала мне возможность сделать прорыв от родительского уровня. Плюс мои старания, конечно (Нияз).

Для родителей и учителей [на семейном образовании] надо организовать курсы. С ними надо работать, общаться. Это, как говорят в рекламе, дело государственной важности. На самотек страшно это пускать (Флёра).

Эти доводы приобретают особенную актуальность по отношению к тем религиозным группам, которые стремятся оградить своих детей от светского общества и рискуют лишить их полноценного общения. Как эксперты — специалисты по среднему образованию и психологи, так и родители школьников, высказывают опасения, что дети из подобных семей могут вырасти маргинальными личностями, не вполне подготовленными к жизни в обычных условиях, которые чувствуют себя комфортно лишь в узком сообществе своей субкультуры. Вводя семейное обучение, необходимо осуществлять государственный контроль за соответствием учебной программы государственным стандартам. Другим важным условием сторонние наблюдатели называют сотрудничество семей соблюдающих мусульман на СО с Духовным управлением мусульман Татарстана, которое должно проводить наблюдение, оказывать им помощь и поддержку.

Дети должны быть готовыми к жизни, быть готовыми к самым разным ситуациям, уметь самоутверждаться, постоять за себя, а ещё учиться терпимости (Флёра).

В нашем татаро-турецком лицее нас много учили, как правильно жить, много разъясняли правила. Тщательно разъясняли нам, когда мы нарушали правила. [Было раздельное обучение мальчиков и девочек]. А после школы нам было очень сложно привыкать к обычной жизни, где рядом живут девушки и юноши. Однокурсники легко общались, а мне и другим нашим пришлось привыкать. Нас слишком ограждали, за нас решали и за родителей наших. Понимали ли взрослые, но было серьезное давление на нас. Когда выпустились и я поступила в университет, было сложно привыкать. Нам было очень трудно (Сария).

Надо привлечь мечети к работе с мусульманами на семейном обучении. Надо координировать. <...> Это будет мягче, чем МВД опять будет <...> [вмешиваться] (Зиннат).

Заключение

Необходимость трансляции религиозной традиции детям осознается всеми верующими мусульманами. Это не зависит от формата среднего образования, выбранного семьей. Различным группам мусульман присущи свои особенности в понимании и реализации религиозного воспитания, которое может отличаться степенью погруженности в мусульманскую среду, отношением к неисламским нормам морали, объемом образовательных практик и др. Консервативно настроенные мусульмане критикуют школу за недостаточно благоприятную обстановку для мусульманских детей: не во всех учебных заведениях есть места для совершения намаза, халяльное питание, взаимоотношения между полами не всегда соответствуют исламским канонам, девочки порой сталкиваются с нелояльным отношением к мусульманскому платку и пр. В рамках семейного образования родителям удается в определенной мере оградить детей от негативного влияния светской среды, под которое, как представляется, они обычно попадают в школе. У детей в частной обстановке остается больше свободного времени для изучения ислама, они без препятствий, в спокойной обстановке отправляют религиозные обряды, меньше сталкиваются со светскими реалиями и больше времени находятся в комфортном мусульманском окружении. На семейном обучении появляется возможность создания для ребенка религиозной среды, что имеет большое позитивное значение для религиозной социализации и исламского воспитания.

Одновременно с этим другая часть мусульман, а также светские родители и эксперты придерживаются иной точки зрения и говорят о необходимости более обдуманного подхода к религиозному воспитанию ребенка, чтобы избежать его обособленности от общества. Высказываются мнения об обязательном контроле, который следует организовать как государственным органам, так и Духовному управлению мусульман, за образовательным и воспитательным процессом.

В ситуации различия подходов к религиозному воспитанию со стороны отдельных групп верующих, государственным образовательным структурам следует выработать определенное отношение и стиль взаимодействия с теми мусульманами, которые последовательно придерживаются консервативных убеждений в следовании исламской традиции. Для гармонизации отношений между сторонниками различных мнений и предотвращения обособления и закрытости верующих, на наш взгляд, желательно налаживание доброжелательного, доверительного контакта между государством, муфтиятом и семьями соблюдающих мусульман, принявшими решение о переходе на семейное образование. Взаимодействие и совместное решение проблем, помощь в подготовке

учителей для частного обучения детей должны стать важным направлением деятельности для мусульманских организаций, а также отвечающих за религиозную политику государственных структур.

Литература

Алмазова Л. Религиоведение и преподавание знаний о религии детям в современном Татарстане. Случай ислама // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35. № 4. С. 139–161.

Гайнутдин (Гайнутдинов) Р. И. Принцип универсальности знания как основа исламского образования // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 27–32.

Гузельбаева Г. Я. Взаимоотношения исламских структур и государства: случай Татарстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Политология». 2020. Том 22. № 4. С. 678–689.

Жуйкова К. В., Ляликова С. В., Карпова В. М. Семейно-домашнее обучение как модель образования будущего: аналитический отчет по результатам социологического исследования / под общ. ред. А. И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2018. 145 с.

Карпова В. М., Ляликова С. В. Семейное образование в России: миф и реальность // Социология в изменяющемся научно-образовательном пространстве современного общества: Материалы международной научно-практической конференции. VII Дыльновские чтения. Саратов, 2020. С. 88–91.

Риммер К. В. Семейное образование как один из способов укрепления семьи // Экономические стратегии. 2014. Т. 16. № 6–7(122–123). С. 42–45.

Сагитова Л. В. Социальная интеграция мусульман и потенциал светской образовательной системы: опыт Татарстана // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 1. С. 197–210.

Яшина М. Н. Семейное образование в сети Интернет // Социология образования. 2017. № 2. С. 63–73.

Apple M. W. Gender, Religion, and the Work of Homeschooling // Z. Gross, L. Davis and A.-K. Diab (eds.) Gender, Religion and Education in a Chaotic Postmodern World. New York: Springer, 2013. Pp. 21–39.

Hood R. W. Jr., Hill P. C., Spilka P. (eds.). The Psychology of Religion: An Empirical Approach. New York: Guilford Press, 2009. 4th ed. Xx, 636 p.

Karimova L. Muslim Revival in Tatarstan: Tatar Women's Narratives as Indicators of Competing Islamic Traditions // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions. 2013. Vol. 17. No. 1. Pp. 38–58.

Karimova L. "Piety stories": Muslim Tatar Women's Identity Performance, Negotiation, and Transformation Through Storytelling // Journal of Intercultural Communication Research. 2014. Vol. 43. No. 4. Pp. 327–345.

Kostelecka Y. Home Education in the Post-Communist Countries: Case Study of the Czech Republic // *International Electronic Journal of Elementary Education*. 2010. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 29–44.

Medlin R. G. Homeschooling and the Question of Socialization Revisited // *Peabody Journal of Education*. 2013. Vol. 88, Iss. 3. Pp. 284–297.

Myers M. Muslim, Home Education and Risk in British Society // *British Journal of Sociology of Education*. 2018. Vol. 39. No. 2. Pp. 212–226.

Neuman A. Criticism and Education: Dissatisfaction of Parents Who Homeschool and Those Who Send Their Children to School with the Education System // *Educational Studies*. 2019. Vol. 45. Iss. 6. Pp. 726–741.

Pearlman-Avnion S., Graevsky M. Homeschooling, Civils, and Socialization: The case of Israel // *Education and Urban Society*. 2019. Vol. 51. Iss. 7. Pp. 970–988.

Sabirova G. Young Muslim-Tatar Girls of the Big City: Narrative Identities and Discourses on Islam in Postsoviet Russia // *Religion, State and Society*. 2011. Vol. 39. No. 2–3. Pp. 327–345.

Sarwar S. What Motivates 21st Century Muslim Parents to Home-School Their Children? // *The College of Teachers Practitioner Journal Education Today*. 2013. Vol. 64. No. 4. Pp. 25–29.

Sherkat D. E. Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency // M. Dillon (ed.) *Handbook of the Sociology of Religion*. New York: Cambridge Univ. Press, 2003. Pp. 151–163.

Suleymanova D. Islam as Moral Education: Madrasa Courses and Contestation of the Secular in the Republic of Tatarstan, Russia // *Religion, State and Society*. 2015. Vol. 43. No. 2. Pp. 150–167.

References

Almazova L. (2017). Religiovedenie i prepodavanie znaniy o religii detiam v sovremennom Tatarstane [Religious Studies and Teaching Religion to Children in Tatarstan. The Case of Islam]. *Gosudarstvo, religii, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. Vol. 35. 2017. No. 4. Pp. 139–162.

Apple M. W. (2013). Gender, Religion, and the Work of Homeschooling. Z. Gross, L. Davis and A.-K. Diab (eds.) *Gender, Religion and Education in a Chaotic Postmodern World*. New York: Springer. Pp. 21–39.

Gaynutdin R. (2015). Princip universal'nosti znaniia kak osnova islamskogo obrazovaniia [The Universality Principle of Knowledge as a Basis of Islamic Education]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 11. 2015. No. 4. Pp. 27–32.

Guzelbaeva G. Y. (2020). Vzaimootnosheniia islamskikh struktur i gosudarstva: sluchai Tatarstana [The Relationship Between Islamic Structures and the State: the Case of Tatarstan]. *Vestnik RUDN. Seriya Politologiya*. Vol. 22. 2020. No. 4. Pp. 678–689.

Hood R. W. Jr., Hill P. C., Spilka P. (eds.) (2009) *The Psychology of Religion: An Empirical Approach*. New York: Guilford Press. 4th ed. Xx, 636 p.

Zhuykova K. V., Lyalikova S. V., Karpova V. M. (2018). Semeino-domashnee obuchenie kak model' obrazovaniia buduschego [*Family-Home Education as a Model for the Education of the Future*]: an analytical report on the results of a sociological study / under general editorship of Antonov A. I. Moscow, MAK S Press. 145 p.

Karimova L. (2013). Muslim Revival in Tatarstan: Tatar Women's Narratives as Indicators of Competing Islamic Traditions. *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. Vol. 17. 2013. No. 1. Pp. 38–58.

Karimova L. (2014). "Piety stories": Muslim Tatar Women's Identity Performance, Negotiation, and Transformation Through Storytelling. *Journal of Intercultural Communication Research*. Vol. 43. 2014. No. 4. Pp. 327–345.

Karpova V. M., Lyalikova S. V. (2020). Semeinoe obrazovanie v Rossii: mif i real'nost' [Family Education in Russia: Myth and Reality]. *Sociology in the Changing Scientific and Educational Space of Contemporary Society: Proceedings of international scientific and practical conference VII Dyl'nov's readings*. Saratov. Pp. 88–91.

Kostelecka Y. (2010). Home Education in the Post-Communist Countries: Case Study of the Czech Republic. *International Electronic Journal of Elementary Education*. Vol. 3. 2010. Iss. 1. Pp. 29–44.

Medlin R. G. (2013). Homeschooling and the Question of Socialization Revisited. *Peabody Journal of Education*. Vol. 88. 2013. Iss. 3. Pp. 284–297.

Myers M. (2018). Muslim, Home Education and Risk in British Society. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 39. 2018. No. 2. Pp. 212–226.

Neuman A. (2019). Criticism and Education: Dissatisfaction of Parents Who Homeschool and Those Who Send Their Children to School with the Education System. *Educational Studies*. Vol. 45. 2019. Iss. 6. Pp. 726–741.

Pearlman-Avni S., Graevsky M. (2019). Homeschooling, Civils, and Socialization: The Case of Israel. *Education and Urban Society*. Vol. 51. 2019. Iss. 7. Pp. 970–988.

Rimmer K. V. (2014). Semeinoe obrazovanie kak odin iz sposobov ukrepleniya sem'i [Family Education as a Way of Strengthening of Family]. *Economicheskie strategii*. Vol. 16. 2014. No. 6–7 (122–123). Pp. 42–45.

Sabirova G. (2011). Young Muslim-Tatar Girls of the Big City: Narrative Identities and Discourses on Islam in Post-Soviet Russia. *Religion, State and Society*. Vol. 39. 2011. No. 2–3. Pp. 327–345.

Sagitova L. V. (2016). Social'naia integraciia musul'man I potentsial sovetskoi obrazovatel'noi sistemy: opyt Tatarstana [Social Integration of Muslims and the Potential of a Secular Education System: the Experience of Tatarstan]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 12. 2016. No. 1. Pp. 197–210.

Sarwar S. (2013). What Motivates 21st Century Muslim Parents to Home-School Their Children? *The College of Teachers Practitioner Journal Education Today*. Vol. 64. 2013. No. 4. Pp. 25–29.

Sherkat D. E. (2003). Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency. M. Dillon (ed.) *Handbook of the Sociology of Religion*. New York: Cambridge Univ. Press. Pp. 151–163.

Suleymanova D. (2015). Islam as moral education: madrasa courses and contestation of the secular in the Republic of Tatarstan, Russia. *Religion, state and Society*. Vol. 43. 2015. No. 2. Pp. 150–167.

Yashina M. N. (2017). Semeinoe obrazovanie v seti internet [Homeschooling in the Internet]. *Sociologiya obrazovaniia*. 2017. No. 2. Pp. 63–73.

FAMILY EDUCATION AND CHILD SOCIALIZATION IN THE OBSERVANT MUSLIM COMMUNITY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract. The paper is devoted to the study of practices of Islamic education in right-wing observant Muslim families, namely of their homeschooling. The paper focuses on (1) how Muslims and their children cope with difficulties in observing Islamic precepts and performing the ritual side of religion in public schools, (2) what aspects of standard secular education and school environment prevent children from adopting Islamic worldview, (3) what educational practices are used by parents for religious education of children. As observant respondents affirm, homeschooling provides opportunities for maximum immersion of a child in the environment of a religious community. An informal approach to educational process and an individual schedule frees up some time for learning the basics of Islam as well as allows children to spend more time with parents and the external religious environment. According to advocates of homeschooling, this ensures a smooth and non-violent adoption of religious values and better acquisition of moral norms. However, the paper concentrates also on the opinion of Muslims, who do not support homeschooling. Namely these respondents argue for desirable control over religious homeschooling, which should be provided by state institutions as well as by registered religious organizations.

Keywords: Muslim education, religious socialization, homeschooling, Russian education, parental influence.

Guzel Y. GUZELBAEVA,

Cand. Sci. (Sociol.), associate professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University (18, Kremlevskaia Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation).
E-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

26.00.01 Теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-183-194

А. Я. Яковлева

Московский исламский институт, г. Москва

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИСЛАМСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

ЯКОВЛЕВА Альбина Владимировна —

и.о. декана факультета теологии.

ООО Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12).

E-mail: ami27.86.27@gmail.com

Аннотация. На основе анализа современных тенденций стратегического развития системы образования в России, международных тенденций развития образовательных систем, а также специфики исламского образования и особенностей государственно-общественной системы управления образовательными учреждениями в статье обосновывается актуальность развития системы взаимодействия государственных и общественных органов управления образовательными организациями в системе исламского образования. Внимание акцентируется на специфике функционирования исламских образовательных организаций в рамках социально-правового поля светского государства и необходимости учета современных

тенденций развития государственно-общественной системы управления при выстраивании современной системы непрерывного религиозного образования в России.

Ключевые слова: система образования, современные тенденции в образовании, исламское образование, духовно-нравственное развитие, государственно-общественная система управления.

Для цитирования: Яковлева А. Я. Проектирование и развитие государственно-общественной системы управления исламской образовательной организацией в контексте основных тенденций стратегического развития систем образования // Ислам в современном мире, 2020; 4: 183–194;

DOI: 10.22311/2074–1529–2020–16–4–183–194

Статья поступила в редакцию: 05.10.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020

Государственно-общественное управление образованием традиционно определяется как особый тип управления, характерной чертой которого является постоянное ответственное участие и взаимодействие в управлении образованием субъектов и их органов, с одной стороны, выражающих и представляющих интересы, политику, гарантии и компетенцию государства в области образования, с другой стороны, выражающих и реализующих интересы общества, населения¹.

Тема развития современной государственно-общественной системы управления образованием сейчас чрезвычайно актуальна и востребована в российской научной практике. Этой тематике посвятили свои диссертационные исследования такие авторы, как Д. М. Вердиев² и Т. Ч. Будаева³, коллектив авторов во главе с Е. Н. Шимутиной, являющейся директором АНО «Институт развития государственно-общественного управления образованием»⁴, и многие другие.

¹ Государственно-общественное управление образованием: определение // Азбука ГОУ Институт развития государственно-общественного управления образованием. [Электронный ресурс] // URL: http://www.gouo.ru/AZBUKA_GOU/G/Gosudarstvenno-Obshchestvennoe_Upravlenie_Obrazovaniem.html (дата обращения: 15.11.2019).

² Вердиев Д. М. Государственно-общественная система управления образованием в условиях дифференцированной социокультурной и этнокультурной среды. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-obshchestvennaya-sistema-upravleniya-obrazovaniem-v-usloviyakh-differentsirov/> (дата обращения: 15.11.2019).

³ Будаева Т. Ч. Педагогические аспекты государственно-общественного управления образованием в условиях региона. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskie-aspekty-gosudarstvenno-obshchestvennogo-upravleniya-obrazovaniem-v-usloviyakh-regiona/> (дата обращения: 15.11.2019).

⁴ Институт развития государственно-общественного управления образованием: Общественное участие в управлении образованием — официальный сайт. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gouo.ru> (дата обращения: 15.11.2019).

Еще более указанная тема актуальна применительно к управлению исламской образовательной организацией высшего образования, что обусловлено наличием серьезного противоречия. С одной стороны, в соответствии со ст. 14 Конституции, Российская Федерация является светским государством, где религия официально отделена от государства. Но, с другой стороны, государство задает общую матрицу требований к качеству предоставляемых образовательных услуг и объему тех общих и профессиональных компетенций, которые должны быть сформированы у выпускника соответствующего квалификационного уровня. Возникает закономерный вопрос: в какой форме государственно-общественная система управления может применяться в исламской образовательной организации, и в какой мере образовательная организация, действующая в рамках светского правового поля, может считаться исламской?

Однако существующая практика функционирования российских исламских организаций высшего образования (таких, к примеру, как Российский исламский институт в Казани, Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи в Грозном, Исламский университет им. имама Ашъари и др.), убедительно доказывает, что указанное сочетание возможно. Более того, чем лучше оно организовано, тем выше в итоге качество предоставляемого образования и лучше образовательные результаты. При этом необходимо отметить, что образовательный процесс в исламе совершенно невозможен без его религиозного, содержательного смысла. Отсюда следует что, исламское образование в современном понимании вполне можно определить как целенаправленный процесс обучения и воспитания на мировоззренческой основе определенной религии, осуществляемый в интересах личности, семьи, религиозного объединения, общества и государства¹, что соотносится с принципами государственной политики России и соответствует целям государственно-общественного управления образованием.

Таким образом, всестороннее последовательное изучение специфики и совершенствование механизмов государственно-общественной системы управления исламской образовательной организацией, в том числе высшего образования, представляет на данный момент существенный научный и практический интерес.

Анализ актуальной специализированной литературы и иных тематических источников (материалы докладов, лекций, семинаров и вебинаров) позволил выявить проблемные и малоизученные аспекты рассматриваемой темы. Так, при том, что исследований,

¹ Метлик И. В. Религия и образование в светской школе. М.: Планета-2000, ППЦ «Пересвет», 2004. С. 36.

которые были бы посвящены теме государственно-общественной системы управления образованием или теме исламского образования в отдельности существует множество, на данный момент нет работ, которые были бы посвящены именно изучению государственно-общественной системы управления исламской образовательной организацией. При этом объективная потребность в детальном изучении ее специфики есть, что обусловлено указанным выше противоречием.

Следует отметить, что на данный момент наиболее изученными и широко описанными в специализированной литературе являются исламские образовательные системы Ирана, Египта, Саудовской Аравии, Малайзии¹. Зарубежные исламские высшие учебные заведения пользуются спросом и у российских студентов-мусульман, так как богословы, получившие образование в таких вузах, как «аль-Азхар» (Египет), Исламский университет Медины (Саудовская Аравия), Исламский университет «Азад» (Иран) пользуются уважением и признанием в исламском мире.

Это неизменно высокое качество исламского образования имеет свои предпосылки. Оно достигается благодаря тому, что наиболее уважаемые исламские учебные заведения мира функционирует в условиях традиционного исламского культурно-политического ареала, что предполагает наличие четких форм взаимодействия с государственными органами. Система исламского образования представляет собой единство трех взаимосвязанных компонентов:

- 1) органов управления образованием,
- 2) учебных заведений,
- 3) содержания образования².

Исламское образование в России сейчас активно развивается. Разработана качественная содержательная часть, есть перспективные и востребованные учебные заведения, в которых уже начали формироваться собственные традиции, однако механизмов, обеспечивающих единство исламской образовательной системы на организационном уровне (третий компонент) еще не выработано. Именно такой механизм закладывает проектирование развития государственно-общественной системы управления исламским образованием.

¹ См.: 1) *Фазлихани М.З.* Педагогические основы управления качеством образования учащихся в школах Исламской Республики Иран. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskie-osnovy-upravleniya-kachestvom-obrazovaniya-uchashchikhsya-v-shkolakh-islamsk-0/> (дата обращения: 15.11.2019); 2) *Фагих Насири Марям Голамреза.* Педагогическая эффективность обмена современными педагогическими технологиями в системе высшего образования Ирана. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskaya-effektivnost-obmena-sovremennymi-pedagogicheskimi-tehnologiyami-v-sisteme-> (дата обращения: 15.11.2019) и др.

² *Хабибуллина Г.Ю.* Исламская педагогика: учебное пособие. М. 2015. С. 20, 21.

При проектировании государственно-общественной системы управления исламской образовательной организацией актуальным является изучение существующего опыта управленческой деятельности в сфере исламского образования и учет его сильных и слабых сторон. При этом для максимально эффективного проектирования указанной системы не следует ограничиваться исключительно российским опытом религиозных образовательных организаций и исключительно опытом исламских образовательных организаций.

Учитывая все перечисленное, можно попробовать выстроить предпосчитительную структуру высшего звена государственно-общественной системы управления исламской образовательной организацией высшего образования (Рис. 1).

Рисунок 1. Схема примерной структуры высшего звена государственно-общественной системы управления исламской образовательной организацией высшего образования

Рассмотрим подробнее предложенную структуру.

1) Ученый совет. Ввиду специфики исламской образовательной организации целесообразно в состав ученого совета включать не только преподавателей, имеющих ученую степень, но и исламских ученых-алимов или тех, кто имеет диплом о высшем религиозном образовании и дополнительную специальность — «Имам-хатиб, преподаватель основ ислама».

2) Ректорат выполняет традиционный набор функций, обеспечивая деятельность и устойчивое развитие образовательной организации.

3) Ректор является главой вуза и его лицом; решает основные внутренние вопросы и представляет образовательную организацию в ее внешних контактах. В соответствии со ст. 51 Федерального закона РФ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ ректором может быть избрано лицо, имеющее ученую степень и звание. Ввиду специфики образовательной организации целесообразно назначение ректора непосредственно ее учредителем.

4) Учредителями исламских образовательных организаций, как правило, являются соответствующие религиозные организации (к примеру, Централизованная мусульманская религиозная организация Совет муфтиев России, Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Республики Татарстан и др.).

5) Роль попечительского совета исламской образовательной организации может успешно исполнять «Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования». Его спецификой является наличие государственной структуры в составе учредителей (согласно данным Единого государственного реестра юридических лиц ФНС РФ), ввиду чего структура высшего звена государственно-общественной системы управления исламской образовательной организацией высшего образования выглядит полностью завершенной.

Как указывает П. Чуприков, исламское образование в России начало развиваться только в середине 80-х годов. Развитие осуществлялось двумя способами: во-первых, в исламских воскресных школах при мечетях, во-вторых, через систему религиозного образования. Высшее духовное образование обучающиеся получали в основном за рубежом. Основным недостатком такого обучения явилось отсутствие должного контроля за его процессом со стороны российских мусульманских структур, разноречивые критерии отбора студентов, отправляемых в иностранные учебные заведения, а также отсутствие договоров между государствами о взаимном признании дипломов¹.

С 2000-х годов проблемами исламского образования уже заинтересовалось государство. Был осуществлен ряд мер по унификации и стандартизации учебных программ, направленных, в частности, на контроль качества подготовки квалифицированных кадров для обучения исламским наукам².

Важным фактором, способствующим наиболее эффективной работе исламских учебных заведений, П. Чуприков называет прохождение

¹ Чуприков П. Исламские вузы и госуниверситеты России // Россия и мусульманский мир. 2011. № 9 (231). С. 20–21.

² Там же. С. 23.

ими государственной аккредитации¹. Современный исламский вуз прежде всего должен готовить мусульманскую интеллигенцию, одинаково сведущую в области и богословских, и светских наук.

Действительно, процесс реформирования образовательной системы России закрепил такие обязательные нормы взаимоотношений образовательных организаций, государства и общества, как прохождение последовательных процедур регламентации деятельности учреждений образования — лицензирования и аккредитации. Благодаря этому на сегодняшний момент все образовательные учреждения России функционируют в рамках единого социально-правового поля.

Государственно-общественная система управления образовательной организацией строится не только на уровне высшего управленческого звена. Она состоит из целого комплекса взаимосвязанных элементов (Рис. 2).

Рисунок 2. Компоненты государственно-общественной системы управления

¹ Чуприков П. Исламские вузы и госуниверситеты России. С. 22.

Указанные компоненты раскрывают специфику государственно-общественной системы управления исламской образовательной организацией высшего образования. В эту структуру также могут быть включены общественные организации, представляющие мусульманскую умму и другие компоненты.

Предложенная структура с максимальной полнотой учитывает специфику исламской образовательной организации и необходимость учета современных прогрессивных тенденций в образовательном менеджменте.

Исламские образовательные организации являются неотъемлемой частью современной российской системы образования, следовательно, их развитие должно соответствовать общегосударственным целям.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» сосредоточена на таких программных целях: «цель 1 — качество образования», «цель 2 — доступность образования», «цель 3 — онлайн-образование». Специфика данной программы — проектное управление, включающее реализацию следующих ключевых образовательных проектов: «Современная цифровая образовательная среда Российской Федерации», «Подготовка высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров с учетом современных стандартов и передовых технологий», «Вузы как центры пространства создания инноваций», «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»¹ и другие.

Система полноценного многоуровневого исламского образования в России все еще находится на стадии развития, ввиду чего инновационная деятельность исламских вузов по разработке современных образовательных программ, отвечающих действующим образовательным стандартам, актуальна и значима для всей системы религиозного образования.

В «Общих положениях» «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», отмечено: «Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовывать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины»².

¹ Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 года № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» / Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/711748426/> (дата обращения: 22.02.2020).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. 08.06.2015 г. Федеральный выпуск № 122 (6693).

В документе в числе восьми приоритетов государственной политики в области воспитания отмечены: «формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России; поддержка единства и целостности, преемственности и непрерывности воспитания; поддержка общественных институтов, которые являются носителями духовных ценностей»¹.

Религия сама по себе служит общественным институтом, являющимся носителем духовных ценностей. Ислам в России имеет глубокие исторические корни и неотделим от судьбы страны. Исламское образование ориентировано на традиционные духовные ценности, формирование высоконравственной личности и мирную консолидацию общества. Таким образом, приоритетные задачи Российской Федерации в сфере воспитания могут быть успешно реализованы в среде исламской образовательной организации.

Нельзя не отметить такой документ, как «Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама» — это «комплекс основных положений и моделей организации образовательных программ подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, определяющих его структуру и сущностное наполнение, а также оценка его нынешнего состояния и перспективы развития на основе анализа существующих подходов (светского и духовного)»².

В соответствии с определением, содержащимся в указанной Концепции, «исламское образование — вид религиозного образования, направленный на подготовку служителей и религиозного персонала исламского вероисповедания, преподавателей и богословов, на полноценное удовлетворение образовательных потребностей верующих в сфере религии. Исламское образование на различных уровнях обеспечивает процесс воспитания и обучения, направленный на усвоение профессиональных знаний, относящихся к догматике, ритуалу, этике, культуре, социально-правовым и прочим нормам ислама в интересах личности, семьи, государства и общества»³.

Изложенная концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама полностью соответствует актуальным стратегиям развития образования и воспитания в Российской Федерации.

«Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» разработанный Минэкономразвития России, содержит раздел 4.3. «Развитие экономики

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».

² Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама // Ислам в современном мире. 2015. Т. 14. № 3. С. 63.

³ Там же. С. 64.

образования», в котором говорится, что «развитие сферы образования, намеченное на период до 2030 года, должно быть ориентировано на повышение доступности и качества образования, подготовку квалифицированных кадров всех уровней профессионального образования, способных быстро реагировать на запросы рынка труда, повышать уровень своей квалификации в течение всей жизни, использовать свои знания, навыки и компетенции, полученные в процессе обучения»¹. Именно на перечисленные цели ориентировано проектирование и развитие государственно-общественной системы управления в сфере исламского образования.

Международные тенденции стратегического развития систем образования можно проследить на примере «Молодежной стратегии Организации Объединенных Наций “Молодежь 2030”». Как одна из приоритетных задач ООН в области молодежной политики указывается и такая: «выступать за качественное образование», что означает: «взаимодействовать с государствами-членами и другими партнерами в целях обеспечения всеобщего доступа к качественному образованию; разрабатывать и внедрять качественное и инклюзивное образование молодежи, ориентированное на потребности обучаемого и опирающееся на подходы, основанные на концепции получения знаний на протяжении всей жизни, отвечающее реальным социально-экономическим и экологическим потребностям населения и условиям, в которых живут молодые люди, и поощряющее рациональный образ жизни и устойчивое развитие»².

Еще одним документом, отражающим современные образовательные тенденции, является «Меморандум непрерывного образования Европейского Союза», принятый на саммите Европейского Союза в Лиссабоне в 2000 году и содержащий выводы, согласно которым «успешный переход к экономике и обществу, основанным на знании, должен сопровождаться процессом непрерывного образования — учения длиною в жизнь (lifelong learning)»³.

Выработка национального опыта непрерывного исламского образования с учетом современных тенденций развития государственно-общественной системы управления является актуальной задачей развития современного религиозного образования в России.

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Минэкономразвития России. Москва, март, 2013. С. 95. [Электронный ресурс] // URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 22.02.2020).

² «Молодежь 2030» Молодежная стратегия Организации Объединенных Наций: Официальный сайт Организации Объединенных Наций. — С. 10–11. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/youthenvoy/wp-content/uploads/2014/09/WEBR-UN-Youth-Strategy_Booklet_Russian-for-WEB.pdf (дата обращения: 22.02.2020).

³ Меморандум непрерывного образования Европейского Союза. Общество «Знание», 2001 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html> (дата обращения: 22.02.2020).

Литература и источники

Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4 С. 63–78.

Метлик И. В. Религия и образование в светской школе. М.: «Планета-2000», ПППЦ «Пересвет», 2004. 384 с.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. 08.06.2015 г. Федеральный выпуск. № 122 (6693).

Хабибуллина Г. Ю. Исламская педагогика: учебное пособие. М., 2015. 250 с.

Чуприков П. Исламские вузы и госуниверситеты России // Россия и мусульманский мир. 2011. № 9 (231). С. 20–26.

References

Koncepciya podgotovki specialistov s uglublennym znaniem istorii i kul'tury islama (2015). [Concept of Training Specialists with In-depth Knowledge of the History and Culture of Islam]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 11. 2015. No. 4. Pp. 63–78.

Metlik I. V. (2004). *Religiya i obrazovanie v svetskoj shkole*. [Religion and Education in Secular School]. Moscow: Planeta-2000. 384 p.

Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda, utverzhdannaya Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 maya 2015 goda № 996-r. (2015). [Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025, approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 996-R of 29.05.2015]. *Rossiyskaya gazeta*. No 122 (6693). 08.06.2015.

Habibullina G. Yu. (2015). *Islamskaya pedagogika. Uchebnoe posobie*. [Islamic Pedagogy. Textbook]. Moscow. 250 p.

Chuprikov P. (2011). *Islamskie vuzy i gosuniversitety Rossii* [Islamic Universities and State Universities in Russia]. *Rossiya i musul'manskij mir*. No. 9 (231). 2011. Pp. 20–26.

STATE-PUBLIC SYSTEM OF MANAGEMENT IN ISLAMIC EDUCATIONAL ORGANIZATION

Annotation. This paper argues for the thesis, the systematic interaction between state and society in the sphere of Islamic education is extremely useful. The modern trends of Russian educational system in Russia as well as worldwide tendencies prove that religious education deserves to play an important role in social life. The article focuses on the specifics of the functioning of Islamic educational organizations within the social and legal framework of a secular state and on the need to take into account current trends in the development of the state and public management system when building a modern system of continuous religious education in Russia.

Keywords: education system, modern trends in education, Islamic education, spiritual and moral development, state and public management system.

Albina V. YAKOVLEVA,

interim dean of the Faculty of Theology, Moscow Islamic Institute
(12, Kirova Lane, Moscow, 109382, Russian Federation).
E-mail: ami27.86.27@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

Али-заде Айдын Ариф оглы

Институт философии и социологии Национальной академии наук Азербайджана

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ
МУХЕТДИНОВА Д. В.**

**НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ТЕОЛОГИИ
«ИСЛАМСКОЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА
XXI ВЕКА: ИДЕИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

АЛИ-ЗАДЕ Айдын Ариф оглы —

д-р филос. наук, гл. науч. сотр.

Институт философии и социологии

Национальной академии наук Азербайджана

(AZ1073, Баку, проспект. Г. Джавида, 115).

Email: phillaw@phill.ab.az)

Тематика исследования посвящена одной из самых актуальных проблем современности — тенденциям неомодернизма в современном исламском богословии. Выбор предмета исследования со стороны автора не случаен. Дело в том, что исламское мировоззрение на современном этапе истории подвергается разного рода трансформациям, связанным с изменениями мира и окружающей среды. Еще в XIX в. часть мусульманских богословов, обеспокоенных кризисом

мировоззрения, философии и правовых систем в их обществах, а также всеобщим упадком мусульманских империй, пришли к выводу о необходимости реформационных процессов в исламской теологии и предприняли в этом направлении определенные усилия. Таким образом, было положено начало мусульманскому модернизму, который сыграл позитивную роль в преодолении значительной части проблем. Модернизм в исламе, который был представлен такими мыслителями, как Джамал ад-дин ал-Афгани, Мухаммад Абдо, Мухаммад Рашид Рида, Мухаммад Икбал и другими, был подробно изучен и систематизирован мировой наукой как в мусульманских странах, так и на Западе, и в России.

Во второй половине XX в. модернистские тенденции в мировой мысли и искусстве были подвержены кризисным явлениям и во многом уступили место постмодернизму и неомодернизму. Эти же тенденции имели место и в мусульманской мысли. Однако в отличие от модернизма, новые течения исламского богословия не до конца изучены в основном по причине того, что эти процессы не завершились, а продолжают развиваться в начале XXI в. Особенно остро ощущается дефицит исследований по данной проблеме в России и странах СНГ, тем более что на этом пространстве получили распространение самые различные культуры и религиозные конфессии, мирное сосуществование которых необходимо обеспечивать в том числе с помощью новых философских и теологических концепций, которые соответствуют сложившейся реальности; также имеются проблемы, связанные с религиозным экстремизмом. В то же время, по причине того, что это геополитическое пространство имеет свои особенности, их необходимо осмысливать и поступать в соответствии с ними. Потому представленная к защите по специальности 26.00.01 (теология) диссертация в значительной мере восполняет недостаток исследований в этой области и имеет большую научно-практическую ценность.

Структура работы отражает цели и задачи исследования, а также логику и последовательность изложения. Во вводной части соблюдены все формальные требования, которые традиционно предъявляются к диссертациям. Соискатель достаточно убедительно обосновал актуальность, новизну, цели и задачи и другие необходимые положения.

В каждой из первых четырех глав сначала излагаются основные концепции мусульманских обновленцев — Фазлура Рахмана, Мухаммада Аркуна, Мухаммада Шахрура, Хамида Абу Зайда, а затем из изложенного материала делаются выводы. При этом необходимо особо отметить, что автор не только излагает эти концепции, но и выражает к ним свое отношение и рассматривает через призму своего мировоззрения, что особенно ценно с философской точки зрения. Особую значимость приобретают выводы, которые помещены в конце каждой из глав и в которых соискатель обобщает основные тезисы, изложенные

в параграфах и объединяет их в единое целое. В последней, пятой, главе в обобщенном изложении даются основополагающие обновленческие идеи, такие как новое отношение к каламу, теории откровения, проблеме Сунны и хадисов и т. д. Особое практическое значение имеют последние параграфы «Ислам как платформа для плюрализма» и «Ислам и цивилизационный контекст», в которых автор проводит параллели между идеями мусульманских обновленцев и мыслителей джадидизма в Российской империи.

В заключительной части диссертации обобщаются все сделанные ранее выводы и подводятся итог всего исследования. Наиболее интересным моментом является предложение о «выработке обновленческой программы, которая будет согласована с реалиями российской мусульманской культуры. Такая попытка предполагает создание современной богословской школы ислама в российском контексте. Неомодернистская картина мира в данном случае должна будет дополниться материалами отечественного и мирового исламоведения, а также, что немаловажно, должна будет включать ряд идей отечественного богословия, имеющих региональную специфику и обладающих поэтому особой ценностью» (с. 409). Для реализации этой программы соискатель предложил претворение в жизнь следующих конкретных шагов: историзация коранического откровения, смещение акцентов с «Закона» на «благодать» при толковании Корана и «этизация» Сунны.

Как известно, докторские диссертации должны отвечать строго определенным требованиям, важнейшими из которых являются:

1. Разработка теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение;
2. Решение проблемы, которое имеет практическое социально-экономическое или культурное значение.

В частности, эти положения зафиксированы в постановлении Правительства РФ от 24.09.2013 N842 (ред. от 01.10.2018) «О порядке присуждения ученых степеней». Представленная диссертация отвечает обоим требованиям. С точки зрения теории соискатель выступил с целым рядом идей, которые могут воздействовать на настроения мусульманского населения не только в РФ, но и на всем пространстве СНГ. Эти идеи отражены на всем протяжении работы. В качестве одного конкретного примера можно привести мысли о том, что российское исламское богословие сильно отстало в развитии и «по ряду положений уступает неомодернизму». Далее идет суждение о том, что от него необходимо не отказываться, а связать с обновленческими течениями современности. В заключении соискатель предлагает идею «создания современной религиозно-философской школы ислама в российском контексте на стыке неомодернизма, современного исламоведения и традиций отечественного богословия» (с. 403). Данная мысль актуальна не только

для России, но и для других стран СНГ с мусульманским населением, богословская мысль которых серьезно отстает в развитии.

По части практического применения положений диссертации ее значение огромно. Дело в том, что в связи с кризисом мусульманского богословия в РФ и странах СНГ и его неспособностью генерировать постмодернистские и неомодернистские идеи имеет место отток значительной части верующих из контролируемых Духовными управлениями (и опосредованно — властями) официальных мечетей в направлении представителей иностранных миссий, которые умело используют неспособность этих структур приобщиться к современному мировоззрению. Кроме того, обновленческие теории усиливают секулярные тенденции в мусульманских общинах, что, несомненно, на пользу властям всех стран, и в частности России. Это тоже является инструментом для обуздания религиозного экстремизма. Потому идеи автора, изложенные в диссертации, имеют несомненную практическую ценность.

Что касается замечаний по диссертации, то необходимо отметить, что соискатель порой слишком углублялся в изложение различных идей мусульманских мыслителей, вместо того чтобы выражать к ним свое философско-теологическое отношение. Однако и тут следует отметить, что описательность тоже необходима, так как без этого было бы невозможно приходить к тем или иным выводам. Проблема лишь в том, что в некоторых местах этому отводится слишком много места. Но этот момент спорный, и соискатель может иметь по этому поводу свое мнение. В любом случае данное замечание никак не влияет на качество и практическую значимость работы.

В заключение необходимо отметить, что диссертация написана в соответствии с требованиями академической науки и имеет несомненную научную, теоретическую и практическую ценность.

**Главный редактор:
Заместители
главного редактора:**

Учредитель и Издатель:

**Генеральный директор:
Над номером работали:**

Адрес редакции:

Д. Мухетдинов

Вс. Золотухин

Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом
“Медина”» (109382, г. Москва, проезд Кирова, д. 12)

E-mail: info@idmedina.ru

Сайт: www.idmedina.ru

И. Нуриманов

Вс. Золотухин (выпускающий редактор), Н. Сборовская (научный редактор), А. Конькова (литературный редактор, корректор), А. Хабутдинов (научный консультант), П. Хорошилов (переводчик), А. Сафина (менеджер подписки), А. Паньшин (дизайнер, верстальщик).

129090, Российская Федерация, г. Москва, Выползов пер., д. 7.

Тел.: +7 (499) 763-15-63

Материалы номера соответствуют нормам Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 (в редакции 28.07.2012) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и классифицированы по возрастной категории 12+.

Печатное СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77-65168 от 28.03.2016.

Журнал способствует академическому и критическому анализу истории ислама, философских, политических, социальных и культурных аспектов жизни современных мусульманских обществ, активно участвует в теоретических и эмпирических исследованиях и тем самым содействует критическому пониманию сложной природы идей и исламских ценностей, социальных конфигураций и материальных реалий, характерных для мусульманских обществ в современном мире. Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает мнение редакции.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Редакция журнала руководствуется нормами и международными стандартами, установленными Комитетом по этике публикаций Committee on Publication Ethics (COPE).

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Ислам в современном мире» обязательна.

Распространяется по подписке во всех регионах России и за рубежом.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» и в электронном каталоге «Российская периодика» в сети Internet (www.arpk.org) — 94107.

Сдано в производство: 23.12.2020. Подписано к печати: 27.12.2020. Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

В розницу — цена свободная.

© 2020 Редакция журнала «Ислам в современном мире»

© 2020 ООО «Издательский дом “Медина”»

ИСЛАМ

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Некоммерческий благотворительный фонд
ФОНД ПОДДЕРЖКИ
ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ,
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Editor-in-Chief:
Deputy Editor-in-Chief:

Founder&Publisher:

General manager:
The editorial staff:

Registration:

ISLAM IN THE MODERN WORLD

Damir Mukhetdinov (Moscow, Russian Federation)
Vsevolod Zolotukhin (Moscow, Russian Federation)

Medina Publishing Ltd.
12 Pr. Kirova, Moscow, 125009, Russian Federation.
Tel:/ Fax: 007 (499) 763-15-63
E-mail: info@idmedina.ru
Website: www.idmedina.ru

Ildar Nurimanov

Vs. Zolotukhin (Managing Editor in Charge), N. Sborovskaya (Scientific Editor), A. Konkova (Literary Editor, proofreading), A. Khabutdinov (Scientific consultant), P. Khoroshilov (translator), A. Safina (Subscription manager), A. Panshin (designer, Crafty coder).

Islam in the modern world is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

PI certificate number FS 77-65168 on 28.03.2016.

The journal's materials are compliant with the Federal Law № 436-FZ adopted 29.12.2010 (revised 28.07.2012) "On Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" and classified as suitable for people aged 12 and over.

Islam in the modern world promotes an academic and critical examination of the history and contemporary philosophical, political, social and cultural aspects of Muslim societies. *Islam in the modern world* actively engages theoretical and empirical studies and by so doing promotes a critical understanding of the complex nature of ideas, values, social configurations and material realities of events associated with the development of Islam and Muslim societies. *Islam in the modern world* provides a forum for the interdisciplinary examination of diverse issues based on solid research and critical readings of developments in the modern world.

Islam in the modern world is subject to a peer review process.

Subscription index in the Integrated catalog "Press of Russia" and in the electronic catalog "Russian Periodical Press" in the Internet (www.arpk.org) network — **94107**.

Put into production: 23.12.2020. Signed in print: 27.12.2020.
10000 copies

© 2020 Editors of *Islam in the modern world*

© 2020 Medina Publishing Ltd

UNCOMMERCIAL CHARITABLE FUND
«FUND FOR SUPPORT OF ISLAMIC
CULTURE, SCIENCE AND EDUCATION»

